

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

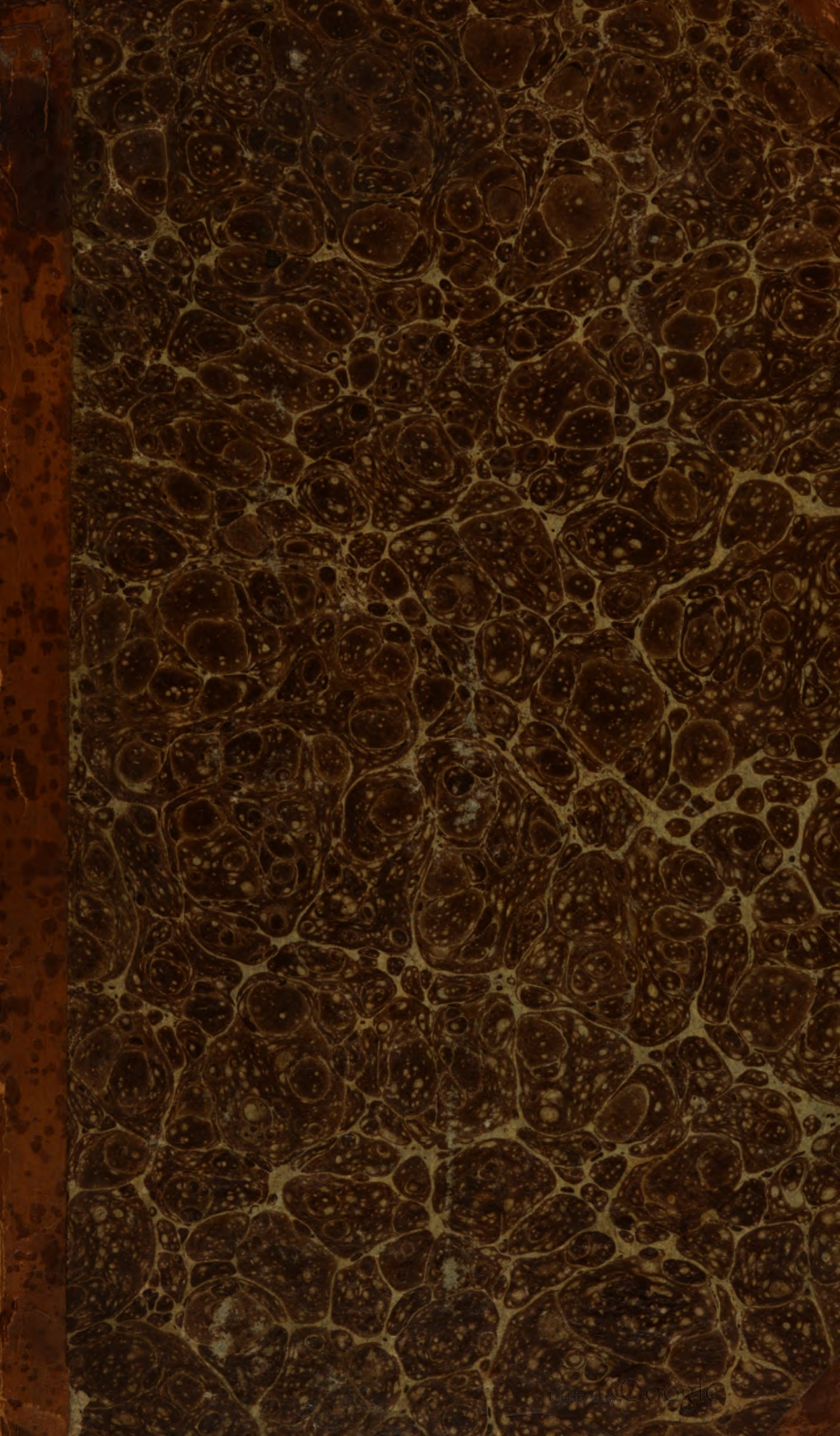
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Уллагар II

H T. III

Омд.

Шинэ 92

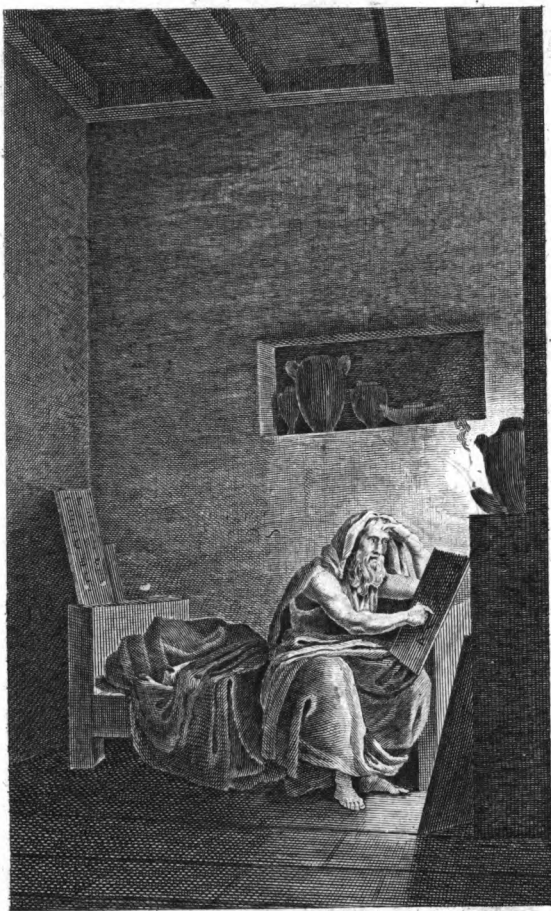
Тооно 18

200

NYPL RESEARCH LIBRARIES

51av. Reserve
94-3304
Eckartshausen
Digitized by Google

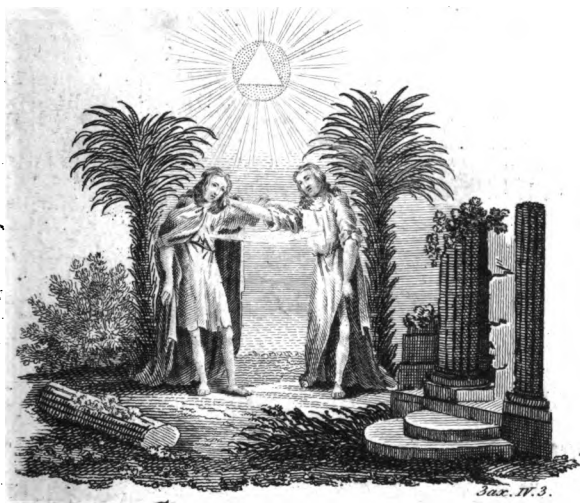

*Изверженныхъ духовъ сѣи оковы даля:
Обузdana ихъ плоть, но ихъ свободна валя.*

Поэма Владимиръ Писн. II.

Н О Ч И,
или
БЕСѢДЫ МУДРАГО
СЪ ДРУГОМЪ,
изъ
СОЧИНЕНІЙ
Г.^{на} ЭККАРТСТАУЗЕНА.
Издание второе

С. ПЕТЕРБУРГЪ
1817.

НОЧЬ ПЕРВАЯ.

Скоро полночь, любезный другъ, и мы съ часъ уже разговариваемъ съ вами о чудесахъ Напуры, которыя для шоль многихъ челоѣковъ ошшающся загадкою. Я примѣчаю въ васъ большую склонность къ вышнимъ наукамъ и знаніямъ сокровенныхъ вещей въ Напурѣ. Вы шрудитесь, работаеете, собираеете, испытываеете: но ежели искренно признашья захотите, шо вы все еще не знаеете, гдѣ вы? — Все, что вы сказаешь можете, естѣ шолько шо, что естѣ *многое, то мы знаемъ; но еще болѣе, того не знаемъ.* Любопытный духъ вашъ перебѣгаеетъ ошъ одной мысли къ другой; въ васъ загарается искорка, и опяетъ пошухаетъ; вы гадаеете, мечтаеете, грезите; видите передъ собою пространное, неизмѣримое море; находите множество книгъ и людей; говорите съ ними, слушаеете ихъ, читаеете, и любопытство ваше ошчасу болѣе возбуждаеетя, а вы ошчасу менѣ находите удовлетворенія: — усматриваеете *вдали землю таинствъ*

какъ опдаленный оспровъ, и хошите приспаль къ берегу: но — я прошу васъ, любезный другъ — не ввѣряйтесь каждому плывущему судну и каждому кормщику. Пущь сей далѣе и шруднѣе, нежели вы, можете бысть, воображаете. Съ неопытнымъ кормчимъ вы можете годъ проплыть безъ надежды когда либо дойти земли; можете также попасть на мѣль, и шамъ погрязнуть, или выброшены бысть на шакіе бѣрега, гдѣ ложь и обманъ царствуютъ, и гдѣ вы найдете свою погибель.

Я увѣренъ, что у васъ сердце доброе, и что человекство вамъ любезно; пошому я и не оуждаю вашего любопытства: но шолько прошу васъ, чтобы вы опдали себя подъ руководство разуму. Не ввѣряйтесь всякому, чьего характера вы не знаете. Кто не шпарается морально бысть добрымъ, кто не вѣдаетъ душевной Истины — шощь не можете привестъ васъ къ *Истинѣ*.

Весьма бы я желалъ, любезный другъ, чтобы вы положишельно опредѣлили себя цѣль: для чего вы шполь многое знаете хопише? Буде для шого, *чтобы только знать, что бысказашь: я обладаю такою-*

то и такую рѣдкостью: о! по выкиньте изъ головы сію мысль; вы никогда успѣха въ вышнихъ наукахъ имѣть не будете; любопытство ваше спановишься будетъ опчасу жаднѣе, и опчасу менѣе будетъ удовлетворяемо; вы будете походить на Таншала, который видишь всегда плоды передъ собою; но всякой разъ, какъ только онъ думаетъ сорвать ихъ, они избѣгають опъ рукъ его. Мученіе ваше будетъ подобно мученію Данаидъ; вы будете черпать изъ источника Премудрости въ бездонные сосуды. Намѣреніе ваше, любезный другъ, должно бытъ по, чтобы приближиться къ высокой цѣли человѣческаго предназначенія. Ежели при любопытствѣ вашемъ нѣтъ у васъ сего намѣренія: по будите увѣрены, что вы будите мечтаетъ, воображаетъ, грезитъ, гонящаяся за шѣнью, и ничего истиннаго не узнаете. Но еспли воля ваша чиста и намѣреніе честно: по не опчаявайтесь; вы можете достигъ до высочайшаго знанія вещей человѣческихъ. Все рѣдкое, чудесное, которое шамъ и сямъ въ книгахъ показывается, къ чему иногда приводить насъ какое-либо явленіе въ Напурѣ, еспь только намеки, только разкиданныя приманки;

*

дабы даць челоуѣку примѣпишь, что еще вышшія истины въ доуѣ Натуры скрывающяся.

Дѣйствительно есть нѣкоторыя оспашки отъ Теорческаго мірозданія, разбросанные кое-гдѣ Премудрымъ, копорымъ обыкновенный челоуѣкъ дивишяся, не зная откуда они? Но щещемно спараешия онъ узнашь Цѣлое, отъ котораго обломки сіи ему оспавлены. Земная философія не научаетъ обозрѣвать въ связи Цѣлое; а безъ того не лзя прямо звать часшей онаго.

Однакожь, любезный другъ, все имѣеть свое назначеніе по премудрому усгаву Создателя: равно и сіи обломки, встрѣчаемыя на пуши путешественникомъ, шушь для того, чтобы даць ему примѣпишь, что есть еще зданіе, которое путешествующій найши можетъ, когда, упомясь жизнью, переслупишь за юдоль смерши.

Одна шожмо есть ученіе, любезный другъ, изъ котораго объясняющяся всѣ шансва Натуры: но обыкновенные мірскіе мудрецы не знаютъ сего ученія; оно для нихъ шопъ камень прешыканія, копорый олвергли зиждушіе; и вы, любезный другъ, шакже не получите никакихъ успѣховъ въ вышнихъ наукахъ, ешьяли вы шолько эшо

знать, а не поступать по оному хопише. Жизнь духа есть дѣятельность; пламя, которое свѣтитъ хочешь, должно горѣть; мерзвъ огонь, который подъ пледомъ погасъ.

Когда дадутъ вамъ книгу и скажутъ, что она содержитъ въ себѣ великія истины: то вы должны ее раскрыть, прочесть и поступать по ней.

Еслили хочише бытъ художникомъ, то должны прежде научиться, потомъ принявъ за дѣло: иначе вы будете только поршишь.

Когда же вы дѣйствительно намѣрены прозрѣть глубже во внутренность Нашуры и открыть великія таинства, посвященіи творенія сокрытыя: то слѣдуйте за мною; я проведу васъ на путь, по которому вы достигнете до сокровеннѣйшихъ таинствъ Нашуры: но вы должны уже непосредственно слѣдовать моему руководству.

Подумайте прежде, любезный другъ, и размыслише хорошенько: хочише ли вы избрать меня себѣ въ руководителя по столь непрохожей дорогѣ? Увѣрены ли вы, что я знаю дорогу и спрану шу, по которой вы путешествовать хочише? Увѣрены ли въ

моемъ образѣ мыслей, и что я не поведу васъ по пушьямъ ложнымъ?

Есшьли же вы въ помѣ удосповѣрены, есшьли сердце ваше и дружба ко мнѣ успокоивающъ васъ въ семъ пунктѣ: шо дайше мнѣ руку; я клянусь вамъ предъ Сущесшвомъ, вѣдящимъ сердца человѣческія, что я не поведу васъ на разпушія.

И шакъ есшьли вы рѣшились, любезный другъ: шо увѣрьше и меня взаимно въ свяшосши вашей дружбы, какъ я увѣрляю васъ въ моей; общайше мнѣ съ вашей шпороны ошорожность, дѣяшельность, радѣніе, добродѣшель и посшолншво. Есшьли же вы не находите себя довольно сильнымъ, чтообы дашь мнѣ шакое обѣщаніе: шо не шребуайте ошъ меня дальнѣйшаго руководшва; я ошанусь на всегда вамъ вѣрнымъ другомъ и буду удѣлять вамъ шолько свѣша, сколько вы принять его можете; но самъ просите васъ буду, лучше не дѣлашь и перваго шага, нежели, сдѣлавъ оный, ошавашься поелъ шого во мракѣ. Вы шасшпливѣе будете не видавъ никогда свѣша, нежели когда, увидя его, возвращишесь ошпашъ кошпмъ. Оскверненіе свяшныни есшь ужаснѣйшее зло въ Нашурѣ; вы не можете шого

осквернишь, чего вы не знаете: но узнавъ я повпоряю вамъ, что оскверненіе свящины есть ужаснѣйшее зло въ Напурѣ! И для того-то въ вещахъ самой высочайшей истины и свящосни поспреба оспорожностъ, не для самой вещи, любезный другъ; а для людей, вещь оскверняющихъ.

И такъ я еще прошу васъ, мой любезный другъ, гораздо поразмыслишь: имѣете ли вы сполько швердоспи въ духѣ, чшобы пребышь вѣрну добродѣтели? Вѣдѣніе часшо вредишь болѣ невѣдѣнія, когда оно во зло упошребляешся.

Пушь въ началѣ шрудень: но мзда Премудроспи награждаешъ шруды неушомимаго пушника. Наше спранспвованіе есть обрапное въ опечешво — къ Богу свѣшповъ; каждый шагъ есть приближеніе къ Нему; каждая спупень награждаешъ насъ новымъ свѣшпомъ и новою силою. — Довольно сего; усните спокойно! Если ли вы найдеше въ себѣ охопу къ спранспвию по сему пуши: шо завшра около полуночи мы оляшь можемъ свидѣшсья.

НОЧЬ ВТОРАЯ.

И шакъ вы рѣшаешесь, любезный другъ, ишши шѣмъ путемъ, кошорый я вамъ укажу. Вы ищете Ишпины и Премудросши: повѣрьшежь, что одна шолько дорога ведешъ къ онымъ. Всѣ мудрые въ древносши, всѣ посвященные въ ишпинныя и вышнія Таинсшва, искали сего пути: но немногие на немъ оспавались и доспигали великой цѣли челоувческаго предопредѣленія. Сей путь ешъ путь Избранныхъ, путь Пророковъ и Святыхъ.

Ищи Ишпины и Премудросши въ Богъ — вошъ главное основаніе, любезный другъ, съ кошорымъ должны вы ознакомишь сердце ваше! Ибо ошъ Него единаго, яко Творца всѣхъ сущесшвъ, производишь Ишпина и Премудросшь, и все ишпинное и премудрое.

Но прежде, нежели поведу я васъ далѣе, надлежишь мнѣ указать вамъ, любезный другъ, путь, по коему вы сами ишши можете, и на кошоромъ самъ Богъ будешъ вождемъ вашимъ, какъ скоро вы вспушите на оный. Безполезно было бы говоришь шеперь о вышнихъ таинсшвахъ, скрыва-

ющихся въ лонѣ истинной Премудрости и доспающихъ въ удѣлъ весьма немногимъ, содѣлавшимся доспойными приняшия оныхъ. Таинства сіи, любезный другъ, были бы шеперь для васъ еще непонятны. Языкъ созерцательный естъ языкъ особенный, который большей части людей неизвѣстенъ; и вы не знаете еще ни первоначальныхъ буквъ онаго, ни послѣдованій Единицы и ея дѣйствій: и такъ не спѣшите по сему пупи — спускайте не съ любопытствомъ, а съ чистымъ сердцемъ и искреннимъ желаніемъ получить наставленіе; и будьте увѣрены, что сильнымъ хотѣніемъ и посоянствомъ достигнете вы цѣли вашей.

Обращая взоръ вашъ, любезный другъ, на міръ, увидите вы, что ничто въ немъ удовлетворить насъ не можетъ. Излишне было бы говорить съ вами о томъ напрасно: истину сію подтверждающъ всѣ мудрые древности и опыты каждаго человека. Даже мудрейшій изъ Царей сказалъ: *все суета, кромя любви къ Богу и служенія Ему.*

Вы увидите, любезный другъ, что всѣ удовольствія, міромъ и чувственностію намъ предлагаемыя, насыщать насъ не мо-

гущь. Сердце наше — ежели сей примѣръ предсхавишь смѣю — походя на приугольникъ, не можешь наполнишься міромъ, ибо онъ кругъ; всегда останешься въ немъ пушпоша, кошорую наполнишь можешь одна Божеспвенная Трїединица. Время и чувспвенносшь подвержены перемѣнамъ, и потому ни пвердоспи, ни продолжисельноспи имѣць онъ не могутъ. Такъ и науки и мудросшь человѣческая совершенно удовлешворишь насъ не могутъ; всегда останешься для насъ множеспво вопросовъ, кошорыхъ мірскіе мудрецы рѣшишь намъ не въ соспоянїи. Бывають случаи, кошорыхъ, по испорической ихъ вѣрноспи, оприцашь не возможно; но кошорыхъ мы физикою нашею изьяснишь не можемъ. Чудеса, дивныя приключенїя, шпинсшва вѣры останушся навсегда загадкою для нашихъ философовъ, коихъ разумъ никогда не объяснишь сихъ вещей, для кошорыхъ нужно вышнее просвѣщенїе.

Мірскіе ученые весьма чувспвуютъ сей свой недоспапокъ; ихъ споры и разныя объ одной одной вещи мнѣнїя сущь доказашельсшва шого; по чему все шо, чего они поняшь и объяснишь не могутъ, они опшвергають, какъ мечпу воображенїя,

или какъ порожденіе возпаленной головы, или какъ обманъ: но любитель Истины, безприспрасно испытующій причины, часпо во всѣхъ ихъ возраженіяхъ и доводахъ не находишь ничего доказаннаго, и попому духъ его носится между вѣрою и сомнѣніемъ.

Есть однакожь Наука, любезный другъ, разрѣшающая всѣ сомнѣнія мірскихъ философовъ; ибо всякое сомнѣніе есть недоспапокъ познанія и проницанія: но Наука сія обрѣщается не въ обыкновенныхъ школахъ; она есть доспоаніе шеспвующихъ по пупямъ Божескимъ, и съ смиреннымъ духомъ ожидающихъ вышняго просвѣщенія отъ Раздаателя Свѣта и Премудрости.

О достоинствѣ сей Науки я не могу дань вамъ прямаго понятія, любезный другъ; ибо не нахожу доспойныхъ словъ къ выраженію шого. Она есть Премудрость Божія, о которой говоришь Соломонъ, что

„Она даетъ познаніе неложное о всѣхъ сошворенныхъ вещахъ; научаетъ знать сосшавъ міра и дѣйствія спихій.

„Также начало и конецъ и средину времени, съ разными измѣненіями и

„перемѣнами его, кругъ годичный и звѣздъ разположеніе.

„Нашуру живошныхъ, и гнѣвъ звѣрей,
„помышленія человѣческія, разность
„распѣній и силы кореньевъ.

„Всему, что тайно и явно, она меня
„научила; ибо Премудрость ходожница
„всего. Будучи единична, все можетъ;
„пребывая въ самой себѣ, все возобновляетъ,
„и между народами вселяется въ
„души свящыхъ, и дѣлаетъ ихъ друзьями
„Божіими и Пророками.

„Разумѣетъ хитросплетенныя слова
„и можетъ разрѣшашъ труднѣйшія задачи;
„вѣдаетъ знаменія и чудеса прежде
„событія ихъ и прежде насущенія
„сѣхъ время и лѣтъ.

„Ошверзаетъ уста нѣмыхъ, и языки
„младенцевъ дѣлаетъ краснорѣчивыми.“
„Премуд. Гл. VII, VIII, X.

Такое о ней свидѣтельство, любезный другъ, находишь въ Св. Писаніи, признанномъ нами за Божественное, которое и дѣйствительно есть Божественное: въ чемъ вы со временемъ такъ увѣрились, какъ и въ томъ, что солнце днемъ свѣтитъ. Что же я могу къ сему прибавить? Вы видите справедливость слова, сказан-

ныхъ Шекспиромъ:“ что естъ вещи въ
 „Напурѣ, о которыхъ философія наша
 „и грезиль не смѣеть,“ Подлинно любез-
 „ный другъ, философія наша не смѣеть
 грезиль о всѣхъ сихъ вещахъ, хотя онѣ
 шакъ къ намъ близки, что легко бы намъ
 найши ихъ; ибо поже Св. Писаніе гово-
 риль:

„Премудросць сама обходиль и ищель
 „доспойныхъ ея; съ радоспю показываель-
 „ся имъ на пусяхъ ихъ, и вспрѣчаель
 „ихъ со всею оспорожноспю.

„Рано пробуждающійся, для срѣшенія
 „ея, не упрудилься; ибо найдель ее сидя-
 „щю уже у дверей его.

„Любляще ее легко увидяль ее, и ищу-
 „ще обрѣшуть ее.“ Гл. VI.

Для чего же поль немногіе обрѣшакють
 сію Премудросць, о шомъ, любезный другъ,
 шакже упомянушо въ книгѣ Премудросши.
 Тамъ сказано:

„Начало Премудросши естъ испин-
 „нѣйшее желаніе наученія; желаніе же на-
 „ученія естъ любовь; любовь же храненіе
 „законовъ ея; храненіе же законовъ даель
 „безсмерпіе; а безсмерпіе приближаель
 „человѣка къ Богу.“ VI. 17 — 20.

Вошь въ чемъ соспойшь вся сисшема

приближенія къ Богу и удаленія отъ Него: что вы сами, любезный другъ, со временемъ узнаете.

Высочайшее знаніе человѣческое состоитъ въ знаніи всей связи духовнаго съ тѣлеснымъ — въ познаніи всѣхъ способностей, силъ и дѣйствій.

Мірскіе философы мало имѣютъ о томъ понятія: отъ того непрочнось ихъ системъ, отъ того заблужденія въ наукахъ, отъ того множество всякихъ сектъ, и низпаденіе разума человѣческаго до матеріализма и атеизма.

Есть Наука, любезный другъ, которая разгоняетъ облакъ заблужденій, прочищаетъ туманы мрака и показываетъ человѣку въ яснѣйшемъ свѣтѣ каждое звено цѣпи Цѣлаго.

Черезъ сію Науку, любезный другъ, объясняешь тебѣ Иероглифы древности; ты проникнешь во внутреннее Нашуры, увидишь самыя шайныя сокровищницы ея, и съ изумленіемъ познаешь величество Божества.

Ты узришь то, что древніе мудрецы предощуцали и предвѣщали. Тебѣ откроются всѣ Мистеріи отъ самыхъ древнихъ временъ до нынѣшнихъ; ты получишь ясныя понятія о всѣхъ заблужденіяхъ, о

всѣхъ религіяхъ и шамиспвенныхъ ученіяхъ; ты узришь бышіе Божіе, систему шворенія, Благоспшь и Премудроспшь Его въ шакомъ свѣпть, копорый самага Херувима восхипипть къ поклоненію. Безсмерпше души, паденіе Ангеловъ, паденіе перваго челоуька, прелеспшь древняго змія, высокій санъ перевозданнаго челоуька, запрещенный плодъ, древо познанія добра и зла, древо жизни, изгнаніе челоуька изъ рая, великое шамиспво искупленія покажупся тебѣ съ шакой почки зрѣнія, копорая низведетъ помазаніе на душу швою. Ты познаешь божеспвенность Искупишеля, копробность св. Крещенія, чудесныя силы шамиспвъ Вѣры; узнаешь, для чего Хриспось 40 дней успранялся ошъ общеспва челоуьческаго въ пуспшынь; увидишь испину и премудроспшь Его ученія, Его чудодѣйспвія, преображенія и воскресенія Его, спранспвія Его по воскресеніи, вознесеніе Его и низпосланіе Св. Духа въ огненыхъ языкахъ — все сіе увидишь ты съ шакой сппороны, копорая возплагенипть тебя къ глубочайшему благоговѣнію, и возбудипть душу швою къ поклоненію Ошцу вслческихъ.

Ты не спанешь уже сомнѣваться о

чудесахъ Свяшыхъ, о силахъ ихъ и дѣйствіяхъ, и увидишь, какъ числѣйшая и высочайшая философія сопрягается съ числѣйшею и высочайшею вѣрою.

Удосповѣришься, коль чрезвычайная сила и нынѣ дѣйствительна находится еще въ человѣкѣ; коль велико его назначеніе, и на какую степень величія вознесишь онъ можетъ содѣйствіемъ Божеской благодати; какъ приближается онъ ко Свѣту всѣхъ свѣтовъ и пріемлетъ числѣйшіе лучи ошь зеркала первобытнаго Свѣта, для отраженія оныхъ на другихъ, и для дѣйствованія оными. Ты ясно усмотришь, кпо были Пророки въ древности? въ чемъ сосполялъ духъ Даніиловъ и чудотворная сила Іліина? Словомъ: пы узнаешь шакія вещи, о копорыхъ наша философія подлинно и грезитъ не смѣетъ.

Къ сей-по великой Наукѣ, любезный другъ, намѣренъ я указать вамъ пущь по слову сему:

„Чпоже естъ Премудрость, и ошкуча да произошла она, я возвѣщу вамъ и не ушаю ошь васъ шайнъ Божіихъ: но изслѣдую до самаго перваго начала ея, изведу на свѣтъ разумніе ея, и истины не пре- молчу.“ *Прелюд. VI. 22 — 25.*

Но ты долженъ взятьъ перфи́нне, любезный другъ, и ищи за мною шагъ за шагомъ; вдругъ не лзя приближись ко свѣшу, онъ бы ослѣпилъ шебя, и пока мѣспъ не снимешся кора съ глазъ твоихъ, ты не въ силахъ взглянуть на сіе солнце; яркій свѣшъ онаго преврапиль бы для шебя въ пожирающій огонь. Народъ не могъ выношишь взора Моисеева, когда онъ сошелъ съ горы Синайской, и Моисей долженъ былъ закрывашъ лице свое; и самому Моисею Богъ, явясъ въ горящей купинѣ, не по напрасну сказалъ: *изуй сапоги отъ ногъ твоихъ; мѣсто бо, на немъ же стоиши, земля свята еств.*

Я смѣю привесшь здѣсь сіи слова, любезный другъ, зная, что вы свяшощише Библию. Но хошя бы Св. Писаніе и не было для васъ священнымъ, и вы имѣли бы одну шолько добрую волю обрѣспи *Истинцу* и *Премудрость*: шо и шогда я бы повель васъ по шакой пропинкѣ, по кошорой мало по малу достигли бы вы вышней Премудрости, и увидѣли бы сами, что Премудрость сія находишся въ нѣдрѣ Христіанства. Чувство должно привесши васъ къ вѣрѣ, а вѣра къ удосшовренію.

Прежде всего должны вы, любезный другъ, приучиться не опвергать того, о чемъ вы яснаго поняшя еще не имѣете. Многое кажешся намъ невозможнымъ по тому шолько, что мы сей возможности не знаемъ: но кшо хочешъ правильно и вѣрно что-либо опвергать яко невозможное, шощъ долженъ вѣдать уже все возможное: гдѣжь мы сыщемъ шакого всевѣдца.

Съ сею оспорожноспію, любезный другъ, вы пойдете гораздо далѣе; не презрише размышляшъ и о шакихъ вещахъ, кошорыхъ вы не понимаете, и можешъ бышъ случишся вамъ иногда опкрышъ что нибудь новое и шакое, до чего человекъ, все подобное опвергающій, никогда не досшигъ бы.

Ученикъ въ училищѣ Премудрости долженъ начинашъ мудрость свою съ *свѣри*. Сіе положеніе, можешъ бышъ, покажешся вамъ спранно; и для шого я хочу вамъ объяснишъ оное.

Мірскіе философы опвергающъ почти всякую вѣру; они говоряшъ, что разумный вѣдаешъ, а проспакъ вѣришъ, забывъ шо, что по напурѣ человеческой

никто ничего не узнаешь, ешьли прежде не повѣришь.

Вѣра, любезный другъ сначала ведетъ къ знанію. Вспомнимъ дѣшскія наши лѣша! Чрезъ что иное получили мы первыя наши познанія, какъ не чрезъ вѣру? Дѣша спрашиваетъ у ошца: какая эшо справка, башюшка? — Эшо права ядовишя, сынъ мой; ты умрешь, ешьли съѣшь ея, ошвѣчаешь ошець: дѣша вѣришь, и спасаешься ошъ смерши; — не вѣришь, ѡспъ, и умираешь. Сіе просное сравненіе ошкрываетъ шу великую истину: что разумъ нашъ начинаешь ошъ *сѣри*, и что причина *сѣрованіа* находилъ въ вышнемъ разумѣ шого, кшо имѣлъ больше опышовъ. Безъ вѣры я не могъ бы выучишься и азбукъ. — Эшо *А*, эшо *В*, эшо *зѣра*, эшо *дерево*, говорилъ мнѣ училель. Но ешьлибъ я сказалъ ему: я эшому не вѣрю, докажи: шо училель мой ошвѣчалъ бы мнѣ: не лѣзя шебѣ сего доказашъ, пока ты не выучишься языку; шогда ты самъ эшо увидишь; всѣ шѣ, кошорые уже выучились, знають эшо, и всѣ они не знали бы шого, ешьли бы прежде не повѣрили шѣмъ, ошъ кѣго они учились. — Такъ и во всѣхъ вещахъ, лю-

*

безный другъ. Человѣческій разумъ способенъ къ поспешенному только просвѣщенію, и знаніе его начинается съ вѣры. Почему дѣйствительно удивительно, что философы нынѣшніе спорящъ о томъ, чего не понимаютъ; и по тому, что не понимаютъ, не хощящъ и вѣрищъ. Это похоже на то, есѣли бы дѣпи, учась азбукѣ, вздумали опровергать ученіе своего учителя по тому, что они еще не знаютъ, почно ли эта буква *A*, кошуюру учителя называетъ *A*: не *B* ли это? полно есѣ ли еще въ азбукѣ буква *A*? Такіе ученики выучились ли бы и азбукѣ? — Таковы многіе изъ нашихъ господъ ученыхъ: не зная многого, не хощящъ они вѣрищъ тому, что ведутъ къ сему знанію.

Желающій знать, сначала долженъ вѣрищъ. Весьма часно можетъ казаться ему невѣроятнымъ то, что потомъ въ связи онъ самъ уразумѣетъ. Не спрашно ли и то, что мы, учась какому нибудь языку, учимъ глаголы, имена существительныя и прилагательныя, склоненія и спряженія, не понимая собственно сихъ частей языка, кошой намъ неизвѣстенъ? Однакожъ всѣ мы шакъ учились,

и при первых уроках вѣра необходима.

Есѣли же вы, любезный другъ, удостоверены, что для человека, яко швари ограниченной, возходящей къ знаніямъ и просвѣщенію поспешенно, вѣра необходима: то вспомните припомъ, что вѣра есѣтъ какъ въ вещахъ физическихъ, такъ и въ нравственныхъ, или моральныхъ.

Не лзя себѣ вообразить нравственности безъ того, чтобы не усмотрѣть необходимости ея въ человеческихъ общесѣвахъ. Вы пошчасъ усмотрите, что исполненіе нѣкоторыхъ обязанностей другъ къ другу необходимо, и что безъ нихъ общежительство споятъ не можетъ; и пошчасъ откроете причину необходимости еспешственныхъ и гражданскихъ добродѣтелей, которыя состоятъ въ готовности нашей дѣйствовать согласнo съ обязанностями, въ самомъ существѣ общежитія заключающимися.

Когда провозвѣспница Божества, Нашура, приведетъ васъ къ несомнѣнному удостоверенію о бытіи Божіемъ: то вы пошчасъ почувствуете, что между Существомъ, именуемымъ Богомъ, и разумною шварію, должны быть какія нибудь опношенія. Познаніе сихъ опношеній доведетъ

васъ до' познанія необходимости того, чтобы внушенія и наружныя дѣйствія разумныхъ пварей согласовались съ сими отношеніями: и шакъ разсудокъ непримѣпнымъ образомъ приведетъ васъ къ необходимости богопочишанія и религіи.

Ешлы разсудокъ вашъ, любезный другъ, получишь обо всемъ семъ хошя и шемныя еще поняшія: по сердце ваше однакожь объяснишь вамъ сіи шемныя поняшія пѣмъ яснѣе, чѣмъ болѣе усмапри-вашь вы спанеше невозможность найши во всей вселенной иной поспоянной почки истиннаго покоя и блаженсшва, кромѣ Бога и истинъ Ошкровенія, къ ко-ему, въ шихомъ размышленіи, самая нужда сердца вашего приведетъ васъ непре-мѣнно.

Важность религіи и дѣйствіе ея на часшное и общее человѣческое благо пошчасъ предпишеть испышующему духу вашему и правила, какъ принимаешь сомнѣ-нія и возраженія, копорыми враги Ошкровенія самую свяпѣйшую Религію поразишь шщася. Вы пошчасъ увидише, что всѣ вольнодумцы и враги Ошкровенія, ошь Юліана ошступника до Волшера, не могли пошряспи сполповъ Свяшилица.

Не входя въ дальніе споры, спросише сами у себя, къ успокоенію вашему:

1.) Не имѣють ли Религія и Опшкровеніе наилучшихъ дѣйствій на человѣческое благо?

2.) Писавшіе противъ Религіи и Опшкровенія показали ли лучше способы къ блаженству человѣческому?

3.) Любовь ли къ Истинѣ, или чувственносшь и спраспи водили перомъ непріяшелей Опшкровенія?

4.) Доказали ли они, что провозвѣстники великихъ исшимъ религіи недосшойны вѣроупія?

5.) Дѣйствительо ли они доказали, что Опшкровенію, основывающемуся на произхожденіи изъ Божеспвеннаго испочника, недосспаешъ Божеспвеннаго свидѣтельсшва?

6.) Доказали ли они, что ученіе оупъ Бога производипъ не можешъ?

7.) Доказали ли они бесполезносшь, или вредносшь Опшкровенія?

8.) Въ осмѣваемыхъ ими вещахъ дѣйствительо ли нападали они на сущеспво Религіи, или на виѣшнюю шолько ея оболочку и на вещи, собсшвенно къ сущеспву ея неупринадлежація?

На всѣ сіи вопросы никакая книга въ свѣтѣ, изъ писанныхъ прошивъ Религіи, удовлетворительно отвѣчать вамъ не можетъ. Вы пошчасъ увидите ничтожность возраженій прошивниковъ Опскровенія; и есшли собсвенная злая воля не опведетъ васъ опъ Религіи: шо по испинѣ ничшо опвеспи васъ опъ нея не въ соспоянii.

Чшожь касается до ученія о шаинспвахъ вѣры: шо оно одно шаково, любезный другъ, чшо при ономъ разумъ долженъ замолчать и смирипсья, пока вы ближе ко Свяшилищу не приближишесь. Въ завпрашнее свиданіе вы узнаете, любезный другъ, какъ ищущій Испиныхъ долженъ мыслишь о шаинспвахъ Опскровенія, когда Богъ не вскрыль еще предъ нимъ завѣсы, покрывающей Его Свяшилище.

НОЧЬ ТРЕТІЯ.

Въ ученіи о искупленіи челоѣковъ, безспорно, есть такія глубины, копорыхъ разумъ нашъ, при нынѣшней ограниченности его познаній, изслѣдовашь не можешь; и въ семъ отношеніи оно есть такой свѣтъ, копорый блескомъ своимъ можешь ослѣпишь шѣхъ, кои неприугошванными и продерзкими очами хопяшь зрѣшь его. Но какъ бы глубины сіи неизслѣдимы ни были: при всемъ помъ челоѣкъ не найдешь испинъ полезнѣйшихъ и спасительнѣйшихъ, какъ испины, возвѣщаемыя въ семъ ученіи. Никшо симъ не соблазнишься, ешьли онъ не привыкъ оспанавливаться на пуши своемъ къ Испинѣ, и не перебѣгаешь шопчасъ на спорону заблужденія, какъ скоро разумъ его не находишь въ ней всего удовлетворенія, какого бы онъ желалъ. Неблагоразумно шребовашъ во всѣхъ нашихъ познаніяхъ одинакой ясности: и вы, любезный другъ, не должны беспокоишь себя шѣмъ, что религія имѣешь для васъ еще непоняшнаго.

Я не хочу опъ васъ скрывать, что система Религіи содержишь въ себѣ и такія ученія объ искупленіи, копорыя съ нѣкопорыхъ споронъ вовсе непоняпны и темны; и опвергающіе Хрисціанство спараются сею неясноспію оправдашь свое невѣріе, доказывая пѣмъ, что опкровенная Религія не имѣеть шого высокоаго произхожденія, какое ученики и почиатели ея ей приписываютъ. Но шайнства Евангелія не будутъ камнемъ прешыканія для шого, кто заблаговременно научился видѣль согласіе оныхъ съ разумомъ; для шакоеа всѣ возраженія не опасны: ибо возраженія обыкновенно шеряютъ свою опасностъ, еспыли они не имѣютъ прелести новизны, еспыли къ нимъ человекъ уже пригошовленъ, еспыли они не имѣютъ шого вида, что объ зномъ въ юности нашей съ намѣреніемъ было намъ умолчено. Сіе, мнѣ кажется, пѣмъ нужнѣе, что часто люди, и видя справедливостъ истины, не знаютъ однакожь, какъ опразитъ проповниковъ оной.

Во всякомъ ученіи многое можеть бышь непоняпно, не перешавая чрезъ шобышь необходимою и полезною истиною: вошь правило, копорое всегда надобно

звердишь молодымъ людямъ. Натура такъ же имѣетъ свои шайны, какъ и Религія, оспрыя головы щещно сисяпся изполковашъ оныя: но должно ли оприцать дѣйствіе магніта, или электрической силы, по тому шолько, что ни одинъ ешесшвоиспыташель не изьясниль еще намъ причинъ сего явленія — не говоря уже о томъ, что многое непоняшно намъ по тому шолько, что мы не доспигли еще той степени познанія, на которой даешся полное прозрѣніе шаковыхъ вещей?

Въ познаніяхъ нужно спарашься доходить до ясныи и удосповѣришельности, особливо въ случаяхъ опносящихся къ *дѣятельности*; поелику блаженство наше зависить болѣе опъ нашихъ *дѣствій*, нежели опъ *знаній*. Заблужденія, имѣющія вліяніе въ дѣла наши, супъ самыя опаснѣйшія; ибо слѣдствія оныхъ проспираются очень далеко. Весьма похвально, да и должно спарашься, въ изслѣдованіяхъ и размышленіяхъ своихъ доходить сколько можно далѣе, и не такъ скоро предавашься вожденію каждаго блудящаго огня; однакожь не всегда можемъ мы получашь желаемую ясныи и удо-

сповѣришельность; и пусть, по копорому иппи должно, покрыть мракомъ, и шолько нѣкопорыми, не весьма ясными, лучами озаряешся: по чему часшо весьма глупо было бы нейппи за симъ мелькающимъ свѣшомъ. Въ сей жизни человекъ находипся подъ искусомъ, или въ сосшоянїи испыпанїя; и когда шребуюшь опъ него, чшобъ онъ полезно и надлежащимъ образомъ упошребляль и самомалѣйшую шепенъ познанїя: шо и сіе ешь шакже искусъ. По чему человекъ должно изслѣдовать шолько: производяшь ли шайншва Религїи *нравственное добро*? И ешьли онъ въ шомъ удосповѣрился: шо надлежишь ему приняшь оныя, какъ бы ни казались они ему съ нѣкопорыхъ шпоронъ непоняшны.

Но прежде нежели присшуплю я къ показанїю *нравственного добра* шайншвъ Религїи, намѣренъ я познакомить васъ опчасши съ причиною ихъ непоняшности и шемношы, шакъ какъ и всѣхъ производящихъ опшшуда для насъ шрудносшей, опчасшижь съ цѣлю обнаруженїя и опкровенїя оныхъ.

Причина непоняшности нѣкопорыхъ и шшинъ какъ ешшешвенной, шакъ и оп-

кровенной Религіи, двоякая: одна находилась въ самомъ существѣ Божіемъ, другая въ напурѣ человѣческаго разума и мысленія его о Богѣ.

Богъ необходимо долженъ бытъ существомъ шайнспвеннѣйшее, яко существо безконечное. Во всѣхъ свойствахъ и дѣйствіяхъ Своихъ Онъ есть *Всевысочайшій*. Но ни одинъ человѣкъ не можетъ представить себѣ *высочайшую степень* какой либо вещи, или свойства, съ совершенною ясностію. Если бы онъ могъ по себѣ представить: то онъ не былъ бы ограниченъ, и самъ сдѣлался бы безконченъ. По чему многое надлежало Богу открывать шварямъ и шакое, что имъ не совсѣмъ понятно, или можетъ бытъ и никогда совершенно понятно не будетъ; пошому что не всякой къ изслѣдованію шайнспвъ размышленіемъ удобенъ. Слѣдовательно шакое открытие есть милосердіе, достшое величія и благости Божеской, и шѣмъ болѣе достшое нашего уваженія и благодарности, что чрезъ то расширяющія предѣлы нашего знанія, и сумерки все лучше ночи.

Другая причина непонятности испинь находится въ напурѣ человѣка и понятій

его о Богѣ, о Его свойствахъ и дѣйствіяхъ. Познаніе наше о Немъ не есть непосредственное, не есть созерцательное, и не можешь быть паковымъ въ нынѣшнемъ состояніи нашемъ, пока естественная способность наша не переищишься и не доидешь до степени сверхъестественной, какую мы, по свидѣтельству Откровенія, въ будущей жизни имѣть будемъ. Теперь же всѣ наши понятія о Богѣ не объемлютъ ничего въ Богѣ существа, какъ *оно есть*; а о всѣхъ совершенствахъ и дѣйствіяхъ Божескихъ судимъ мы по свидѣнію о самихъ себѣ и о другихъ предметахъ, намъ свѣдомыхъ. Но свойства Божескія въ Богѣ не то, что въ насъ, хотя дѣйствительно находишься между ними такое сходство, по которому мы и о Богѣ судить можемъ. — Такъ на примѣръ: разсмапривая мудрость въ человѣкѣ, заключаемъ мы и о Премудрости въ Богѣ. Премудрость въ Богѣ не то, что въ насъ: но мы, изображаемъ одну другою; потому что во всей Напурѣ нѣтъ ничего такого, что бы съ симъ свойствомъ Божескимъ болѣе сходствовало, какъ мудрость человѣческая. Божеская Премудрость останецца навсегда для насъ *свой-*

стволъ непостижимыи, еспши мы спашемъ разсмапривашъ ее въ собственной ея натурѣ: но чрезъ сравненіе мы получаемъ о ней нѣкоторое познаніе, кошорое и будешъ вѣрно, еспши мы опъ сего поняшя будемъ опдѣляшъ все человѣческое и несовершенное. Другимъ же пушемъ никакъ до основашельнаго и полезнаго поняшя о Богѣ, о сущесшвѣ Его, свойсшвахъ Его и дѣйсшвіяхъ доспигнушъ мы не можемъ; ибо непосредсшвенныя поняшя получаемъ мы шолько о шѣхъ предметахъ, кои познаемъ или чрезъ чувсшва, или чрезъ внушреннее ощущение: свойсшва же и дѣйсшвія сущесшва, кошорое еспъ *одинъ духъ*, необходимо должны бышъ совсѣмъ особаго рода, нежели свойсшва и дѣйсшвія сущесшва, кошорое сосшопшъ изъ духа и шѣла. Сверхъ сего превосходсшво Божіе надъ нами сосшопшъ не шолько въ *степени*, но и въ *сущесствѣ*. И шакъ мы можемъ познавашъ ихъ шолько чрезъ *сравненіе*, чрезъ *сходство* ихъ съ нашими. Безъ сего же познанія легко можешъ чедовѣкъ вспрѣшпшъ шакія возраженія, изъ самой Хрисшанской религіи почерпнушыя, на кошорыя онъ опшѣшсшвовашъ будешъ не въ силахъ.

Но не должно при семъ оспавашься; нужно показашь еще чловѣку цѣль, для кошорой Богъ благоволилъ опкрышь намъ въ Опкровеніи Своемъ нѣкопорыя шамнспва, или не вовсе поспигаемыя испины. Вѣра, кошорой Онъ опъ насъ ~~ц~~ребуешь, должна бышь не однимъ *дѣломъ разума*, но и *свободной нашей воли*; — она должна соспавляшь въ насъ *добродѣтели*; къ сущеспву же добродѣтели принадлежишь дѣйсспвовашь свободно, по еспъ дѣйсспвовашь и пересспавашь дѣйсспвовашь по волѣ. Но кшо можешь пересспашь вѣришь шакимъ испинамъ, кошорыя онъ видишь съ *совершенною* ясноспію и *удосповѣришельноспію*? Онъ можешь сказашь, что имъ не вѣришь: но *дѣйствительно* не вѣришь имъ шакже ему не возможно, какъ не возможно намъ не вѣришь, чшобы солнце не свѣшило, когда мы своими глазами сіяніе его видимъ. Когда мы доведены бываемъ до *такой* вѣры, шогда пересспашь уже наша свобода. Когда же мы принимаемъ шакое ученіе, кошорому не доспашь еще совершенной ясноспи и *удосповѣришельноспи*, шогда вѣра наша бывашь *добродѣтелю*; ибо мы не сомнѣваемся въ семъ шолько по шому, что оно основывашься

на Божественномъ удосповѣреніи. Въ семь соспоишь покореніе и разума и воли, которыми мы обязаны Богу.

Нышь ничего справедливѣ сея покорности, шѣмъ болѣе, что шайнсва Евангелія въ дѣйсвіяхъ и слѣдсвіяхъ своихъ дѣйсвуютъ на нашу нравсвенность, есшли мы сопротивленіемъ нашимъ шому не препяшсвуемъ. Но о семь, любезный другъ, предославляю я себѣ говорить съ вами впредь обшюшельнѣе, и посшараюсь доказать вамъ, что всѣ, шоль непоняшныя еще для насъ, ученія вѣры содѣлываютъ насъ или лучшими, или счастливѣйшими. Въ нихъ находяшся величественныя и сильныя побужденія и поощренія къ исполненію должностей нашихъ. Ошречешся ли кто пишашъ живѣйшую благодарность и любовь къ Богу, когда удосповѣришся, сколько Богъ ошъ вѣка промышляль о нашемъ спасеніи? Или кто не будешъ спремишся посшупашъ по прямому и первобышному нашуры нашей назначенію, когда размыслишь о шой шепени достоинсва, на какую возвысилъ ее Сынъ Божій, соединивъ ее съ Своею несравненно вышшею нашурую? Или чѣе сердце, при усмошреніи

шаковаго ученія, не одушевишься обильною радостію?

Есшьли вы, любезный другъ, удостоверишь въ сихъ испинахъ: по вы безъ труда увидише, что вамъ нужно только избѣжать двухъ разпушій, дабы оспашься швердымъ и непоколебимымъ въ нашей Религіи. Одно изъ нихъ есть желаніе большей ясности и увѣришельности, нежели какую мы приобрьсшь можемъ; другое есть порокъ и удовлетвореніе безпорядочныхъ спраспей. На одномъ изъ сихъ разпушій поришился сердце чрезъ разумъ, на другомъ разумъ чрезъ сердце. Опытъ всегда доказывалъ, что никто еще не учинился врагомъ опкроенной Религіи, кто не пожелалъ бышь премудрѣ Бога и достигашь блаженства по иному пуши, а не по пуши благочестія и добродѣтели, пуши съ начала шрудному, но вѣрному и надежному.

Сіе примѣчаніе, любезный другъ, должно васъ успокоить и направить сердце ваше къ почипанію непоняшныхъ намъ пушей Божескихъ, пока духъ, освященія введешь васъ въ вышнія шайнства.

Поелику сердца наши, любезный другъ, шѣмъ охошнѣ должны покараться всѣмъ

вѣдѣніямъ и веденіямъ Божескимъ, чѣмъ совершеннѣе и живѣе наше почипаніе къ Существу, достойному быти единственнымъ предметомъ удивленія и поклоне- нія всѣхъ Своихъ тварей: но мы обяза- ны заниматья всегда шѣми понятіями, копорыя могутъ въ насъ раждать и умно- жать досподолжное удивленіе Божеству. Но никакія размышленія не могутъ шакъ удобно препроводитъ къ сей важной цѣ- ли, какъ раждающіяся изъ размашрива- нія величества Божія въ разумъ каждаго не вовсе неспособнаго къ высокимъ по- нятіямъ.

Мы чувствуемъ въ себѣ естествен- ную склонность уважать все шпо, чшо въ свойствахъ, силахъ и дѣйствіяхъ сво- ихъ насъ и намъ извѣстные предметы превозходитъ: какимъ же глубокимъ и шоржешвеннымъ почипаніемъ и благо- говніемъ должны мы возпламеняться при размышленіи о Богѣ въ некончаемомъ Его величествѣ! Ибо въ какомъ безмѣрномъ распояніи ошпанушя навсегда бышіе Его, существо Его, свойства Его, дѣя- тельность и намѣренія Его ошъ всѣхъ безчисленныхъ рядовъ Его тварей!

Вы не можете, любезный другъ, се-

*

бъ предшавишь, какую силу приобретаешь человекъ отъ размышленія о семъ! Каждая мысль, возносящаяся отъ души къ Богу, есть приближеніе швари ко Творцу — приближеніе ко свѣту, и награждаетъ просвѣщеніемъ: о чемъ яснѣе услышите вы въ послѣдствіи.

Богъ есть существо всевысочайшее. — Какая мысль! Какое богатство высокихъ понятій въ сей одной идеѣ заключается! Никакое существо вообразишь и ощутишь Его вполне не можешь; каждая мысль о Немъ, чпобъ не была недоспойною Всесовершеннѣйшаго, должна простирается въ безконечность: но и тогда еще никакое существо вполне вообразишь Его не въ состояніи.

Чѣмъ чище и яснѣе идеи наши, чѣмъ удаленнѣе отъ всякой чувственности, и чѣмъ выше возносясь онѣ за сферы всякаго сравненія и ограниченія: тѣмъ болѣе изумленная душа благоговѣетъ отъ удивленія, и тѣмъ болѣе удостоверяется, что она мыслию досязаетъ Всевысочайшаго; но тѣмъ Онъ для нея неизреченнѣе, тѣмъ болѣе усматриваетъ она, что тщетно силилась она достигнуть высоты Его, и однакожь долгомъ ея оспается отъ ка-

ждой новой степени, приближившей ее къ Нему, возводишь еще на вышшую.

Богъ даже въ бышїи Своемъ различешвуешь опть прочихъ тварей. Онъ не только есть источникъ всякаго бышїя, но еще имѣетъ нѣкоторый родъ бышїя, котораго не лзя сравнить ни съ какимъ другимъ сущешвомъ. АЗЪ ЕСМЪ СЫЙ, — *Я тотъ, кто есмь!* — Въопть самое величешвенное имя Его, приписанное Ему въ Опкровенїи, которое сіяетъ еще яснѣе въ слѣдующихъ выраженїяхъ: *сый, и иже бѣ, и ерлдый*. — Какое скрывается здѣсь шайншво? Первѣйшїе духи должны обрѣшть въ оному пучину мыслей, изъ коихъ каждая есть новая глубина.

И мы сущешвуемъ, любезный другъ: но можемъ ли всегда сказаць: *мы были?* Мы были за 10, за 30, за 60, за 80, за 100 лѣтъ: но какой эшо вѣкъ, и многіе ли еще достигають онаго? — Жизнь изъ нѣсколькихъ сполѣшїй кажешся уже намъ шакою безмѣрностїю, что нѣкоторые пошеряли вѣру къ самому Опкровенїю, по свидѣшельшву котораго многіе до пошопна жили до шысячи лѣтъ. Но какое безчисленное множешво вѣковъ обрѣлъ бы и сей шысячелѣпный спарець прежде бы-

нія своего! Сколько пропекло временъ съ шѣхъ поръ, какъ солнце со всѣми планетами сущесвуешь! Но, можешь бышь, за долго еще до сущесивованія сего свѣшила другіе безчисленные міры о славъ Творца возвѣщали. Кпо осмѣлился хопя мыслію измѣришь вѣкъ Ангеловъ? Ибо не всѣ души подобны человѣкамъ, кошорые, какъ цвѣтъ полевой, вчера разцвѣли, севодни увяли. Но еспьли еспь и шакой духъ, бышіе коего не лзя измѣришь жизнію всѣхъ человѣковъ: шо и онъ можешь ли еще сказашь, шакъ какъ Богъ, во всѣхъ временахъ: *я былъ!*

Богъ вѣченъ, и вѣчно непремѣненъ; *Онъ еств тотъ, кто еств:* наше же бышіе заемное; горделиво мы скажемъ, еспьли назовемъ оное кѣплею Его сущности. Пусть свѣшила померкнушь, и міры, въ кошорыхъ мы сполько удивляемся порядку, согласію, красотѣ и великолѣпію, разпадутся; мы же, ползающіе муравьи, пусть обратимся въ прахъ, а души со всѣми шварями въ ничло: но и погда ошанетса еще безконечное, безпредѣльное сущесиво, неизмѣримое бышіе Того, Кошорый одинъ шолько сказашь можешь: *Я есмь тотъ, кто есмь.*

Мы можем надѣяться, что Богъ сохранишь бытіе всѣхъ своихъ тварей; безконечная благость Его запрещаетъ намъ и сомнѣваться въ нѣмъ: но и поспѣявшая и непремѣнная тварь существуетъ не шакъ, какъ Богъ. Самыя благороднѣйшія твари носящіяся въ вѣчномъ вихрѣ измѣненія и перемѣнъ; онѣ никогда не шѣже, всегда или уменьшающіяся, или распушъ. Человѣкъ дѣлитъ жизнь свою на годы, мѣсяцы, дни, часы, минушы, и еще на меньшія часши, кои для нѣкоторыхъ животныхъ можетъ быть составляють продолжительную еще жизнь: въ полѣ крапкомъ бытіи можетъ ли онъ сказать, какъ Богъ: *я есмь тотъ, кто есмь?* Никогда не имѣеть онъ тогоже вѣдѣнія, шѣхъ же ясныхъ ли, или шемныхъ понятій, шѣхъ же желаній и чувствованій; шеперь мысли его озаряются свѣшомъ, а уже пошемняющіяся, дабы успуишь мѣшо другимъ. Въ сію минушу избираемъ мы что нибудъ, а послѣ отвергаемъ; одно чувство заглушаетъ другое, одно желаніе или намѣреніе прогоняетъ другое, какъ въ рѣкѣ одна струя гонитъ другую. Какое же еще различіе между

быпіемъ челоуѣка въ мрачномъ чреуѣ машери его и въ лѣсахъ его младенческа! Сколь мало шакже онъ на себя походишь, когда распеешь еще какъ. былинка и выпускаешся какъ цвѣпокъ, когда обращаешъ въ первый разъ благодарную улыбку къ своей машери, когда лепепаньемъ невнятныхъ первыхъ словъ начинаешъ еще показывашъ шолько, что въ немъ ешь душа, и когда попомъ спановишся опрокомъ, изъ опрока юношею, изъ юноши мужемъ, изъ мужа спарцемъ! Такъ перемѣнно быпіе челоуѣка! И самый высочайшій конечный духъ долженъ въ быпіи своемъ испытывашъ подобныя измѣненія. *Никто не ешь таковъ, какииъ былъ, и никто не будетъ такииъ, каковъ онъ ешь теперь.* Объ одномъ Богъ сказашъ сіе можно, Его быпіе не шерпишь никакой перемѣны: *Онъ ешь тотъ, кто былъ, и будетъ тотъ, кто ешь; и ешь тотъ, кто будетъ.* Онъ быпіемъ Своимъ превозходишь всѣхъ шварей — Онъ начало и испочникъ, изъ кошораго всякое конечное быпіе, одно послѣ другаго, изшекаешъ, однакожь шакъ, что сіе не перемѣняешъ и не изшоцаешъ Его существа. Но ни объ одной швари не лѣзя сказашъ, что

она есть то, что будетъ. Ангель не прешпанеть бышь Ангеломъ, человекъ не прешпанеть бышь человекомъ; различія между различными родами конечныхъ существъ поспоянны; напуры ихъ не будутъ превращены одна въ другую: но при всемъ шомъ ни объ одномъ изъ нихъ, по свойствамъ и соспояннѣямъ его, ниже по цѣли бышїя его, не лъзя сказашь: *онъ есть то, что будетъ*; ибо бышїе его не еспь опъ вѣчноши, а будетъ шолько продолжашься въ вѣчноши Божїей.

Но какъ не было времени, въ кошорое бы не было Бога: шакъ не будетъ времени, въ кошорое бы Богъ не былъ шомъ же, что Онъ былъ. Мы счастливы шѣмъ, что не будемъ впредь шо, что мы нынѣ, и были бы весьма несчастливы, еспьли бы всегда имѣли шѣже чувспвованїя и шѣже ясныя или неясныя предспавленїя, шѣже желанїя и побужденїя, и всегда оспавались бы въ шѣхъ же предѣлахъ познанїя и науки. Напрошивъ шого блаженспво Божїе соспоишь въ шомъ, что *Онъ будетъ тотъ, кто былъ и есть* — спольже блаженъ до шворенїя, спольже блаженъ по сошворенїи и спольже блаженъ по прешворенїи безчисленныхъ мѣ-

ровъ.— Онъ есть существо, которое было, есть, и пребудетъ превыше всего.

На какую высоту парить мысль наша, не будучи въ состояніи достигнутьверху оной! Какъ можемъ мы постигнуть напуру *Всевысогайшаго*, когда вѣрныи единой швари, о существѣ которой имѣли бы мы совершенно ясное понятіе? Мы видимъ поверхностно только вещей; многое открыли мы о шѣлѣ и душѣ нашей; анатомикъ и философъ съ равнымъ усердіемъ старались изслѣдовать внутреннѣйшее существо наше и познакомить чело-вѣка съ чело-вѣкомъ: но коль еще большее открыто! Сколько тайнствъ, которыхъ мы изъяснить не можемъ! — Чшо шѣло не есть духъ, и духъ не есть шѣло, мы шо чувствуемъ: но кто разрѣшилъ вопросъ: что есть внутреннѣйшее существо духа? что есть внутреннѣйшее существо шѣла? Положимъ, что мы узнали бы самое тайнѣйшее свойство каждой вещи, узрѣли бы внутреннѣйшее швореніе, предъ нами открытое, открыли бы, какъ Богъ, Существо всѣхъ существъ, сотворилъ все — открыто перваго духа, наиболее подобающаго Творцу своему, до чер-
ля, ошь червя до пылинки, усматривае-

мой при солнцѣ, которая можетъ быть еще изъ чудесныхъ часшей соспавлена, и такъ далѣе до самой мѣлочи, какой менѣе вообразить уже нельзя;—положимъ, что мы не только все сіе, но и различія, дѣлающія каждую вещь существомъ особеннымъ, ясно понимать могли бы—на что безъ сомнѣнія не доспанеть самой вѣчноспи; пошому что конечное будетъ всегда приближаться только къ безконечному, но никогда его не достигнетъ:—но и тогда, при всѣхъ шаковыхъ познаніяхъ, не могли бы мы приобрести полного понятія о существѣ Божіемъ.—Если соединить и всѣ сущности всѣхъ вещей: то и тогда едва ли составится шѣнь только, а шѣнь не есть солнце. Существо Божіе есть нѣчто вышнее—Существо превышаетъ всѣхъ существъ. Погружаясь въ сіи размышленія, кто не удивится величеству Его? Кто не ощутишь конечности своей такъ малою, чтобы въ глубочайшемъ сердечномъ смиреніи не преклонить колѣна предъ Нимъ? И когда предспавимъ себя, что сіе Всевысочайшее Существо взираетъ окомъ благоспи и милосердія на смиреніе наше: то кто не воззоветъ вмѣстѣ съ Давидомъ: *Господи! что есть ге-*

*

*ловѣкъ, яко помниши его, или сынѣ тело-
вѣтъ, яко посѣщаеши его?*

Когда же вы, любезный другъ, получили уже такія высокія понятія о существѣ Божіемъ: поспрайтесь узнать: *какѣ лучше размышлять о Богѣ?*

Размышлять о Богѣ часто есть первый шагъ къ Премудрости. Духи сближающія мыслями; каждая горячая молитва, каждое возношеніе ума къ Богу есть приближеніе къ Нему.

Жизнь нашу можно раздѣлить на сонъ, дремоту и бдѣніе. Дремота будетъ не только жизнь распишельная, но и живопная, когда душа живетъ только для плѣла, и чрезъ то погружается въ глубокій сонъ бездѣйствительности: дѣйствительное же бдѣніе будетъ то счастливое состояніе души, когда мы или о Богѣ, или о повелѣнномъ намъ Богомъ, мыслимъ, и что Онъ повелѣлъ, исполняемъ. Только о томъ, мой другъ, кто бдитъ дѣйствительно, можно сказать, что онъ живетъ дѣйствительно. И такъ сколько намъ лѣтъ, и сколько мы прожили?

Если Богъ когда нибудь предложитъ намъ сей вопросъ: что мы отвѣчашь Ему будемъ? Ахъ! другъ мой, ешь-

ли Бесконечный не шупиль, шворя насъ: по вопросъ сей по испинѣ достоинъ уваженія!

Я довольно знаю, что мы, и всѣ прочія моральныя существа, сошворены болѣе исполнять, нежели *разсуждать*: но какъ дѣло всегда должно бытъ сопряжено съ *мыслію*, и какъ естъ нѣкопорый родъ разсужденія, копорый можно уже назвасть половиною дѣла; и припомъ какъ Богъ на нѣкопорыя мысли наши взираешъ какъ на дѣла: по не должно почиашъ за малосъ шой часши *дѣтельной* нашей жизни, копорая соспоитъ въ *размышленіи*.

Какой же естъ наилучшій способъ размышленія о первомъ Сущесшвѣ?

Ошвѣчашъ на сей вопросъ во всемъ пространствѣ довольно шрудно: однако я не почиашо его шакъ шруднымъ, чшобы ошвѣтъ былъ вовсе невозможенъ.

Прежде всего долженъ я сказащъ нѣкопорымъ моимъ чипапелямъ, что какъ дѣйшвишельно эшо естъ шчасшіе, что мы свѣдуци о бышій своемъ, хотя бы мы и не разшашривали разнымъ образомъ сущесшвованія нашего: шакъ равно дѣйшвишельно по шчасшіе, и еще гораздо вышшшее, что мы способны *мыслить* о Богѣ,

о Безконечномъ. Всѣ почти доказатель-
ства изъ разума о безсмертіи души въ
помъ, кто не имѣеть счастья быть Хри-
стіаниномъ, могутъ возродить только
большее сомнѣніе: но ощущение сей высо-
чайшей нашей способности есть такое
доказательство, которое сіяетъ какъ
солнце. Сколько бы поніянія мои ни были
недоспапочны: но я могу *мыслить о Бо-
гѣ*; и слѣдовательно я безсмертенъ. Тоже
можеть сказать и всякая тварь, которой
Богъ открываетъ себя, и самый Архан-
гель. Можно еще къ сему прибавить: *я
могу любить Бога*: а кто хотя минушу
любилъ Бога, не долженъ ли быть без-
смертенъ? Но какъ сіе доказательство
служить только къ объясненію прежняго,
то я и не намѣренъ разпространяться
объ ономъ.

Какой же есть наилучшій способъ
размышлять о Богѣ? Можеть быть на
сіе скажутъ, что для сего ошвѣпа дол-
жно напередъ узнать *всѣ* способы, дабы—
еслили мы къ одному окажемся неспо-
собны—прибѣгнушь къ другому. Не спо-
рю прошивъ такого ошвѣпа; пошому
что все, что приводитъ насъ къ Богу,
достойно нашего уваженія: при всемъ

помь я думаю, что главный долгъ нашъ *прицгаться къ наилучшему способу размышленія о Богѣ*, такъ чшобы мы въ другихъ почши и нужды не имѣли. Способовъ сихъ, мнѣ кажешся, три.

Первый естъ мешафизическій, холодный способъ, когда разсмашириваютъ Бога почши только какъ предметъ науки, и когда мудрствуютъ о Немъ такъ холодно, какъ бы разсуждали о времени и пространствѣ. Сей способъ имѣетъ только главный недоспашокъ, чшо въ немъ рабски слѣдуютъ принятой методѣ, и всякое свободнѣйшее открьпие души, восхищенной величешвомъ Божиимъ, опмещутъ безъ всякаго почши изслѣдованія. Я согласенъ, чшо для того, кому нужно еще удостовѣреніе о бышпи Божіемъ, способъ сей можетъ бытъ полезенъ: но кшо знаешъ, чшо Богъ сущешвуешъ, такъ вѣрно, какъ и то, чшо солнце свѣпиптъ, и захочешъ ограничивашъ себя такимъ холоднымъ размышленіемъ, шоптъ подвергнешся опасности, рѣдко или и никогда не мыслишь и не чувствовашъ Бога, (ибо въ семь случаѣ мыслишь и чувствовашъ естъ одно,) яко Сущешво вселюбезнѣйшее и удивленія достойнѣйшее; подвергнешся опасности—

менѣ всего имъ подозрѣваемой—мыслишь о Немъ *недовольно справедливо*. Ибо кто недовольно возносілся къ Богу и не совсѣмъ доспойно о Немъ мыслишь, шопъ и недовольно справедливо о Немъ мыслишь. Поелику сей способъ размышленія о Богѣ можешъ сдѣлать насъ почти неспособными къ вышшему способу, о которомъ говорю я буду ниже: шо и не для чего *привыкать* къ оному. Однако истинный философъ— я разумѣю того, который приспособилъ къ шому и голову свою, а не одну мешоду—можешъ иногда занимашся и симъ способомъ для новости.

Есть еще другой способъ, который назову я среднимъ, или короче сказаъ *разсужденіемъ*. Разсужденія бываюшъ съ большею свободою и сопрягаюшся съ нѣкоторыми спокойными чувствованіями; но рѣдко возносяшся они до восхищенія величіемъ Божескимъ. Они могутъ быть весьма правильны, весьма благочеспивы и весьма желательны; однако не удовлетворяюшъ душѣ, спремящейся изъ всѣхъ силъ *познать Бога*; а особливо, когда вождѣніе ея не ослаблено еще нерадѣніемъ, шоль свойшвеннымъ слабости, или ограниченности нашей.— Сверхъ того часше

имѣють они пошь недоспашокъ, что на-
учають насъ *низко* мыслишь о Богѣ. Я
называю *низко мыслить о Богѣ* мыслишь о
Немъ не съ шакимъ достоинствомъ, какъ
бы мы могли; а сіе производить опъ
шого, что разсужденія наши, безъ всяка-
го нашего намѣренія, непримѣнно заспа-
вляють насъ предполагашъ и въ Богѣ мы-
сли одинакія съ нашими. Однимъ словомъ:
самолюбіе самаго благочеспиваго мужа
обольщаепъ и заспавляепъ его мыслишь
о Богѣ *по себѣ*.

Третій способъ. — Робертъ Бойль, ока-
завшій во всѣхъ своихъ дѣянїяхъ сполько
благородной простоты и скромности, и
кошорый не достоинъ еще порицанія за
шо, что въ *одномъ* случаѣ поступилъ ина-
че, нежели какъ обыкновенно всѣ почти
поступають, — доказавшій въ жизни сво-
ей, что онъ былъ не ханжа; — Робертъ
Бойль не произносилъ никогда имени Бо-
жія безъ глубочайшаго благоговѣнїя, и по
произнесеніи онаго не могъ иначе продол-
жашъ разговора, какъ по иѣкошоромъ при-
мѣшномъ молчаніи и съ непокрышою голо-
вою. Какъ же могъ сей доспощенный
мужъ выражашъ чувспва свой о Богѣ на
единѣ, когда единое напоминаніе о Немъ по-

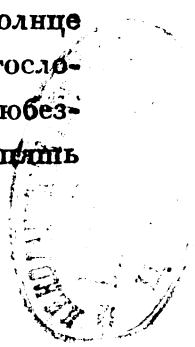
гружало его въ испуленіе предъ Богомъ, сущесвомъ высочайшимъ — какъ могъ онъ выражать ихъ, какъ не одною любовію къ Нему, къ какой шолько конечный духъ способенъ!

Въ сей жизни не возможно оспавашься долго на сей высочайшей степени возвышенія къ Богу: но чаще къ ней приближашься и долѣе на ней оспавашься чрезъ нѣчто большее, нежели разсужденіе, и здѣсь возможно, и еспъ верхъ блаженства. Приближашься къ высочайшей степени называю я шо соспояніе, когда душа *вся* пакъ исполнена шѣмъ, кого она мыслишь, что всѣ прочія ея силы опъ напряженія ея мыслей *совокупно* и къ одной цѣли дѣйствуюшь; когда всѣ сомнѣнія и безпокойства о непоспижимыхъ путяхъ Божіихъ прекращаются; когда мы не можемъ воздержашься, чтобы не прервашь размышленія нашего какимъ нибудь крашкимъ воззваніемъ къ Нему; когда не находимъ въ языкѣ нашемъ словъ для выраженія шого, что мы о Немъ мыслимъ; тогда мы наконецъ съ глубочайшею преданностію соединяемъ любовь, которая въ полномъ упованіи вѣришь, что *Бога любить можно и должно.*

Есѣли бы изъ множешва, или я шакъ назову, изъ толпы сихъ одна за другою скопляющихся и одна другую преслѣдующихъ мыслей извлечь хладнокровно нѣкопорыя и привестъ ихъ въ крапкія правила: по какія бы новыя опкрылись намъ истины и поняшя о Богѣ!

Возходъ на сію вышнюю степень размышленія о Богѣ есѣ по соспоянiе души, когда въ ней сполько мыслей и ощущеній дѣйспвуютъ *совокупно* и съ шакою силою, что погдашнее соспоянiе ея выше всякаго описанія.

Наспаетъ ушро, возходящее солнце призываетъ насъ къ молишвѣ: благословеніе Божіе да покоишся на васъ, любезный другъ! Въ слѣдующую ночь мы опашъ увидимся.

НОЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Изо всего прежде сказаннаго вы можете, любезный другъ, ясно усмотрѣшь, что въ нѣдрѣ Религіи и въ самой Нашурѣ скрывающя великія тайны, къ изслѣдованію кошорыхъ испытательный духъ человѣческій, не бывъ просвѣщенъ вышшимъ свѣтомъ, самъ по себѣ недоспапочень.

Многія великія и непоспимыя дѣйствія, коихъ слава ошъ глубокой древноспи дошла и до насъ; чудеса, повѣспуемыя Св. Писаніемъ, и многое подобное, чего изьяснишь мы себѣ не можемъ, основывающя на законахъ приближенія къ Богу, о коихъ вы въ свое время болѣе узнаете.

Посмотря проспо на нашуру человѣческую, вы найдете вездѣ сходство между обыкновенными человѣками. Но посмотрите на вырожденія духа: спихорство, краснорѣчіе, силы ихъ, прелесть, привлекательность, упощенность спрасшей, любовь, гнѣвъ, энтузіазмъ, и даже самое сумасшествіе: сколь все сіе

превышаетъ обыкновенныя силы человѣческія! Сей внутренній электрицитетъ души не намѣкаетъ ли о такой силѣ въ человѣкѣ, копорая, достигнувъ высопы своей, дѣлается непоспижимою? Размыслише о силѣ добродѣтели, размыслише, что она шворитъ, и какихъ мужей производитъ! Если сія внутренняя сила въ человѣкѣ доведена будетъ до возможной чистоты; если посредствомъ ея другая сила, еще превосходнѣйшая, возобладаетъ и возпоржесшветъ надъ всѣмъ чувственнѣмъ: то чего не лзя ожидать отъ ея дѣйствій! Не совершенно ли естественно, что предметы, ближайшіе ко свѣту, лучше освѣщаются, и что чистыя и прозрачныя тѣла удобнѣе принимаютъ лучи свѣта и передаютъ оныя другимъ? Все сіе показываетъ, что приближеніе къ Богу, копорый есть единственнѣйшій свѣтъ, лучше освѣщаетъ человѣка и вышшія силы свѣта ему сообщаетъ. Найдя въ Напурѣ подобіе сей испины, найдете подобіе и того соспоянія, въ какомъ бываетъ тѣло, приближающееся ко свѣту.

Когда солнце весною приближается къ землѣ: то дикія и безплодныя мѣсна оживаютъ, и всѣ очаровательныя дѣйств-

вія весны сущь полько плоды сего приближенія: подумайшежь, какую весну прои-
звесть должно вѣчное Солнце въ сердць
человѣка, когда къ нему приближишся! —
Какимъ же образомъ приближеніе сіе про-
изходишь, и что къ шому пошребно?

Не гоняйпесь слишкомъ за знаніемъ,
любезный другъ: оно мало по малу сооб-
щашься вамъ будешь. Не забывайше вспо-
минашь иногда о явленіяхъ Напурь, ча-
шо указующихъ человѣку на собшвен-
ное его сосшояніе. Ушонченное сосшояніе
шѣла ешь какъ бы спекло, сквозь кошо-
рое всѣ рѣдкія и чудесныя силы Напурь
видимы бываюшь, кошорымъ мы одна-
кожь не удивляемься, пошому что они спа-
ли уже обыкновенны, и мы объ нихъ рзз-
мышляшь болѣе не забошимься. Чѣмъ шѣ-
ло чище и шонѣе, чѣмъ болѣе въ спрое-
ніи своемъ приближаешься къ единшву,
нѣмъ способнѣе оно принимаешь лучи свѣ-
на и сосредошочиваешь ихъ въ одинъ
пунктъ. Помыслише о вогнушыхъ и за-
жигашельныхъ зеркалахъ. Въ опшикъ, лю-
безный другъ, скриваешься много еще намъ
непоняшнаго, чего физикамъ нашимъ и на
умъ не взходило: но все сіе полько еще
намѣки о вышшихъ ишпинахъ.

Чистоша души естъ первый шагъ сего приближенія. Прежде всего должны вы, любезны, другъ, приобрѣсть навѣкъ въ практическихъ правилахъ нравственности, и получивъ способность къ добродѣтели: безъ чего не возможно достигнуть верха чистошы, необходимой для полученія права на вышшія вещи. Выслушайтеже сперва со вниманіемъ, какимъ образомъ можете вы достигнуть сея способности.

Легко усмотрѣвъ можно, что между разными средствами, облегчающими и укрѣпляющими добрыя способности, скорое открытіе добрыхъ и счастливое усмотрѣніе и избѣжаніе опасныхъ и злыхъ случаевъ занимаетъ не послѣднее мѣсто. У кого недостаетъ въ томъ скорого проніцанія и правильнаго сужденія, шось и при самой искреннѣйшей рѣшимости, бывъ вѣрну своимъ должностямъ, будешь медленно ишши по пути добродѣтели, пропуская множество удобныхъ къ тому случаевъ ошъ шого, что ихъ не видишь; и вины сего надлежитъ искать или въ шупости, или въ лѣности, или въ разсѣянности его разума. Таковой увидишь себя далеко назади ошъ шого, кошорый замѣ-

чаешь каждое внутреннее и внешнее побужденіе къ исполненію разныхъ своихъ обязанностей, и привыкнувъ къ скорому усмотрѣнію оныхъ, не пропускаешь ни одного такого побужденія, и каждымъ доспыхвальнымъ дѣйствіемъ сообщаешь любви своей къ добродѣтели новую силу, и дѣлаешь ее, такъ сказать, *живущею*. Никакая сила въ чловѣкѣ не можешь достигнуть той степени крѣпости, къ коей она способна, еслии не будешь часно употребляема и изоцряема. Но какое великое различіе и въ самомъ ростѣ нашихъ способностей, споль различныхъ между собою по ихъ опредѣленіямъ! Тѣлесныя наши способности, доведены будучи до крайней степени возвышенности, за копорую онѣ пересупишь уже не могутъ, теряють силу свою чрезъ поже самое упражненіе, копорое изоцряло и усиливало ихъ. Тогда чѣмъ чаще напрягаешь сію силу, тѣмъ скорѣе она прищупляется и скорѣе пропадаетъ: напрошивъ того способности духа нашего удобны къ непреспанному возраспанію. Съ каждымъ новымъ употребленіемъ онѣ получають новую жизнь и силу къ преодоленію всѣхъ препятствій и затрудненій; и ревностный

блоспишель религіи и добродѣтели быспрыми своими успѣхами не упомяется, и съ каждымъ ускореннымъ шагомъ получаете еще большую способность и бодроспѣ. Но безъ часпаго исполненія должноспей своихъ никто не можеспѣ далеко успѣспѣ въ ономъ, и у кого недоспаеспѣ способности и охоспы ошкрываеспѣ вспрѣчающіеспѣ къ шому случаи и пользоваеспѣя оными, шоспѣ часшо не въ сосшоянніи будеспѣ и исполняеспѣ своихъ должноспей.

Удивляющеспѣ, сколько добра сдѣлалъ *Аристидѣ*, вблизи ли, или издали разсмашривающеспѣ жизнь его. Но еспѣшли бы *Ариспидѣ* не научился, или не хоспѣлъ бы вѣдаеспѣ, чшо самый добродѣшельнѣйшій человекъ, при всемъ величіи своей добродѣтели и при всемъ пламенномъ усердіи къ исполненію всѣхъ должноспей своихъ, всегда имѣеспѣ довольно причинъ смираеспѣся: шо не могъ бы онъ съ шакимъ чиспымъ удовольсшвіемъ взираеспѣ на свое поведеніе, и близокъ былъ бы къ опасоспи возгордшпся своими досшоинсшвами, кошорья главную цѣну получающеспѣ ошпѣ смиренія и скромной умѣреноспи въ позволенной даже о семъ радоспи. Немного надобно знаеспѣ сего любезнаго человекъ, чшосбы угадаеспѣ,

Что каждый часъ его жизни ознаменованъ и украшенъ былъ не однимъ, но многими доспохвальными и благородными дѣянiями. Когда онъ управлялъ онъ должностю своего званiя: то съ какимъ усердiемъ, ревностiю и честностiю исполнялъ онъ! Когда показывался въ обществѣ, то религiя и добродѣшель и шамъ его сопровождали; вездѣ являлся онъ съ лицомъ веселымъ и прiятнымъ; бесѣды его были всегда полезны и наставительны.

Но отъ чего *Аристидъ* столько успѣлъ въ добродѣтели предъ другими, которые, можетъ быть, также имѣли и склонность и охоту къ исполненiю должностей своихъ? Для истинной необыкновенной добродѣтели нуженъ необыкновенный и способъ, безъ коего человекъ будетъ стремиться къ ложному и мнимому только величiю. Въ чемъ же состоить сей самый способъ? Въ природныхъ ли способностяхъ и дарованiяхъ?— Но какъ часто самые рѣдкiе дары *Натуры* остаются безъ употребленiя, и либо испребляются, либо оскверняются порокомъ!— Въ воспитанiи ли? Но многiе ли могутъ похвалиться прямо благодѣтельнымъ воспитанiемъ, и чтобы оно точно повело

ихъ на путь добродѣтели? А буди они обя-
заны пѣмъ оному: по для чего идушь по
сему пути съ такою лѣносною? Для чего
соблазняюшя лѣносною другихъ?— Еснѣ-
лижъ приписать сіе наружнымъ обспоя-
шельспвамъ: по великія и высокія добро-
дѣтели, завися ошъ породы, ошъ соспо-
янія и сана, были бы не споль рѣдки. —
Гдѣ же должны мы искашь испочника
чрезвычайной способности Ариспидовой
ко всякимъ добрымъ дѣламъ? Безъ сомнѣ-
нія болѣе всего въ навикѣ пользовапся
всѣми предспавляющимися случаями къ
добру, и упопреляпъ ихъ согласно съ ихъ
цѣлю. Сіе совершенспво придаешъ, такъ
сказашъ, каждой добродѣтели крылья! Сча-
спливъ пошъ народъ, который можешъ
хвалишя Ариспидами въ разныхъ соспо-
яніяхъ, хопя бы они спояли на разныхъ
спепеняхъ и рапборспвовали на разныхъ
поприцахъ!

Еспшли мы хопимъ чрезъ опкрыпіе
и спаспливое упопреленіе предспавляю-
щихся случаевъ *къ добру* приобрѣспъ спо-
способность возвышашъ свою добродѣтель,
и пѣмъ умножашъ спое блаженспво: по
пужно знашь правила, ведущія къ сему со-
вершенспву. Поелику же человекъ не поль-

*

ко чрезъ дѣйствительные пороки, но и чрезъ нерадѣніе о должностяхъ, предписываемыхъ разумомъ и вѣрою, дѣлается несчастнымъ и наказанія достойнымъ: по разсмотрѣніи сихъ правилъ, безъ сомнѣнія, должно бысть пріятно для того, кто желаетъ основать и честь и счастье свое на нелицемѣрномъ благочестіи и честности.

Я предполагаю, что желающій получить навыкъ къ скорому усмотрѣнію всѣхъ представляющихся ему случаевъ къ добру и къ употребленію оныхъ наилучшимъ образомъ, долженъ имѣть ясное, основательное и живое познаніе о своихъ обязанностяхъ. Обязанности наши состоятъ въ тѣсномъ союзѣ какъ съ общественными нашими внутренними и внѣшними обстоятельствами, такъ и съ отношеніями нашими къ другимъ людямъ и существамъ; и чѣмъ чувствво сихъ обязанностей въ насъ совершеннѣе и живѣе, тѣмъ легче для насъ усматривать сіи случаи и употреблять ихъ согласно съ ихъ цѣлю.

Случаи къ добру состоятъ не въ однихъ наружныхъ, но и во внутреннихъ нашихъ обстоятельствахъ, качествахъ и отношеніяхъ къ другимъ людямъ и су-

щесствамъ: и пошому первое правило со-
 стоиптъ въ строгомъ бдѣнїи за собою и
 правильномъ и радѣшельномъ самопозна-
 нїи. Всякому дѣлу предшесствуетъ сперва
внутреннее побужденїе, опкуда бы оно ни
 происходило, изъ чувства ли шолько, опъ
 дѣйствїя ли сильныхъ желанїй и спраспей,
 или изъ яснаго познанїя. И шакъ мы дол-
 жны знашь пружины, приводящїя душу
 нашу въ движенїе; должны знашь число
 пружинъ, дѣйствующихъ совокупно; долж-
 ны знашь разныя степени ихъ живоспи
 и силы, дабы, смощря по обстоятель-
 ствамъ, усиливать, или ослабляшь оныя.
 Но можемъ ли мы внутреннїя расположе-
 нїя и измѣненїя нашего разума и сердца,
 силъ и движенїй ихъ, привесшь въ со-
 гласїе съ внѣшними обстоятельствомъ и
 перемѣнами — чего перебуешъ опъ насъ ре-
 лигїя и добродѣшель — когда мы сами себѣ
 чужды? Не вѣдая, что въ собственномъ
 нашемъ сердцѣ происходитъ, или не ясно
 вѣдая шо, не будемъ ли мы въ дѣйстви-
 яхъ своихъ зависѣшь опъ каждой поспо-
 ронней силы, дѣйствующей на чувства?
 И шакъ *познать себя* ешь правило, на-
 блюденїе котораго, сверхъ многихъ дру-
 гихъ выгодъ, доставляетъ намъ шу пользу.

что оно облегчаетъ и способствуетъ намъ въ открытіи и употребленіи добрыхъ случаевъ.

Поелику же исполненію всякаго предпріемлемаго дѣла всего болѣе препятствуетъ или *разсѣянность*, коей причиною обыкновенно бываетъ усиленная чувствительность, или безпорядочная *многодѣльность*, такъ называемая *хлопотливость*, кошорая не имѣетъ себѣ почто предопредѣленнаго предмета, или предметы свои безпрестанно перемѣняетъ, либо въ одно время гоняется за разными цѣлями, не совокупляя ихъ вмѣстѣ надлежащимъ образомъ: по для пріученія себя къ открытію и употребленію всѣхъ случаевъ къ добру, должны мы освободить и предохранить душу нашу отъ сихъ столь вредныхъ пороковъ. Присутствіе духа и собраніе силъ внутрь суть также необходимыя и надежныя средства къ сей важной цѣли. Какъ бы человекъ ни рѣшался на добро, какъ бы ни былъ прозорливъ въ открытіи случаевъ къ оному; но еслили онъ привыкъ къ разсѣянности, или упонулъ въ заботахъ: по онъ упуститъ ихъ, хотябы они ему и представялись. Въ разсѣянности и безпорядочной многодѣльности ду-

та наша, не имѣя никакой опредѣленной и постоянной цѣли, дѣлается неспособною продолжать непрерывную нить мыслей, или дѣйствій: оупь чего или случай, или время, шерьется. Почему не побѣдившій еще въ себѣ сихъ пороковъ подверженъ всегда опасности бытъ увлеченнымъ посторонними предметами оупь предпринимаго, и даже счастливо уже начапаго имѣ дѣла, какъ скоро сіи предметы произведупь въ немъ сильное и незапное впечатлѣніе. Но опасность сія не касается того, кто получишь надъ собою такую власть, что его ничто не шревожишь. Онъ шакъ свободенъ, шакъ обладаетъ собою, чувствами, силами и дѣйствіями своими, что всѣ перемѣны, не оупь него самаго производящія, видипь онъ, не перемѣняясь самъ, и постоянно продолжаетъ путь свой до шѣхъ поръ, пока самая должностъ не пошребуесть оупь него разположить дѣйствія свои инако.

Человѣкъ, привыкшій собирать свои мысли и имѣть всегда присущіе духа, легко можешь обшпошельства свои, ошношенія къ другимъ человѣкамъ, и вообще ко всѣмъ шварямъ, принаравливать къ законамъ Божескимъ, и изъ шаковаго при-

наровленія узнавашь, что благоугодно Его святой волѣ. Всякому изъ насъ встрѣчающагося споль *примѣтные* случаи къ добродѣтели, что нѣсть нужды искашь ихъ; они, пакъ сказашь, набѣгающь на насъ; и чшобъ ихъ не видѣшь, надобно съ намѣреніемъ закрыть глаза. Но бывающь и пакіе случаи, кошорые при первомъ взглядѣ не покажущься паковыми: погда нужно усиливашь въ себѣ внимательность, бышь въ сужденіи своемъ весьма почну и весьма скору, чшобы не пропустишь ихъ безъ упошребленія. Сколь же счастливь научившійся всѣ вещи весьма скоро направливашь къ волѣ Божеской и къ должностямъ своимъ! Способность сія приведетъ его въ соспоянніе помчасъ усмашривашь, что ему дѣлашь; и добродѣтели, исполняемая *при случаяхъ, менѣ примѣтныхъ и не столь очевидныхъ*, имѣющь большую цѣну.

Но не возможно поступишь съ пакою вѣрностію и съ пакимъ усердіемъ, какъ мы обязаны, въ упошребленіи всѣхъ случаевъ къ добродѣтели, еспли всеобщая рѣшимость наша къ наблюденію всѣхъ законовъ, пребующихъ повиновенія нашего, не будетъ дѣйствующа и поспоянна во

всякое время. Для чего весьма нужно часто вспоминать себя о необходимости и истинном свойстве оныхъ: безъ того же всё не возобновляемыя идеи нашего духа зашмѣваются другими идеями, такъ какъ бы мы о томъ никогда не думали. И такъ не довольно принять добрую рѣшимость; нужно еще стараться, чтобы она обладала всеми другими мыслями и всеми дѣйствіями нашей воли. Должно сохранять и порядокъ, въ какомъ надлежитъ намъ произвести нашу рѣшимость въ дѣйство; особливо должны мы стараться всё обшляпелства и всё случающіяся съ нами перемѣны употреблять средствомъ въ ежедневному умноженію силы и дѣятельности шаковыхъ намѣреній нашихъ. Чемъ сила ихъ будетъ болѣе, тѣмъ усерднѣе будемъ мы пещися о исполненіи оныхъ: кшожь не вѣдаеть, какую силу имѣють сильныя желанія наши? Тогда ничшо не убѣжитъ отъ вниманія нашего, что хотя малую имѣеть связь съ намѣреніемъ нашимъ; тогда мы все видимъ, и надежда, исполнишь желаемое, какую не придасть силу нашей дѣятельности, и какія препятствія преодолѣшь она не въ силахъ? —

Слѣдствіе изо всего сего выходитъ то, что добрыя намѣренія часно возобновлять должно. А какъ сіе дѣлается единственно чрезъ упражненіе въ яснѣйшемъ познаваніи должностей своихъ, и наградю сего спаранія рѣдко бываетъ чувственное удовольствіе: то надлежитъ всячески охранять себя опъ безпорядочной чувственности, ибо ничто пакъ не мѣшаетъ зрѣлому и здравому сужденію, какъ чувственность. Чувствованіе наше, хотя бы мы оное обращали и на самое нравственное добро, никогда не должно быть главною причиною нашихъ дѣйствій; оно заведетъ насъ въ опасныя заблужденія, естли не будетъ соединено съ яснымъ познаніемъ. Токмо разумомъ можемъ мы обозрѣвать связь вещей, и то, что, по причинѣ сей связи, дѣлается необходимою обязанностію нашею. Сколь бы нравственное чувство въ насъ ни было живо и сильно, разумъ долженъ всегда владычествовать; ибо чѣмъ сильнѣе вѣтры, надувають паруса, тѣмъ необходимѣе кормщикъ. Наилучшія чувствованія могутъ легко сдѣлаться безпорядочными, когда понятіе наше о добрѣ и злѣ еще не ясно, или когда мѣра ощущенія не соразмѣрна

спешени того предмета, на которъй оно направлено, и чувствованіе наше либо горяче, либо холодноѣ, нежели какъ ему бытъ должно. И пакъ чѣмъ менѣе ошдаемся мы нашимъ чувствованіямъ, чѣмъ менѣе нами правяшъ чувственныя вожделніе и опвращеніе: тѣмъ удобнѣе можемъ мы не заблуждаться въ опкрышіи добрыхъ случаевъ, и тѣмъ счастливѣе упошребляшъ ихъ надлежащимъ образомъ къ испинной нашей пользѣ.

Но поелику ко всѣмъ нравственнымъ совершенствамъ можемъ мы возходить только чрезъ разныя и многія спешени, и не можемъ не падать часпо, какъ дѣши, которыя ходишъ учаща, пакъ что и при ревностномъ наблюденіи сихъ правилъ мы будемъ все еще упускашъ многіе случаи къ исполненію нашихъ должностей: шо, чтобы не бытъ виновными въ нашемъ паденіи, мы должны каждый разъ вшавашъ и рѣже падашъ; и буде мы сего желаемъ, шо должны спарашъся о живомъ познаніи проспупковъ нашихъ и упущенныхъ къ добру случаевъ. Сіе ешъ дѣло *Совѣсти*, которая и о начинаемыхъ и о исполненныхъ дѣаніяхъ должна судишъ безприспращно и съ совершенною свободою

за насъ, или *противъ* насъ, по качеству дѣлъ. Чѣмъ бдительнѣе и чувствительнѣе совѣсть, чѣмъ смѣлее открываетъ она намъ содѣянные нами просупки и показываетъ, въ какихъ случаяхъ упустили мы исполненіе своихъ должностей, тѣмъ оспорожнѣе спановишься мы будемъ. Осуждаемая ею и часпо не возвращаемая потеря добрыхъ случаевъ и всѣхъ благошворныхъ ихъ слѣдствій огорчаютъ насъ спанеть; и чѣмъ яснѣ спановишься будетъ наше познаніе, чѣмъ *постояннѣ* будетъ наше спремленіе къ добродѣтели: тѣмъ ревностнѣйшими сіе болѣзненное чувство содѣлаетъ насъ къ предупрежденію впредъ шаковой потери всевозможною внимательностію и присупствіемъ духа.

Все, предприемлемое для споспѣшествованія нравспвенному благу и счастью человека, имѣетъ право на награду. Но сколь сами по себѣ блаженны уже тѣ часы, копорые проведеете вы въ шакихъ размышленіяхъ, и сколь богашо они награждаются, естли убѣдятъ васъ не только замѣчатъ добрые случаи, но и употреблять ихъ ради толь великой награды, кошорую они сулятъ вамъ!

Прощайте, любезный другъ! Подумайте о сихъ великихъ испинахъ. Завтра ночью мы опять увидимся.

НОЧЬ ПЯТАЯ.

Вчера говорили мы, любезный другъ, о томъ, какъ достигашь способности къ добродѣтелямъ. Теперь, прежде нежели пойдемъ далѣе, долженъ я сказать вамъ, сколь важно сдѣлать нравственною силою свое *воображеніе*.

Поелику безъ *разума* нѣтъ *премудрости*, безъ премудрости нѣтъ *добродѣтели*, безъ добродѣтели нѣтъ истиннаго *блаженства*, и какъ разумъ не имѣеть опаснѣйшей себѣ совѣспницы, какъ безпорядочная, разспроенная и необузданная *фантазія*: то весьма нужно, какъ для нравовъ и дѣяній нашихъ, такъ и для самаго внутренняго характера нашего, узнать качество сей, хотя не столь *благородной*, но весьма важной и могущественной силы души нашей. Сердце не можешь быть добрымъ, если *воображеніе* не будетъ шаковымъ. Изъ всѣхъ почти дѣйствій и намѣреній нашихъ можно доказать, что оно возбуждаетъ и вожжигаетъ въ насъ большую часть вождельній, и вмѣшивающа почти во всѣ общошпель-

ства нашей жизни. Если оно правильно и направлено на то, что имѣеть действительное величіе, истинную нравственную красоту: то и дѣйствія наши будутъ шакковыжъ. Но если оно изпорчено и разспроено, то и безпорядокъ спрешей умножается. Какихъ порочныхъ дѣяній произведеть онѣ не въ состояніи, когда воображеніе ими правишь? И шакъ, кшо, желая своего совершенства, не признаешь исправленіе воображенія своего необходимою *обязанностію*, у шого намѣреніе его еще сомнишельно.

Сила сія имѣеть многоразличныя дѣйствія. Чувства, яко каналы всякаго познанія, сообщаютъ первыя представленія разума, а чрезъ то и первыя ощущенія сердцу. И то и другое есть еще грубая матерія, копорая предлагаешся душѣ для выработшкі. И шакъ они должны продолжаться въ разумѣ, и еслии нужно будеть, снова возобновляшья; ибо разумъ подобень зеркалу, въ коемъ изображенія шѣлесныхъ предметовъ, съ удаленіемъ оныхъ, изчезаютъ шакъ скороспшижно и совершенно, что въ немъ и слѣдовъ оныхъ не осшается. Но какъ душа наша, вопреки мнѣнію нѣкошорыхъ недалнозря-

щихъ философовъ, и въ самомъ началѣ нашихъ идей и ощущеній, болѣе дѣйствующа, нежели страждуща: по она шаковую же оспаешя и въ продолженіи оныхъ. Воображеніе схвапываешъ ихъ, удержи- ваешъ и передаетъ памяти, чрезъ повпо- реніе подкрѣпляетъ ихъ и сохраняетъ да- же шѣ самыя, копорыя по причинѣ сла- баго ихъ впечатлѣнія, казалось, вовсе не коснулись понятія. — Чашто удивляюшя, что приходяшъ шакія мысли и воображе- нія, копорыя кажушя совсѣмъ новы и никогда въ насъ не бывали: но сіе уди- вленіе прешанешъ, ешлы мы узнаемъ, что каждый разъ съ ясными предшавленіями нашими смѣшиваюшя и неясныя идеи и ощущенія.

Какъ скоро предшавишя чувшвамъ предметъ, имѣющій хопя опдаленную связь съ ощущенными уже чувшвенными идеями: шо непрешанно дѣйшвующее и неушомимое воображеніе вызываешъ ихъ; душа снова узнаешъ шо, что нѣкогда ви- дѣла, чувшвовала, чему удивлялась, чего желала, или опъ чего опшращалась; по крайней мѣрѣ она мыслишъ о шомъ, хо- нябъ и не вѣдала о прешнемъ подобномъ состояніи. Но воображеніе не можешъ

предспавишь прежнихъ идей и ощущеній вовсе безъ перемѣны; онѣ должны, такъ сказать, запечашлѣны бышь его печашью; и какъ бы сія перемѣна ни была непримѣльна, при щцашельномъ разсмопрѣніи можно будешъ узнать, что сіи идеи и ощущенія *возобновленныя*.

Почши всѣ внѣшніе предметы, предспавляющіеся намъ чрезъ чувсшва, при вшоричномъ появленіи ихъ чрезъ воображеніе или увеличивающіяся, или уменьшающіяся. Воображеніе почши никогда не предспавляешъ ихъ въ прежнемъ видѣ; но показываешъ ихъ или болѣе въ шѣни, или болѣе въ свѣспу; прибавляешъ, убавляешъ, увеличиваешъ, уменьшаешъ; шо украшаешъ и ошнимаешъ непріашность, кошорую нѣкошорые предметы производили въ насъ при первомъ ихъ впечатлѣніи; шо лишаешъ ихъ прелеспей, возбуждавшихъ прежде въ насъ удивленіе и похвалу; ошкрываешъ намъ неизвѣспныя ихъ спороны: но никогда о шомъ не заботишся, согласующія ли производимыя имъ перемѣны съ напурою вещи.

Нѣшь у души силы безпокойнѣе и дѣлшельнѣе воображенія. Оно ешъ неизчерпаемый источникъ идей, когда чувсшва

опть работы своей упомяашся, или когда разборчивый разумъ медленно идешь пушемъ размышленія, или боясь заблудитьсѣ въ собсшвенныхъ воображеніяхъ, или, когда онъ былъ уже обманупть ложными мечшами, перѣя надежду найши обрапный пушь къ Испинѣ, долженсшвующей бышь единсшвенною цѣлю всѣхъ его изысканій.

Фантазія, или *вообразительная сила*, хопя принадлежишь къ нижнимъ силамъ духа человѣческаго, ешь однакожь одна изъ самыхъ полезнѣйшихъ, ешьли разумъ сколько нибудь имѣеть власшь надъ нею. Поелику чрезъ *воображеніе* мысли наши до безконечности могушь преображашся и размножашся: шо оно ешь источникъ всѣхъ изобрѣшеній. Какъ тѣсны были бы предѣлы нашихъ познаній, ешьли бы оно не открывало намъ новыхъ видовъ и не разширяло ихъ круга! Оно весьма много способсшвуетъ самымъ важнѣйшимъ наукамъ, копорыя кажущся шолько плодами глубокаго размышленія. Ни одинъ великій умъ, или шакъ называемый *Геній* (Genie), не былъ бы шаковымъ, ешьли бы не оживленъ былъ дѣйствіемъ воображенія; особливо обязаны ему всѣмъ шакъ назы-

ваемые острые умы. Оно можетъ хвалиться открытіемъ многихъ истинъ, хотя чрезъ обманчивость его болѣе произошло заблужденій и неосновательныхъ мнѣній. Оно, безъ сомнѣнія, способствовало *Невтону* раздробить солнечные лучи; но еще болѣе участвовало въ *Картезиевой* вихрь.

Идеи, получаемыя нами опъ воображенія, всѣ чувственныя, ибо производящъ опъ чувственныхъ ощущеній; и какъ онѣ рождающся чрезъ перемену прежнихъ: по предмету его не суть *подлинно* таковы, каковыми оно ихъ представляетъ, если ли другія силы челоука не придадутъ имъ сей *подлинности*. Какъ же главная склонность души есть стремленіе къ удовольствію: по воображеніе и занимается особливо тѣмъ, что производило въ насъ пріятныя ощущенія. Доказательствомъ тому служатъ *художества*, кои изобрѣтены не столько по нуждѣ, сколько по пріятности ихъ и удовольствію опъ нихъ въ жизни. По тому-то совершенства, открываемыя вышними силами души за предѣлами чувствъ чрезъ размышленіе и разумъ, не суть ближайшій и непосредственный предметъ воображенія. Истина

и нравственная доброта производить въ немъ слабое впечатлѣніе, и если бы онъ не имѣли нѣкопорого сходства съ *чувственными* предметами и не производили бы даже *чувственныхъ* дѣйствій, то онъ его и не прогнали бы. Но какъ воображеніе даетъ, такъ скажемъ, пѣло тому, что собственно есть духъ и душа: по разумъ и добродѣшель, сверхъ истинныхъ и существенныхъ своихъ удовольствій, могутъ иногда запяшнаться и спросыми его, хотя бы онъ не имѣли другой существенности, кромѣ сообщенной имъ очаровательною силою разспроенной фанпазіи.

Впрочемъ воображеніе занимаетъ не одними пріятными представленіями; но, по обспояшельствамъ, возобновляетъ и непріятныя идеи всякаго рода, и чрезъ то дѣлается обильнымъ испочникомъ огорченій и неудовольствій. Сколько бѣдъ, заботъ и печалей оправляютъ жизнь челоувѣческую единственно опъ воображенія! Однако не всякая непріятность, копорую оно снова намъ представляетъ, бываетъ спольже непріятною, какъ при первомъ впечатлѣніи. Иногда оно уменьшаетъ ее, иногда вовсе ишребляетъ ее чрезъ пере-

мѣну, произведенную имъ въ сей вещи, или обсполнелсьствѣ; иногда даже оно упѣшаешъ, представляя неприятность минувшею: а избавленіе опъ спрахъ еспъ шакже немалое удовольствіе.

Все чувственное шрогаешъ насъ или величешвомъ, или новостію и необычайностью, или порядкомъ, правильностію и красою, дѣйствительно ли мы ихъ въ представляющихся предметахъ видимъ, или мнимъ видѣть. Въ семъ соотношеніи свойство и различность воображенія и дѣйствія его въ разныхъ людяхъ. Качества предметовъ не въ каждомъ одинаково производятъ впечатлѣніе: одно дѣйствуетъ на человека сильнѣе и долѣе, нежели другое, по настроенію души его, ему свойственному, и, смѣю сказать, по мѣсту, занимаемому имъ въ мірѣ. Съ сими сильнѣйшими, или слабѣйшими, впечатлѣніями сообразуешся фантазія въ своихъ дѣйствіяхъ. У однихъ любовь она все великое, у другихъ все красивое; и сіе различіе обнаруживаешъ во всѣхъ предпріятіяхъ человека, особливо въ избираемыхъ имъ себѣ упражненіяхъ. Еспли чувство великаго будетъ дѣлать слабѣе допрясеніе въ воображеніи архитектора:

шо онъ можешъ знашь теорію всего того, что служишь къ величесію и великолѣпію зданія, но преимущественно спанешъ спарашься о украшеніи и пріятности онаго. Такъ и Миниспръ спанешъ болѣе думашъ о украшеніи и цвѣсѣ своего Государспва, нежели о разспраненіи его, *не только по долгу, но и по склонности*, ежели его прогаешъ болѣе порядокъ и правильность, нежели шо, что удиляешъ и изумляешъ.

Я не буду много говоришь о томъ, что и нравспвенный характеръ челоѣка зависишь много отъ того: *дѣйствительное* ли великое, удивительное, новое, рѣдкое и изящное приводитъ въ движеніе его воображеніе, или только *мстательное*? Различіе сіе чрезвычайно важно по слѣспвіямъ своимъ, и шѣмъ важнѣе, чѣмъ болѣе челоѣкъ въ соспоянніи дѣйспвовашь на благо цѣлаго. Такъ впечатлѣніе, сдѣланное въ пылкомъ воображеніи романическими подвигами Александра, а еще болѣе романическими описаніями оныхъ, можешъ родишь изъ какого нибудь Государя еще новаго опустошителя вселенныя и Фаларида своего народа; равномерно счастливое впечатлѣніе прямаго до-

споинства можеть произвеспъ изъ него Тиша, или Генриха IV. Еспьли бы всѣ гоняющіеся за славою писашеля знали весь вредъ, произходящій опть романическихъ ихъ описаній, шо мы не имѣли бы Курція: или по крайней мѣрѣ онъ описаль бы намъ кропкія, доспославныя, хопя и не споль громкія, дѣянія какого нибудь миролюбиваго Государя. Тогда можеть бышь менѣ бы его чипали, но менѣ бы и вреда получали.

Сспраспи спояпъ въ пѣсномъ союзѣ съ фанпазією, и онѣ непосредспвенно дѣйспвуютъ сильно другъ на друга: но, прямо говоря, воображеніе не раждаепъ спраспей, а сполько пишаепъ ихъ и поощряепъ гоняпъся за ихъ предмешомъ съ большимъ, или меньшимъ жаромъ. Воображеніе производипъ почши пѣже самыя слѣдспвія, какъ и дѣйспвительное ощущение; а часпо дѣйспвія его бывають не сполько сильнѣ, но и продолжипельнѣ. Дѣйспвительныя ощущения спспавають челоѡка въ пріятное, или непріятное соспояніе, и возбуждають въ немъ желаніе оспашься въ оному, или освободипься опть онаго. И воображеніе дѣлаепъ поже. Попому-шо мы не ошошно пробу-

ждаемъ опшь пріятнаго сна, не желая лишиться ощущенія, коимъ мы въ немъ наслаждались.

Все это сушь опышы, копорые должно памяшовашь не полько для того, что они по важности своей заслуживають замѣтанія; но и для того, что на нихъ основывающся *правила*, копорыя непременно наблюдать должно, еспли хошьшь воображеніе свое довести до *нравственнаго совершенства*.

Когда желаешь *силу воображенія* сдѣлать *нравственнымъ совершенствомъ*: шо ты долженъ спарашься привесть ее и дѣйствія ея въ шѣсную и дружеспвенную связь съ сущеспвеннымъ назначеніемъ *нашуры* нашей и съ послѣднею великою цѣлію всѣхъ ея силъ. И пакъ она должна состояшь въ правильномъ соотношеніи съ ними; но впрочемъ хоша связь ея съ оными, копорая до безконечности разнообразна, можетъ согласовашься съ великими намѣреніями Творца нашего и по многимъ причинамъ пособшвовашь къ размноженію безчисленныхъ и прекрасныхъ перемѣнъ въ характерѣ честномъ и добродѣпельномъ: однакожь она никакъ не должна превѣшивашь другихъ силъ души

нашей до такой степени, чтобы онъ чрезъ нее приведены были или въ совершенное бездѣйствіе, или въ затрудненіе содѣйствовать также къ истинному совершенству бытія нашего. И потому правила, наблюденіе коихъ можешь фантасію нашу сдѣлать нравственною силою, должны имѣть двойкую цѣль: 1) исправить ея погрѣшности, 2) умножить и усилить добрыя ея свойства.

Желающій исправить погрѣшности своего воображенія, долженъ предпринять постоянно и строго изслѣдовать: пылко ли только, или спремительно и необузданно въ своихъ дѣйствіяхъ его воображеніе? Выпрено ли? лучше ли и перемѣнчиво? Долго ли спремится за однимъ предметомъ, или такъ неперпѣливо, что не можешь оставаться при одномъ, хотябы и нужда въ томъ была? Не обманчиво ли оно, и не ошибочно ли въ своихъ идеяхъ? Увеличиваетъ ли, или уменьшаетъ предметы: или начерпанные имъ образа точно сходны съ натурою вещи?— Не возможно сдѣлать воображеніе своею нравственною силою, естли не будетъ въ насъ ни склонности, ни швердости предложитъ себѣ сіи вопросы, а еще

менѣ охоты и смѣлости, ошвѣчашь на оныя безприсраспно.

Естьли воображеніе въ дѣйствіяхъ своихъ слишкомъ живо: шо надлежитъ воздерживашь оное ошъ всего того, что можешъ умножилъ его живость и привесилъ въ возпаленіе; и для обузданія спремшельности его, должно спарашься привесилъ другія силы души въ сильнѣйшее и продолжилъ сильнѣйшее движеніе. *Разсуджайте болѣе разумомъ, нежели воображеніемъ,* и — что всего важнѣе — не забывайше, что вы назначены болѣе къ дѣятельной, нежели къ цмозрительной жизни: шо вы рѣже будете занимашься пріятными, или непріятными грезами. Силы души, шакъ какъ и нервы въ шѣлѣ, естьли ихъ не пробужашь, могушъ вовсе заснушъ.

Большое несчастіе имѣшъ бѣглое и блудящее воображеніе; оно дѣлаешъ челоуѣка легкомысленнымъ и во всѣхъ предпріятіяхъ въшреннымъ. Таковый можешъ легко опважилъ на что нибудъ великое и похвальное, можешъ чиспосердечно рѣшилъ исполнитъ оное, можешъ счастливо начашъ и ничего не исполнитъ; ибо непоспоянное его воображеніе будешъ перебегашъ ошъ одного предмета дѣшельности его къ другому.

Поелику воображенію свойспвенно все перемѣняшь и показываешь въ новыхъ и необыкновенныхъ видахъ, изобрѣнаешь возможности и даваешь имъ видъ дѣйствительности, чрезъ что спрашивается и сильнѣе спремается за мечтами своими: то спарашься должно сдѣлаешь въ себѣ разумъ господствующую силу души, дабы отвергать всѣ замыслы фантазіи, которые имъ одобрены не будутъ. Разумъ не удовлетворяется пустымъ блескомъ, но все разсматриваетъ; и подъ его правленіемъ воображеніе можешь особенно обращено бышь на великое, чудесное, пріятное и изящное. Разумъ, спавъ правителемъ нашего воображенія, не допуспитъ насъ гоняшься за ложнымъ величіемъ и дѣйствовать въ намѣреніяхъ и предпріятіяхъ нашихъ романически; онъ поможетъ намъ открыть самыя сокровенныя нелѣпости и заградитъ слухъ нашъ отъ пѣсней обольстительныхъ Сиренъ.

Чтобы облегчить ему господство въ насъ, нужно вспоминаешь всегда о своемъ назначеніи, о разныхъ цѣляхъ бытія нашего, особливо о *порядкѣ*, какъ поступаешь, чтобы всѣ внутреннія и наружныя перемѣны въ насъ и въ нашихъ общоя-

пелъспвахъ привеспъ въ правильное и почное согласіе съ нашими должностями. Съ помощію сего познанія легко можно будепъ умѣряпъ дѣйсвія нашей фаншази, разпознавашъ ея замыслы, видѣпъ, согласны ли они, или несогласны со всеми нашими обязанностями, способствуяпъ ли, или мѣшаюпъ исполненію ихъ. И для того надлежитъ напоминапъ себѣ о томъ, чего пребуяпъ отъ насъ общеспвенныя и частныя наши обязанности; къ чему обязанъ въ мірѣ *человѣкъ, гражданинъ, патриотъ, особливо Христіанинъ* и *бвзсмертный духъ*, въ разныхъ состояніяхъ жизни.

Испинное блаженство челоѣческое на земли состоитъ болѣе въ тихомъ и спокойномъ удовольствіи сердца о томъ, что оно съ намѣреніемъ не соврашилось съ пущи должностей своихъ, нежели въ чувспвенныхъ и буйныхъ радостяхъ. А пошому, дабы воображеніе не слишкомъ ими занималось и не придавало бы пороку болѣе прелестей, нежели сколько въ оправѣ его ихъ есть, должно обуздывашъ свою чувспвенность. Должно всегда предспаляпъ себѣ въ наилучшихъ краскахъ счастье добродѣтельнаго, и пакъ наспроитъ

своей разумъ, чѣобы идея о семъ счастьи опчасу спановилась живѣе.

Изъ сихъ общихъ предписаній, мой другъ, слѣдують многія частныя правила. Кѣмо постоянно рѣшился доставить душѣ своей по истинное достоинство и совершенство, къ каковымъ она способна, особливо съ помощію религіи: пошь легко обрѣпешъ сіи правила. Другіе же и самыми яснѣйшими и легчайшими предписаніями не воспользуются; ибо они ищутъ пошь своей славы и пошь радости въ жизни, и всегда возстаютъ прошь всякаго нравственнаго ученія.

Все, чѣмо я сказала вамъ, любезный другъ, сказано къ тому, чѣобы приблизить васъ къ цѣли вашей и предварительно спознакомить съ важнѣйшими истинами.

Добродѣтель, необходимая для васъ, есть кропость и смиреніе. Свѣтскіе ученые не знаютъ сей добродѣтели: опшуда гордость ихъ, которая удаляетъ ихъ опъ Премудрости. Возчувствуйте, любезный другъ, достоинство и величіе сихъ добродѣтелей; ибо онѣ-по приводятъ человека ко дверямъ Святыища. Обращите ко мнѣ ваше вниманіе.

Гордосць у превосходнѣйшихъ дарованій Генія и у благороднѣйшихъ качествъ сердца похищаетъ истинное ихъ величіе. Гордецъ хошя и можешь громкими дѣлами и дѣйствительными заслугами вынудить изъ насъ себѣ почтеніе, удивленіе, а иногда и рабскую преданность, еспли къ шому порода, санъ и богатство дѣлають его спрашнымъ: но никогда не дождется онъ шого сладкаго удовольствія, которое доспавляютъ почипаніе и любовь искреннія, добровольныя. Онъ, такъ сказашь, сунъ цвѣты, разпускающіеся полько подъ благошворною и прохладною тѣнью истинной крошпи и смиренія, но увядающіе и опадающіе ошь непомѣрнаго зноя гордоспи. Дѣйствительныя преимущества гордеца, можешь бышь, въ состояніи защитить его ошь нашего презрѣнія: но никогда не защитяшь ошь ненависти къ нему чловѣческаго сердца; ибо чье сердце не имѣеть и въ самомъ себѣ тайной склонности къ горделивости, которая хошя обуздывается добродѣтелию, но вовсе испребилъся не можешь? Въ комъ же она не возбудилъся, когда несправедливосць другаго гордеца оскорбляетъ ее? — Но она уступчива

предъ тѣмъ, въ комъ крошость и смиреніе умѣряюшъ великій блескъ его преимуществъ, развѣ одна подлая и гнусная зависть будетъ обладать нашимъ сердцемъ. Мы добровольно бываемъ справедливы, когда не принуждаюшъ насъ бытъ справедливыми.

Для удостовѣренія въ сей истинѣ нужно имѣть только правильныя понятія о сихъ любезныхъ добродѣтеляхъ, о которыхъ знаемъ мы болѣе по чувству, не вовсе изъясному опъ обмана, нежели по ясному понятію, свободному опъ всѣхъ обманчивыхъ ослѣпленій. — Гордость слишкомъ будетъ дерзновенна, естли опважнтся всегда и вездѣ являться въ собственномъ своемъ видѣ; она чѣмъ понѣе, тѣмъ чаще и болѣе станеть уподобляться *кротости*. Естъ смиреніе, которымъ часно гордость закрывается опъ всеобщаго замѣчанія; это умышленное, мнимое равнодушіе къ почестямъ: но естъ такиѣ зоркіе глаза, которые на нѣкоторое только время тѣмъ ослѣпляются, но потомъ вдругъ открываютъ лицебра. Сие самое спараніе гордости, облечься въ одежду крошости, доказываетъ, сколь сія любезна и привлекательна, а она ненавистна и отвратительна.

Но весьма трудно гордому казаться кроткимъ; искуснѣйшій лицемеръ не выдержитъ долго сего прищворснва. Гордецъ или вовсе не почитаетъ смиренія за добродѣтель, и пошому не захочетъ и поддѣлываться къ оному: или имѣетъ совсѣмъ ложное о немъ понятіе; и пошому, заходя казаться смиреннымъ, спанетъ показывать, или будшо не вѣдаетъ своихъ преимуществъ, или будшо не уважаетъ ихъ и вовсе объ нихъ не думаетъ. Но можно чувствоватъ и знать свое преимущество надъ другими, и нѣтъ нужды скрывать сіе вѣдѣніе; даже часшо нужно бываетъ показывать оное, ибо въ нѣкоторыхъ случаяхъ и обстоятельстввахъ пребуошъ сего самыя наши обязанности: при всемъ шомъ можно бытъ крошку и смиренну.

Крошость состоитъ опчаспи въ безпристрастномъ судѣ о качествѣ и мѣрѣ своихъ преимуществъ и заслугъ, опчаспи въ правильномъ учрежденіи поступковъ своихъ по сему суду. Но какъ есть разные роды преимуществъ, шо крошкій человекъ не ошибается въ правильномъ различеніи оныхъ и каждому изъ нихъ опдаешъ шо достоинство, кошрое въ са-

момъ дѣлѣ оно имѣешь. И какъ всѣ преимущественна бываютъ разныхъ степеней, то онъ не смотритъ на нихъ въ увеличительное стекло самолюбія; а знаетъ, или старается узнать, степень преимущественна своихъ и другихъ, безприсрашно свѣсиваемъ ихъ со своими, и какъ при строгомъ безприсрашии всегда легче познавать себя, нежели другихъ: то онъ чаще склоняетъ вѣсы въ пользу другаго, нежели въ свою.

Всякое превосходство, какое только человекъ имѣетъ можетъ, есть или природный даръ, или слѣдствіе внѣшнихъ случаевъ и обстоятельствъ, шемперамена, счастливаго воспитанія и наставленія, или наконецъ собственнаго старанія о добродѣтели. Миръ называетъ преимущественнами также и породу, знатность, чины и богатство; крошкѣй человекъ не будучи въ состояніи перемѣнить общаго мнѣнія, оставляетъ имъ сіе названіе, но собственно самъ почитаетъ ихъ только средствами къ пріобрѣтенію истинныхъ преимущественна, потому что они доставляютъ добрымъ склонностямъ удобство превратиться въ дѣла. Таковыми преимущественнами никогда не вздумаетъ онъ

гордишься; ибо зависишь ли отъ воли чело-
вѣческой родишься богачу, или знаш-
ну? И я не знаю, отъ чего людямъ знаш-
ной породы шрудно преодошь сию суеш-
ность.

Дары Генія и слѣдствія хорошаго
темпераменша, или счастливаго воспита-
нія, болѣе принадлежатъ челоѡку; они
родятся, шакъ сказашъ, на собственной
его землѣ. Проницательность ума, бы-
спроша, изобрѣшательность, глубокомы-
сле, оспроша, сильное и живое вообра-
женіе, добрый нравъ, ловкость или при-
шность въ обращеніи, обширныя свѣдѣ-
нія и добрыя качества воли, копорыхъ
дѣйствительнo имѣшь не лзя не воз-
пользовавшись воспитаніемъ и наспавле-
ніемъ— сии преимущества можно ли срав-
нишь съ шѣми, кои основаны на внѣш-
нихъ полько случайныхъ обстоятель-
ствахъ? А слѣдовательно при разсмо-
трѣннiи собственного достоинства не для
чего и поминашь о сихъ послѣднихъ пре-
имуществахъ. Можно бышь *Волтеромъ*,
не осуждая для того и не презирая бла-
гочестиваго *Павла Герарда*. Кропкій че-
ловѣкъ увѣренъ, что шощъ, кшо можешъ
хвалишься шакими преимуществами, сча-

спливѣе и способнѣе, но не лучше того, кому они не даны. Счастливецъ сей имѣеть болѣе обязанностей къ исполненію: но исполняетъ ли онъ ихъ? Вотъ вопросъ, копорый рѣшить должно. Еслили чловѣкъ, имѣющій сіи преимущества, не вырабащаетъ себѣ изъ сихъ матеріаловъ преимущественныхъ и добродѣтелей: то я буду ему удивляться, буду предпочиташъ его другому, но буду предпочиташъ его какъ дерево, копорое по насурѣ своей способно приносить лучшіе плоды; вкусъ оныхъ, можетъ быть, восхититъ меня, но при всемъ томъ я скажу: садовникъ не приложилъ здѣсь своего искусства.

Такъ и при оцѣнкѣ собственнаго достоинства съ достоинствомъ другихъ: чѣмъ труднѣе точное разпознаіе оныхъ, тѣмъ рачительнѣе кропкій чловѣкъ будетъ ограждать слухъ свой отъ всякихъ внушеній гордости. Особливожъ весьма рѣдко и всегда съ большею осмотрительностію спанетъ онъ осуждаешъ другаго, и скорѣе побоится слишкомъ унизить его предъ собою, нежели опважиться мысли о немъ не любовно, не доброхошно. Ибо сколь трудно знаешъ прямую причину

чужихъ намѣреній? Сколь они свободны, сколь согласны съ совѣстію, сколь чисты? Кропкій посшупишь въ семь случаѣ пакъ, какъ благоразумный человекъ въ спорѣ о предсѣдательствѣ, ештли вопросъ еще не рѣшенъ. Пусть первое мѣсто и ему принадлежишь: но онъ лучше усшупишь оное, нежели заведешъ о шомъ процессъ, кошорый, можель бышь, шѣмъ скорѣ онъ проиграешъ, чѣмъ болѣе горячишься спанешъ.

Смирение ешь дщерь самопознанія и живаго чувства зависимости нашей опъ Бога, не шолько въ бышіи и существѣ нашемъ, но и во всѣхъ нашихъ силахъ, способностяхъ и дѣйствіяхъ. Оно приводинъ человека къ первому безконечному Источнику всѣхъ даровъ и преимуществъ, удостовѣряя его, что они суть шолько заемное имѣніе, кошорое не можешъ онъ почешъ своею собственностію, и на кошоромъ не можешъ онъ основывашъ своего преимущества надъ другими; ибо оно ешь собственность Бога, безконечнаго его благодѣтеля. Смирение, добродѣтель неизвѣстная язычникамъ, кошорой никто хорошо не знаешъ и не исполняешъ, кромѣ истиннаго Богопочишателя, не шоль-

ко не уничтожаетъ въ насъ свѣдѣнія о дѣйствительныхъ нашихъ преимуществахъ, но еще пѣмъ болѣе увеличивается, чѣмъ яснѣе и извѣстнѣе свѣдѣніе сіе становится. Смиранный далеко отъ того, чтобы низко и подло одѣлахъ своихъ думать: но не можешь ими гордиться, потому что вѣдаешь не только источникъ своихъ преимуществъ и собственную природную къ добру неспособность, но и цѣль, для которой дары и способности его отъ Бога ему вѣрены. Можно ли ему пѣмъ величаться, когда онъ, при самомъ ревностнѣйшемъ спремленіи къ сей цѣли, увѣренъ въ невозможности своей достигнуть оной? Когда же онъ не гордится нравственными преимуществами — каковая гордость, еслили не совсѣмъ позволительна, по крайней мѣрѣ просвѣдательна язычнику: — то можешь ли онъ гордиться другими, ничего незначащими и прямо ему не принадлежащими, преимуществами? —

Въ дополненіе къ симъ истинамъ, которыхъ въпрочемъ не новы и не суть вымыслы фанатизма, но вѣчныя истины, въ вѣчной связи съ нашею вещью сошпояція — долженъ я вамъ сообщить высо-

кія поглядія мудрыхъ въ древности • об-
рядахъ Богопочианія. Это для васъ не-
обходимо. Не ожидайте услышать отъ
меня собщвенныхъ моихъ, или отъ дру-
гихъ собранныхъ, мыслей: но самыя исти-
ны, внутри натуры кроющіяся. На сей
разъ довольно. Чпобы не обременить и
не упомить духа вашего, спрямяцагося
къ Истинѣ, опложимъ сіе до завпра. Зав-
пра, когда пишина ночи призоветъ насъ
къ священнымъ размышленіямъ, мы по-
свящимъ часы ея сему предмету, заслу-
живающему все ваше вниманіе.

НОЧЬ ШЕСТАЯ.

Есшлы мы разсмотримъ собспвенно бышіе и дѣйствія наши: то увидимъ, любезный другъ, что мы существа весьма ограниченныя, и только постепенно можемъ возходить къ нашему совершенству. Сія-то ограниченность причиною, что для разума нашего есть таинства, или мистеріи. Разумъ и силы человѣческія развиваются постепенно; что человекъ узнаеть, того прежде онъ не зналъ, и слѣдовательно съ каждымъ новымъ познаніемъ узнаеть онъ таинство.

Взгляните на обыкновенныя науки, физику, механику и проч. и скажите: не имѣють ли онѣ таинствъ для того, кто не физикъ, не механикъ?

Все въ Нашурѣ развивается постепенно: равно и силы духа и совершенствованіе души. Истина и Премудрость всегда были сокровенны, и сія сокровенность служить имъ защипою отъ недостойныхъ.

Нѣтъ такого таинства въ Нашурѣ, которое бы вовсе было неизьяснимо; все

закрыто опть насъ для того, чшобы возбудить волю нашу къ спремленію за Испиною, и чшобы извесить насъ изъ того соспоянія, въ которое мы низпали.

Религія имѣла всегда одну цѣль— возстановить нарушенный союзъ между Богомъ, человѣкомъ и вселенною, научить человѣка силамъ и свойствамъ Натуры, и подать ему чувственное изображеніе его назначенія и связи съ цѣлью другихъ существъ.

Чрезвычайное и особливо достопримѣчательное преимущество имѣетъ наша религія предъ всѣми другими; ибо установленное ею публичное богослуженіе соспоятъ или въ поученіи, или въ возбужденіи воли и направленіи силъ къ благоразумному учрежденію своихъ поступковъ.

Представленіе сихъ истинъ, молитва, прославленіе Творца и возпомяніе величественныхъ должностей натуры человѣческой— вопть что соспавляетъ Христіанское богослуженіе. Одно сіе замѣчаніе достаточнo къ тому, чшобы не допустить насъ почитать учрежденіе его за одну человѣческую выдумку. Какъ мало думаютъ люди о нравственныхъ исти-

нахъ! Какъ неохотно занимаются они ими по свободной волѣ! И сколь уничижительны, для разума и любви къ добру, богослуженія, вымышленныя челоуѣками! О большой части праздниковъ ихъ нельзя помыслишь безъ сшуда и опвращенія. Напротивъ того какая религія представляешь лучшее ученіе къ показанію гнусности, мерзости и вредности порока и красоты, достоинства и полезности добродѣтели, какъ не Христіанская? Челоуѣкъ, не вовсе безчувственный къ добру, хотя бы и не былъ еще увѣренъ въ истинѣ Христіанства, долженъ, для гражданской и политической полько пользы, всячески способствовать благошворнымъ вліаніямъ Богопочипанія и Богослуженія. Почему я никакъ не могу скрышь досады моей противъ шѣхъ, копорые хотя и говорятъ, что почипающъ и уважающъ религію, но въ разсужденіи усшановленнаго ею Богослуженія крайне нерадивы, и, подъ ничтожными предлогами, вовсе осшавляющъ оное, оправдывая себя въ помъ или равнодушіемъ и холодноспію къ оному шѣхъ, копорымъ они вѣряшъ; или воображеніемъ, что слушащъ повипореніе шѣхъ же истинъ, копорыя имъ давно уже из-

вѣспны, для нихъ бесполезно, и что они могутъ употребить время на лучшее;— или предлагаемыми соблазнами отъ самихъ учителей и нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ, и людей, въ публичномъ Богослуженіи употребляемыхъ;— или собственнымъ дознаніемъ, что публичное Богослуженіе никакой примѣтной пользы въ сердцахъ ихъ не производитъ.

Надлежитъ признайся, что многіе обольщаютъ себя въ семъ случаѣ гордымъ воображеніемъ, что они могутъ обойтись и безъ публичнаго наставленія: но опытъ, подтверждаемый безпрестанно новыми примѣрами, доказываетъ, что польза выгодно и приспраспно о себѣ мыслящіе весьма еще далеки отъ той мудрости, которую они себѣ приписываютъ. Ославляя въ покоѣ ихъ высокоуміе, и не говоря о томъ, что они обязаны подавать собою примѣръ тѣмъ ближнимъ, которые не могутъ еще, какъ они, похвалиться, чтобы для нихъ публичное Богослуженіе было не нужно, я хочу только припомнить имъ:” что каждое преднамѣренное, обдуманное и нешумочное возпоминаніе полученныхъ полезныхъ свѣдѣній, въ нравственныхъ испинахъ, должно не-

„премѣнно имѣшь дѣйствіе на сердце.“

Конечно, наилучшее и превосходнѣйшее ученіе будетъ излишнее и бесполезное богатство, естли оному недоспаеетъ дѣйствительности и жизни, естли оно зарыто въ памяти, и, за другими сильнѣйшими представленіями, не оказываетъ силы своей, и попомо какъ бы вовсе чуждо и неизвѣстно разуму: но можетъ ли оно сдѣлаться живымъ и дѣйствующимъ, естли будетъ всегда отсутствующимъ отъ духа, естли онъ не будетъ чисто и охотно размышлять объ ономъ и разсуживать оное съ разныхъ споронъ, естли множество другихъ идей не подавляетъ и не заглушаетъ въ немъ онаго, естли онъ не даетъ оному дѣйствовать на всѣ свои способности, на всѣ силы?— Чѣмъ чаще таковое ученіе представляетъ размышленію, и чѣмъ разнообразнѣе случай, при коихъ сіе размышленіе случается, тѣмъ живѣе и сильнѣе спавивается власъ онаго надъ сердцемъ; тѣмъ скорѣе воспоминается оно при обстоятельствахъ, гдѣ нужно дѣйствіе онаго для истиннаго нашего блага. И шакъ, естлибъ и подлинно при публичномъ Богослуженіи мы не имѣли никогда случая полу-

*

чипь новыхъ свѣдѣній, или увидѣшь познанное съ новыхъ споронъ, и шѣмъ умножишь наше познаніе — чшо утверждашь было бы дерзко и свойспвенно шолько гордоспи и невѣжесшву: — шо одно напомианіе о ползныхъ испинахъ было бы доспапочнымъ побужденіемъ и обязанноспію къ присущсшвованію при публичномъ Богослуженіи со всѣмъ должнымъ уваженіемъ, а особливо при шоржесшвенныхъ случаяхъ и многолюдныхъ собраніяхъ народа, не говоря уже о шомъ, чшо и для самыхъ шѣхъ, копорые признають одну шолько напуральную религію, непремѣнный еспь долгъ показывашь и наружными дѣйсшвіями шо почитаніе, коковыми они Высочайшему Сущесшву обязаны, и сохраняшь, разпросшраняшь и размножашь величесшвенныя чувспвованія, къ коковымъ человекскій духъ способень. Какое можно сдѣлашь поняшье о любви человека къ истинѣ и добродѣтели, еспь ли онъ не изьявляешь уваженія къ Религіи, оказываемаго имъ, можетъ бышь, какой нибудь шепсральной піесъ, копорую онъ — при всемъ шомъ, чшо она и не шакъ-шо еще хороша, и предспавляешь безъ всякихъ перемѣнъ и шѣмиже акше-

рами — въ соспоянїи смотрѣшь и слушаешь нѣсколько разъ? —

Упоупребленіе времени на лучшее, нежели публичное Богослуженіе, есть оправданіе дерзкое и недосматочное. Въ чемъ же лучше препровести хопяшь определенное для Богослуженія время? Безъ сомнѣнїя въ подобныхъ упражненїяхъ и въ опсправленїи внушрреняго Богопоклоненія, или въ исполненїи дѣлъ человеклюбія, не шерпящихъ оплагашельсва и имѣющихъ самое счастливое дѣйствіе на общее благо: но весьма мало найдется шаковыхъ, копорые бы оспавляли публичное Богослуженіе для сихъ величественныхъ подвиговъ и вышнихъ обязанностей человека. При шомъ же одна обязанность не должна мѣшашъ другой. Вышнее Богослуженіе, еспыли мы при ономъ будемъ не разсѣяны, способспвуешь и ко внушрреннему, и для дѣйспвишельнаго просвѣщенія разума и исправленія сердца обыкновенно оно болѣе еще дѣйспвуетъ, нежели шайное Богослуженіе; ибо не всякъ имѣетъ способность и силу духа занимашъся пракшическимъ размышленіемъ о нравспвенныхъ испинахъ съ прославленіемъ Высочайшаго Сущесшва, Опца и Творца сво-

его, безъ наружнаго къ шому возбужденія и подкрѣпленія.

Но положимъ, что сіе лучшее и полезнѣйшее употребленіе времени возможно: однако пошъ, кпо шѣмъ оправдываетъ удаленіе свое ошъ публичнаго Богослуженія, долженъ уже всѣ дни и часы свои посвящать прославленію Бога и разпространенію общаго блага, и каждую минушу жизни запечатлѣвать добрыми дѣлами. — Коль же величественна и сверхъестественна должна бытъ его добродѣтель! Но желательна, чтобы удаляющіеся ошъ Богослуженія не погубляли времени сего по небреженію на дѣла совсѣмъ другаго рода, на нѣгу и покой, или на гнусныя распушства.

Я не хочу отрицать, что не всѣ и не всегда служители церкви проповѣдуютъ возвращаемыя ими испины достойнымъ образомъ; что часно велерѣчивые проповѣдники выходятъ на кафедру болѣе для показанія своей учености и краснорѣчія, нежели для наученія народа; что не всѣ оправляютъ званіе свое по прямому ихъ долгу; и что весьма желательна, чтобы служители церкви, призванные къ насщавленію ближнихъ своихъ въ величе-

спвенныхъ и непреложныхъ испинахъ, не забывали никогда о важности сана своего, объ ошвѣшѣ, копорый опъ нихъ возпребуется, и о пользѣ, копорую они доставить могутъ: но для чегожъ и религіи, шакъ какъ полишникъ, не имѣшь своихъ Демосѣеновъ и Цицероново? Впрочемъ, какъ Природа не всѣхъ равно надѣляетъ дарами: по проповѣдникъ, и безъ особенныхъ способностей, можешь бышь удобень къ проповѣдованію, ежели любишь и знаешь свое дѣло. Сердце можеть сдѣлать самымъ убѣдительнѣйшимъ орапоромъ, и Ошкровеніе естъ неизчерпаемый источникъ краснорѣчія.

Но положимъ, чшобы и всѣ учителя не исполняли своихъ обязанностей; чшо имѣющіе разборчивый вкусъ слушатели справедливо недовольны ими; чшо они сами лучше умѣютъ объяснить себѣ проповѣдуемое имъ ученіе: все сіе не оправдываетъ однакожъ удаленія ихъ опъ публичнаго Богослуженія, по крайней мѣрѣ до шѣхъ поръ, пока они сами не спанутъ проповѣдовать истину лучшимъ, имъ извѣстнымъ, образомъ; а безъ помощи проповѣдниковъ большая часть дюдей не получили бы наспавленія въ вѣрѣ. Вообще

сказати: въ Богослуженіи надлежитъ болѣе искасти истинны, нежели краснорѣчія и пріятности изъясненія; да и что мѣшаетъ изъ множествъ учителей избрати себѣ такого, который бы болѣе согласовался съ образомъ мыслей и вкусомъ нашимъ?

Обрядами Богослуженія, не основывающимися на непосредственномъ Божескомъ повелѣніи, никто не долженъ соблазняться, если не можеть доказать яснаго противорѣчія ихъ съ предполагаемою имъ цѣлію; ибо въ дѣйствіяхъ нашихъ многое ославлено на произволь челоуку. И такъ, ежели знаменованіе и намѣреніе обрядовъ не совсѣмъ несвойственно Богослуженію; то мы окажемъ непрощительную гордость и несдержимое своеправіе, если будемъ удаляться отъ публичнаго Богослуженія только для того, что оно учреждено не по нашему вкусу и пониманію. Если слѣдовать сему усповованію во всякихъ случаяхъ, то какой выдесть безпорядокъ и замѣшательство и въ самомъ обыкновенномъ дѣлѣ?

Правда, что при ошправленіи публичнаго Богослуженія многіе и присутствующіе не наблюдають должнаго уваженія.

вниманія и пишины: но все сіе не изви-
няешь удаляющихся опъ онаго подъ шѣмъ
видомъ, чшобъ не учаспвовашъ въ семъ
безпорядкѣ. Въ чужихъ безпорядкахъ уча-
спвовашъ нико не можешь, еспшли не
будешь одобряшъ ихъ, или подражашъ
имъ; явный же показанный примѣръ луч-
шаго благочестія можешь научишъ и дру-
гихъ исполняшъ приличнѣйшимъ образомъ
сію существенную должность Хрисціанъ:
а уклоненіе опъ оной не лзя еще почесъ
за знакъ негодованія на безпорядокъ; ибо
внушренность сердца не лзя видѣшъ, и
можешь шакже показашся оно холодно-
стью и нерадѣніемъ о сей должности.

Нѣкопорые въ оправданіе свое ска-
жутъ еще, можешь бышъ, чшо, находясь
при публичномъ Богослуженіи, они не ис-
пышали никакихъ благошворныхъ опъ
шого дѣйствій; и по сему опыту, для
шакоего особеннаго своего сосшоянія, за
лучшее почли упошребляемое на Богослу-
женіе время посвяшишъ на другія упра-
жненія и дѣла. Но сіи люди либо имѣють
неправильное понятіе о дѣйствіяхъ Бого-
служенія — и въ шакомъ случаѣ надлежитъ
имъ перемѣнишъ свои мысли — либо вина
нечувствшительности ихъ къ благошвор-

нымъ вліянiямъ онаго находипся въ собственномъ ихъ сердцѣ, — и въ такомъ случаѣ нужно имъ исправить оное.

Часто смѣшивають чувствєнныя движенія при Богослуженiи съ благими и полезными дѣйствiями онаго, и не ощущая первыхъ, думають, что оно и не подѣйствовало на ихъ сердце. Но чувствєнныя движенія не суть еще знакъ сихъ дѣйствiй; часто оныя и безъ нихъ бытъ могутъ. Многіе оны одного только жалосшнаго напѣва бывають пронуты до слезъ: но сіи слезы рѣдко плодъ приносятъ, не говоря уже о томъ, что есть и такое мягкосердечіе, которое съ самыми великими пороками совмѣстно. Чтобы увѣрипся, имѣло ли на насъ дѣйствіе поученіе и другія занятія при публичномъ Богослуженiи, должно разсмотрѣть разумъ свой и сердце, и испытывають ежедневно свое поведеніе. Доброе сѣмя всходитъ мало по малу и расцвѣтъ непримѣннымъ образомъ и безъ шуму, пока созрѣетъ къ жатвѣ. Вопросы: — сдѣлался ли я просвѣщеннѣе, умнѣе, рѣшишельнѣе къ исполненію должностей, склоннѣе къ добру, способнѣе ко преодолѣнію стращей, поспояннѣе въ добродѣтели? — рѣшишь не

шрудно, естли только мы будемъ доволь-
но къ себѣ строги и безприсраспны.
Чиспосердечное Богопочипаніе должно
насъ сдѣлашь таковыми. Правда, немно-
гіе конечно дѣлаюся таковыми и изъ
шѣхъ, кои не пропускають ни одного дня
церковной службы: но вина недѣйствія
сего находися либо въ нихъ самихъ, ли-
бо они приходяшь безъ всякаго приугопо-
вленія; а каждое дѣйствіе, дабы бышь
успѣшнымъ, требуетъ размышленія и
приугоповленія; либо ходяшь въ церковь
по одной привычкѣ безъ всякаго намѣре-
нія, ничего не примѣчая и шеряясь мы-
слями въ разсѣяности. Какъ они не у-
спремляють ума на возвѣщаемыя имъ
испины, копорыя могли бы обратишь
ихъ къ Богомыслию и укрѣпишь въ добро-
дѣтели, шо и не испышываюшь благо-
шворныхъ дѣйствій Богослуженія. Но они
дѣйствительно возчувшвовали бы оныя,
естли бы слѣдовали сему насшоятель-
ному шребованію Св. Писанія: *Сохрани
ногу твою, егда аще идеши въ долиъ Божій,
и близъ буди, еже слущати.*

Теперь сообщиль я вамъ, любезный
другъ, разныя поняшія о важнѣйшихъ
испинахъ. Вы узнаете цѣну ихъ, естли

пойдете пушемъ, мною вамъ показаннымъ. Повѣрьте, любезный другъ, что есть такая истина, свящилище коей никогда попрысено не было, и копорая навсегда пребудеть, пока мiръ спошь будеть. Но немногіе истину сію знаютъ, пошому что не могутъ соединять умное съ чувспвеннымъ: что необходимо для узрѣнія истины въ полномъ ея свѣтѣ.

Чувспвенное и умспвенное, другъ мой, суть двѣ линіи человѣческаго познанія. Если бы человекъ былъ примѣчашеленъ, то бы онъ чрезъ всѣ физическія истины велся къ умспвеннымъ; и въ ономъ классѣ познанія находяпся итѣже сходспвенности, какъ и въ физически-чувспвенномъ. Все имѣеть связь одно съ другимъ; каждое дѣйспвіе физическое, въ большемъ и маломъ, связываееться съ умспвенными истинами по существу, времени и цѣли.

И пошому познаніе человѣческой натуры есть главная наука. Кто ее вѣрно и основашельно знаетъ, тотъ знаетъ законы всего умнаго и чувспвеннаго, и для него нѣтъ ничего неизьяснимаго: но, любезный другъ, надобно умѣть различать поврежденную натуру отъ первобышной и неповрежденной. Человекъ, можетъ

бышь, имѣешь еще часпичку первобытныхъ силъ своихъ для упошребленія, которая и доспапочно къ познаванію истины, но подавляешься чувспвенноспію. Не видимъ ли мы, любезный другъ, что чѣмъ чище спановаясь понаяпія человека, тѣмъ они проспѣе, тѣмъ ближе подхоящъ къ истинѣ? Все чувспвенное, все сложное удаляешь отъ оной: все простое развиваешь и приближаешь къ ней.

Не видяте ли вы, любезный другъ, что человекъ имѣешь въ себѣ начало познания, или способность совокуплять въ себѣ истины: только одинъ болѣе, другой менѣе? Всѣ человекъ способны къ истинѣ; но каждый въ своей мѣрѣ, по мѣрѣ спремленія души ко свѣту истины и силамъ Божеспвеннымъ.

Чувспвенныя истины, любезный другъ, никогда не должно смѣшиваать съ умспвенными, и приписываать однимъ то, что другимъ принадлежилъ; изъ сего смѣшенія произошли всѣ заблужденія. Почему многіе, видя разность нравовъ, вѣрять и успановленій, заключили изъ того, что нѣтъ прямой истины, а все условное; ибо они мѣряли умное машпабомъ чувспвенности. Человекъ опдѣлили чувспвен-

ное опъ умнаго, и потому системы ихъ спали ложны. Чрезъ отдѣльное ученіе о умномъ получавшяся только мертвое познаніе духовности; одна наука, объемлющая все умное и чувственное вмѣстѣ и показывающая почную ихъ связь между собою, ведетъ къ истинѣ. Изъ ложнаго ученія о чувственномъ, отдѣленномъ опъ умнаго, произошли всѣ чувственныя системы. Сіе ученіе породило матеріализмъ и атеизмъ. Такимъ образомъ мнимые философы, худо зная вышнія силы человѣческой натуры, впали въ ужасныя заблужденія, породившія разныхъ чудовищъ суевѣрія. Опсюда чародѣйства, амулеты, шалисманы, гаданія по аспектамъ, и проч.

Равномѣрно большую погрѣшность учинили великіе естество-испытатели, удалясь опъ прямой истины Натуры и назначенія человѣческаго, и занявшись одними внѣшними дѣйствіями и явленіями шѣль, не подумавъ о томъ, что чувственныя вещи при такихъ органахъ только кажутся намъ таковыми; а съ перемѣною органовъ нашихъ, должны и онѣ казаться инаковы. Одинъ только есть путь находить въ чувственномъ и физи-

„милосердымъ правленіемъ Его, ни въ блаженствѣ, ни въ покоѣ участвовати не можешь.” И такъ мы находимся здѣсь для трудовъ, для подвиговъ, для воспитанія и приуготовленія. — Вотъ великія истины, общія опкровенію и естествоственному Богопознанію, копорыя первое въ особенномъ и опличительномъ ученіи своемъ называешь собственнымъ словомъ *таинства вѣры*, и придавая имъ Божественное достоинство, возносишь ихъ на высочайшую степень достоверности. Онѣ, кромѣ непосредственныхъ свидѣтельствъ о Божества, имѣють разныя основанія къ достоверности, между копорыми сходственность и сообразность ихъ съ теченіемъ натуры есть наиважнѣйшее. Вотъ начертаніе первой части аналогіи.

Чтожь до продолженія разумной нашей натуры по смерти касается: по хоща настоящее состояніе міра и не доказываетъ того, *переживемъ* ли мы разрушеніе органическаго нашего шѣла: однако то, что мы узнаемъ изъ теченія Натуры, или Провидѣнія, довольно удостовѣряетъ насъ, что продолженіе нашего бышія по смерти съ чувствительностію и дѣятельностію не только *возможно*, но

еще гораздо *достовернее*, нежели прошивное шому. Ибо изъ переменъ, производящихъ со всѣми живыми тварями въ разныхъ соспояніяхъ бышя ихъ, справедливо заключить мы можемъ, что всеобщій законъ нашурь пошъ:” чпобъ онѣ въ одномъ періодѣ ихъ бышя были въ шаковыхъ шепеняхъ жизни, чувшвованія, самопознанія и дѣяшельности, а въ другомъ періодѣ ихъ бышя въ другихъ. Разность въ соспояніяхъ ихъ жизни при рожденіи, возрастаніи и совершенномъ возрастѣ — превращеніе червя въ бабочку, сопряженное съ возвышеніемъ силы его, дающей ему возможность перелезашъ съ мѣста на мѣсто, и — переменъ, производящая съ насѣкомыми и пшшцами, разбивающими первую свою оболочку, скорлупу, выходящими въ новый міръ и обрѣшающими приличный имъ кругъ дѣйшвованія — все сіе не есть ли доказательствомъ сего всеобщаго закона Нашурь? Жизнь наша до рожденія не разнишя ли съ жизнью въ младенчествѣ, а сія съ жизнью зрѣлыхъ лѣшъ, шолько, сколько два соспоянія и шепени жизни могутъ шолько между собою разнишвовашъ? — Для чего же и смерти не бышъ

такою же переменною, чрезъ которую мы перейдемъ въ новое позорище жизни? Намъ извѣстно, что мы имѣемъ способности дѣйствовать и быть счастливыми, или несчастными; извѣстно, что здѣсь сіи способности осязаются при насъ и въ разныхъ случающихся съ нами переменнахъ: то *вбродно*, что и въ будущихъ переменнахъ онѣ также осязаны, по крайней мѣрѣ сіе *вброднымъ* пребудетъ до шѣхъ поръ, пока не сыщется *вбродно* основанія къ пропивному заключенію.

Изъ соспожня самой смерти мы ничего о семъ заключить не можемъ; о смерти мы теперь ничего не знаемъ, кромѣ того, что она есть раздѣленіе плоти, кожи и костей. Но кто можетъ утвердить, что дѣйствіе жизненныхъ силъ зависитъ только отъ соединенія сихъ частей? Кто знаетъ, какому точно существованію обязаны мы бытіемъ сихъ жизненныхъ силъ, существующихъ даже и тогда, когда ихъ дѣйствіе не оказывается, какъ-то на примѣръ въ обморокѣ? Когда же мы вовсе не знаемъ подлиннаго соспожня смерти: то изъ вышеприведенныхъ доводовъ *вбродно* заключить, что мы и по смерти осяземся дѣйствительными су-

щесствами, нежели чшобы мы съ смерпію
 вовсе жишь переспали. Правда, смерпіъ
 разрушаетъ *чувственныя* доказательства
 жизни: но не доказываетъ, чшобы бышіе
 наше вовсе уничтожалось.

Въ аналогіи Нашуры не находимъ мы
 ничего пропивъ *вброднаго* продолженія
 нашей жизни и по смерпи. Ибо дѣяшель-
 ное существо, называемое нами *Я*, не естъ
 органическое шѣло наше; и лишасть мно-
 гихъ частей онаго, мы не можемъ еще
 думать, чшобы наше *Я* вовсе чрезъ шо
 исчезало. Естли же оно естъ нѣчто *про-*
стое и недѣлимое, поелику вѣдѣніе наше
 о самихъ себѣ естъ *просто и недѣливо*:
 шо разрушеніе шѣла не можешь доказы-
 вать, чшобы съ разрушеніемъ онаго и сіе
 простое существо, истинный источникъ
 дѣяшельности и жизни, уничтожалось.

Мы примѣчаемъ въ себѣ двоякія си-
 лы: *чувственныя* и *цѣльныя*, силы *цѣла*,
памяти и *склонности*. Перваго рода силы
 употребляютъ шѣло орудіемъ къ чувст-
 вованію, по причинѣ органовъ, коими оно
 снабдѣно: но не смотря на сіе употре-
 бленіе шѣла, мы не находимъ въ нашурѣ
 ничего шакого, чшобы заспаляло насъ
 думать, что безъ сего шѣла, безъ *сихѣ*

*

орудій онѣ существовать не могутъ. —
 Черезъ увеличивательныя стекла мы ви-
 димъ еще лучше, нежели просвыми гла-
 зами: но сила зрѣнія не въ стеклѣ нахо-
 дится; а можетъ быть также и не
 въ глазахъ. Глаза суть каналы, провож-
 дающіе представленія вѣншихъ предме-
 товъ въ душу: изъ сего же не слѣдуетъ
 еще, чтобы они были *единственнымъ* сред-
 ствомъ къ сей цѣли. Тоже можно заклю-
 чить и о прочихъ чувствахъ. Во снѣ ко-
 гда чувства покоятся, не представляющ-
 ся ли намъ чувственные предметы и безъ
 помощи сихъ орудій, столь же сильно,
 какъ бы и чрезъ нихъ; и не видно ли изъ
 сего, что въ насъ кроется чудная сила
 представлять себѣ предметы и въ от-
 сутствіи ихъ?

Еще болѣе не зависятъ отъ шѣла си-
 лы нашего ума, памяти и склонности:
 чему научаетъ насъ одно *наблюденіе Натц-
 ры*. Хотя чувства шѣла и служатъ къ пре-
 провожденію до нихъ нужныхъ предста-
 вленій для понятія, такъ какъ подмосп-
 ки и другія орудія нужны для спроектія:
 но когда мы разъ сіи понятія уже полу-
 чили, то душа наша и въ настоящей жи-
 зни можетъ употреблять сіи силы и чув-

спововашъ удовольствіе, или неудовольствіе, безъ помощи чувствъ. Опытъ также представляешъ намъ многіе примѣры, что самыя смертельныя болѣзни пѣла не дѣйствовали на силы ума и склонности; а сіе дѣлаешъ вѣрояшнымъ, что и при совершенномъ разрушеніи онаго онѣ не могутъ уничтожить силъ оныхъ, хотя и препящивуюшъ намъ примѣчашъ дальнѣйшія ихъ дѣйствія. Кому не случалось видать людей, копорые въ смертельныхъ болѣзняхъ, при послѣднемъ издыханіи, имѣли сильное воображеніе, швердую память, были въ полномъ разумѣ, и оказывали чрезвычайную силу склонности и ощущенія вышняго духовнаго удовольствія, или скорби? Почему же думаешь, что при смерти болѣзнь разрушитъ сіи силы, копорыхъ она при возрастаніи ея не разрушала? Смертельная болѣзнь есть *смерть въ своемъ началѣ*: почему же думаешь, что бы и въ *концѣ* ея она не была такова же, какъ въ самомъ началѣ? Пусть пресѣчетъ она дѣйствіе оныхъ силъ, но между оставленнымъ дѣйствіемъ и совершеннымъ уничтоженіемъ находится безмѣрная разность. Смерть въ нѣкопоромъ отношеніи, можно уподобить рожденію,

которое не только не опшнмаетъ у насъ
 силу, но еще умножаетъ ихъ и вводитъ
 насъ въ проспраннѣйшее бышне. Сне срав-
 ненне даетъ намъ болѣе причины вѣрнть,
 что по смерпн нашей сфера познаннй на-
 шнхъ и способностей еще увеличнтся.
 Сколь же упѣшнтельно видѣть, что Ре-
 лнглн не мало не прошнворѣчатъ Нашурѣ!

Такъ, любезный другъ, Релнглн не
 прошнворѣчатъ Нашурѣ. Я довольно на-
 сказала вамъ шакого, которое можетъ
 возроднть въ сердцѣ вашемъ свяшее бла-
 тоговѣнне къ оной, и увѣрнть васъ, что
 еслн важныя причины покарнть намъ
 ограниченнй нашъ разумъ пѣмъ шаин-
 ствамъ, кои отъ слабаго нашего ока, не
 проннцающаго во внушренность Свяшнлн-
 ща, закрыты.

Но не вѣрьте, любезный другъ, что-
 бы искреннему искашелю входъ въ сне
 Свяшнлнце вовсе былъ непрнспупень.
 Ищнй обрѣшаетъ, и полкущему опшвер-
 зается. Въ слѣдующую ночь поговорнмъ
 о семъ болѣе.

НОЧЬ СЕДЬМАЯ.

Нынѣшнее сосполянiе челоувѣковъ, горорипъ Гердеръ, вѣрояшно, еспъ среднее кольцо, соединяющее два мiра. Испина сiя, любезный другъ, шакъ важна, что она доводишь челоувѣка къ высочайшимъ шаинствамъ. Все въ Нашурѣ соединено между собою; одно сосполянiе приутопояляешъ къ другому. И шакъ еспыли челоувѣкъ, яко верхнее и послѣднее кольцо, замыкаешъ цѣль земныхъ организацiй: шо онъ же начинаешъ цѣль шварей вышшаго рода, какъ нижнее кольцо оной; и шакимъ образомъ онъ еспъ среднее кольцо между двумя, одна въ другую входящими, системами шворенiя.

На земли, продолжаешъ Гердеръ, онъ не можешъ переходить ни въ какую другую организацiю, либо долженъ будешъ возвращашься вспяшь и кружипся въ кругу; спояшь же на одномъ мѣстѣ онъ не можешъ, ибо въ царствѣ дѣяшельности никакая живая сила не покоипся. Почему должна предспояшь ему степень спольже къ нему близкая и споль надъ нимъ

возвышенная, какъ нынѣ съ благороднѣйшими своими преимуществами онъ близокъ и далекъ отъ скопа.

Сіе одно положеніе, любезный другъ, основанное на всѣхъ законахъ Нашуры, даешь намъ ключъ къ чудеснымъ ея явленіямъ, и слѣдовательно единственную философію исторіи рода человѣческаго. Спиритное проповѣданіе, въ коей чловѣкъ являешся, изъ сего объяснися. Яко скопъ, служишь онъ землѣ и привязанъ къ ней, какъ къ своему жилищу: а яко чловѣкъ, имѣешь въ себѣ сѣмя безсмертія, шребующее другой нивы. Яко скопъ, можешь онъ удовольствовашъ здѣсь всѣ свои нужды, и довольствующіеся одними чувственными наслажденіями живутъ здѣсь довольно спокойно. Но естли захочетъ онъ состоянія благороднѣйшаго, то вездѣ увидишь несовершенство и недоспашокъ; благороднѣйшаго никогда не бывало на земли, числѣннѣе рѣдко на ней являлось и продолжалось; для силъ нашего духа и сердца міръ сей естъ только мѣсто шруда и искусства, или испытанія.— Исторія рода человѣческаго, со всѣми опытами, учасіями, предпріятіями и перемѣнами, довольно сіе подшверждаетъ.

По мѣспамъ являлись мудрые и добрые, копорые всыпали иногда мысли свои, совѣшы и дѣянiя въ пропокъ времени; иногда спруились опъ иного спруи во времени: но бысприна увлекала ихъ за собою и слѣдъ ихъ вовсе изгладала, и памлшники благородныхъ ихъ намѣренiй погружались на дно. Невѣжды взяли верьхъ надъ совѣшами мудрыхъ, и разпушныя возобладали надъ сокровищами духа, наслѣдемъ бережливыхъ предковъ. Такъ мало здѣшняя жизнь чловѣка печепся о вѣчности! Такъ мало вершящаяся всегда земля еспъ хранилищемъ вѣчныхъ издѣлiй, садомъ вѣчныхъ растѣнiй, замкомъ вѣчнаго жилища! Мы приходимъ, и уходимъ; каждое мгновенiе приносимъ съ собою тысячу шаковыхъ же, и оплшь ихъ уносимъ. Земля еспъ геспинница спранниковъ, глушь, въ копорую временемъ ппицы залешаюпъ, но оплшь оплешаюпъ. Скопъ живепъ здѣсь въ мирѣ съ собою. Еспшлибъ онъ и не опжилъ всей своей жизни, шо внуспренняя цѣль его однакожъ доспигнуша; способности его всѣ въ ней, и онъ еспъ шо, чѣмъ быпъ долженъ. Чловѣкъ одинъ живепъ въ прошиворѣчii съ собою и съ землею; ибо онъ здѣсь еспъ совер-

шеннѣйшее твореніе изъ всѣхъ земныхъ организацій и совершеннѣйшее для будущаго соспоянія, хопя бы онъ опходилъ отсюда пресыщенный жизнію. Причина сего очевидно ша: что соспояніе его, для сей земли, ешь послѣднее; а для другаго бышія первое, въ которое онъ перейдетъ, шакъ какъ младенець изъ маперней упробы. Такимъ образомъ онъ представляеть себѣ вдругъ два міра, и сіе-то соспояляеть видимую двоякость сущеспва его.

Всякому извѣспно, какая часпъ господспвуеть здѣсь у большей часпи чловѣковъ. Большая часпъ сущъ скопъ, и къ чловѣчеспву принесли съ собою въ міръ шолько способность, которую шрудомъ и прилѣжаніемъ сперва усовершенспвовашъ должно. Но сколь рѣдки прямо усовершенспвованные! У лучшихъ людей какъ нѣжень и слабъ еше всажденный въ нихъ Божеспвенный роспокъ! Скопъ во всю жизнь хочеть господспвовашъ надъ чловѣкомъ, и большая часпъ чловѣковъ-дають ему господспвовашъ надъ собою. Онъ всегда шянетъ ихъ къ низу, когда духъ и сердце хопяшъ возпарить и вспунишь въ свободнѣйшіи округъ двѣ-

спвованія; и поелику для чувспвенной швари наспоюще всегда чувспвипельнѣ будущаго, и видимое сильнѣ дѣйспвуешъ невидимаго: шо легко поняшь, кошорая изъ двухъ силъ беретъ перевѣсъ. Какъ мало человекъ способенъ къ чиспымъ радоспямъ, къ чиспому познанію, къ чиспой добродѣтели! Но и бывъ способенъ, какъ мало навикаешъ въ нихъ! Прилѣжный и спрудолубивый многому научился; а лѣнивещъ и нерадивый не знаетъ и шого, что въ немъ самомъ еспъ; шѣмъ менѣ вѣдаешъ, что онъ произвешъ въ соспоаніи. Жизнь наша еспъ сраженіе, а цѣлшъ чиспаго безспершнаго человекесшва еспъ приобрѣшаемый побѣдою вѣнокъ. Сспремащійся за цѣлю доспигаешъ наконецъ цѣли, и ссражающійся за добродѣтель увѣнчевается въ смерши.

И шакъ еспшли вышнія швари насъ видяшь: шо онѣ сшопряпъ на насъ какъ на *среднія породы*, посредспвомъ кошорыхъ Напура переходяшь изъ одного царсшва въ другое. Сспраусъ взмахиваетъ крыльями шолько для бѣгу, а не для лешанья; грузное шѣло его шянешъ его къ землѣ. Но и онъ самъ въ себѣ совершенъ, а нашимъ глазамъ шолько кажешся без-

*

образнымъ. Такъ равно и человѣческая наша: безобразіе ея несносно оку земнаго духа; но духъ вышній, прозрѣвающій во внутреннее и видящій многія кольца цѣпи, одно для другаго сдѣланнаго, можешь только жалѣшь, а не презираешь насъ. Онъ видишь, для чего люди въ споль различныхъ соспояніяхъ выходятъ изъ міра, молодые и старые, глупые и мудрые, уроды и сумазброды. Всѣ степени образованія человѣческаго не изыяты изъ руки всемогущей Благоспи, имѣющей въ сокровищницахъ своихъ бальзамъ, могущій залечить всѣ раны. Поелику же будущее соспояніе, вѣроятно, произпекаетъ изъ наспоящаго: по безъ сомнѣнія и будущія упражненія наши шѣснѣ связаны съ нынѣшнимъ нашимъ бышіемъ, нежели какъ мы думаемъ. Горній верпоградъ насажденъ только изъ такихъ расшѣній, копорья здѣсь еще пуспили корни и подъ сею грубою оболочкою еще развернулись. И шакъ ежели и здѣсь ласковость, привѣпливость, дружество соспавляютъ почти главную цѣль человѣчества: по шамъ сіи прекраснѣйшіе цвѣты человѣческой жизни, безъ сомнѣнія, доспигнутъ шой чистоты и доспоянства, копорыхъ сердце

наше при земныхъ союзахъ щещно искало. Братья наши вышнихъ степеней, безъ сомнѣнія, любящъ насъ чище и лучше, нежели мы ихъ; ибо они яснѣе видящъ наше соспояніе, у нихъ нѣтъ временности, всѣ дизгармоніи прекращены, и можешъ бышь, они невидимо воспишывающъ въ насъ шоварищей своего блаженства, сошрудниковъ своей работы. Только шагъ впередъ, и спѣшенный духъ спанешъ дышашъ свободнѣе, уязвленное сердце изцѣлился; они видящъ наспуающій сей шагъ, и всѣми силами пособляющъ спыкающемуся!!!

Поелику же мы соспавляемъ среднюю породу между двухъ классовъ шварей, и нѣкошорымъ образомъ учащники обоихъ: шо я не могу себѣ предспавишь, чшобы будущее соспояніе наше шакъ далеко опспояло опъ настоящего, и шакъ бы было оному не сообщительно, какъ скошъ въ челошкѣ думаешъ. Напрошивъ шого многіе случаи и произшесшвія въ исторіи рода челошческаго, безъ признанія вышнего содѣйшвія, для меня непоняшны. На примѣрь: чшобы челошкъ въ самомъ грубомъ соспояніи, самъ собою, безъ всякаго указанія, нашель пушь къ просвѣ-

щенію, и, безъ вышняго Наспавника, изобрѣль себѣ языкъ и первую науку: сіе для меня неизъяснимо, и шѣмъ неизъяснимѣе, чѣмъ должайшимъ полагаюпть продолженіе грубаго скопскаго соспоянія. Безъ сомнѣнія Божескій промысль пекся о родѣ человѣческомъ съ самага его дѣшсшва, и самымъ легчайшимъ образомъ вель его на пущь его; и чѣмъ болѣе силы человѣческія укрѣплялись, шѣмъ менѣе шребовали они вышней помощи, или шѣмъ менѣе дѣлались къ ней способны, хопя и въ позднѣйшія времена случались на земли величайшія явленія, сопровождавшіяся неизъяснимыми обспояшельспвами. Самыя болѣзни служили часпо орудіями къ шому; ибѣ когда одинъ членъ выходипть изъ связи съ другими, и пошому для обыкновеннаго круга человѣческой жизни дѣлаешся негоднымъ: тогда внушренняя непрешанно дѣйспвующая сила обращаешся въ другія спороны, и можеть бышь получаешть шакія впечатлѣнія, къ коимъ неразспроенная организація была неспособна, и въ коихъ она не имѣла нужды. Какъ бы шо впрочемъ ни было, завѣса, скрывающая міръ будущій опть настоящаго, весьма благошворна; и не безъ при-

чины шакъ все шихо вокругъ гроба мершвеца. Обыкновенный человекъ въ жипейскомъ поприщѣ для того удаляемъ бываешъ опъ нѣкопорыхъ впечатлѣній, что и одно изъ нихъ могло бы попрысаши весь кругъ его поняшій и сдѣлашь его для міра, сего неспособнымъ. Сопворенный къ свободѣ, человекъ не долженъ бышь обезьяною вышнихъ сущесшвъ; но куда приведенъ ни будешъ, вездѣ долженъ дѣйствовашъ самъ. Для собсшвеннаго его усшдокоенія и для пощаженія благородной гордосши, на кошорой ушверждается судьба его, опняшо у него зрѣніе сущесшвъ благороднѣйшихъ; ибо еспыли бы мы узнали ихъ, шо вѣрояшно сами себя возгнушались бы. И попомоу-шо человекъ въ будущее свое сосшояніе долженъ пронищашъ не зрѣніемъ, а вѣрою.

Сполько намъ уже извѣсно, что въ каждой силѣ человекской кроешся безконечность, кошорая здѣсь потому шолько раскрышья не можешъ, что другія силы, чувсшва и склонноши скопскія прищѣсняющъ ее, и для земной его жизни какъ бы связывающъ ее. Одни примѣры памяши, силы воображенія, предсказаній и предвѣщаній, ошкрывающъ чудеса о

шайномъ сокровищѣ, скрывающемся въ чело-
 вѣческихъ душахъ, такъ что и самыя
 чувства изъ сего не исключаются. Что
 сіи сокровища обнаруживались по большей
 части въ болѣзняхъ и чрезъ недоспапки
 въ *противоположнои*, сіе ни мало не
 прошиворѣчишь нашему положенію; ибо
 самая сія распроенность нужна была
 для усиленія его свободы и для оказанія
 его силы.

Выраженіе Лейбница, что *душа есть*
зеркало вселенныя, можетъ быть, содер-
 житъ въ себѣ истину глубже той, какую
 изъ сего понимающъ; ибо кажешся и силы
 вселенныя заключены въ душѣ, и ей по-
 требна только организація, или нѣсколь-
 ко организацій, для развитія ихъ. Но Все-
 благій не откажетъ ей въ сихъ органи-
 заціяхъ. Онъ водитъ ее на помочахъ, какъ
 ребенка, до совершеннаго возраста ея къ
 полному наслаженію достоинствомъ ея, пу-
 шемъ приобретаемыхъ ею силъ и чувствъ.
 Даже и въ нынѣшнихъ ея оковахъ *про-*
странство и время суть для нея слова
 пустыя; они измѣряютъ и опредѣляютъ
 соотношенія шѣла ея, а не внутренней
 ея силы, которая въ воспоргѣ возноситъ
 ся выше пространства и времени. И такъ

не заботься о мѣстѣ и часѣ будущаго твоего бытія; солнце, освѣщающее нынѣ день твой, опредѣляетъ тебѣ жилище твое и земныя твои упражненія, и зашмѣваетъ всѣ небесныя свѣтила: но по закатѣ онаго, священная ночь, въ которой ты нѣкогда сокрытъ былъ и, въ которой нѣкогда паки лежалъ будешь, покроетъ землю твою тѣнями, и разкроетъ для тебя на небѣ свѣпящіяся книги безсмертія. — Тамъ обитали, тамъ міры и пространства! —

Спайрайся оставишь землю безъ неудовольствія, и благослови ея какъ лугъ, на копоромъ ты, какъ дитя безсмертія, бѣгалъ и игралъ, — какъ училище, въ которомъ ты чрезъ спаданія и радости воспитался въ возрастъ мужа. Далѣе ты ей не принадлежишь, ни она тебѣ. Увѣнчанный вѣнцемъ свободы и препоясанный поясомъ небеснымъ, продолжай спранные твое далѣе.

Какъ цвѣпокъ возходитъ изъ царства подземнаго, дабы въ спранѣ солнечной вкушишь первую жизнь: такъ человекъ возносишься отъ земли шуда, гдѣ съ опверстыми очами и разпросперстыми объліціями ожидаешь его: Отецъ небесный.

О сей столь важной маперіи, любезный другъ, мы еще нѣсколько побесѣдуемъ.

И такъ дословѣрно, что соспояніе чловѣка есть послѣднее для сей жизни и первое для будущей. Чловѣкъ заключаетъ въ себѣ два міра, и сіе-то производитъ очевидную бытія его двоякосшь. Скопо-чловѣкъ связанъ съ шѣлеснымъ и чувспеннымъ; а духовной съ духовнымъ и разумнымъ.

Духовное соспояніе, въ совершенствѣ своемъ, гораздо превозходитъ чувспеннаго; ибо оно есть вышняя степень развитія существа чловѣческаго; и мы видимъ, что чѣмъ болѣе открываются духовныя силы внушренняго чловѣка, шѣмъ чудеснѣе спановился бытіе его на земли.

Ошношенія духовнаго чловѣка, безъ сомнѣнія, весьма различны отъ ошношеній чувспеннаго чловѣка. И поелику чловѣчество наше есть только приугошвление, зародышь будущаго цвѣтка; поелику земля наша есть мѣсто предваришельнаго только упражненія и приугошвления: по нѣшъ сомнѣнія, что еще здѣсь на земли есть нѣкошорыя необходимыя дѣйшвія, нужныя къ развитію будущаго

нашего соспоянїя; и сіе-шо соспавляешъ нравспвенность и религію.

Отношенїя нравспвенности сущъ законы будущаго нашего соспоянїя—законы развишїя духа къ будущему дальнѣйшему шеспвію; они сущъ законы уподобленїя Божешву; и сіе-шо ешъ назначенїе человекъ.

Богъ ешъ высочайшее существо, единица, вѣчный и неизсякаемый источникъ всѣхъ мысленныхъ и невещеспвенныхъ началъ, корень всѣхъ безчисленныхъ міровъ, первая и единспвенная причина всѣхъ вещей, центръ, изъ котораго силы и жизнь всѣхъ существъ непреспанно истекающъ, и къ которому онѣ, яко къ конечной своей цѣли, спремашся. Бышїе и дѣйствование Божїе соспоитъ въ произвожденїи подобнаго, къ подобному блаженспву—безконечная любовь, безконечная благоспъ.

Мы видимъ, что въ Нашурѣ все живешъ, и при всемъ шомъ шакъ мало знаемъ, что ешъ жизнь. Ешпши я скажу вамъ, любезный другъ, что жизнь ешъ любовь, и любовь ешъ жизнь: шо вы, можешъ бышъ, меня не поймеш; однакожъ эшо вѣрно, что человекъ не узнаешъ, что

*

есть жизнь, пока не узнаешь, что есть любовь.

Источникъ всякой любви есть Богъ; ибо Онъ есть жизнь, и не могъ бы бытъ жизнью, есльи бы не былъ Онъ любовью. Любовь же соспоишь въ непреспяющей дѣяельности, въ производеніи подобныхъ существъ. Сія карпина конечно еще слаба, и недовольно совершенна, чпобъ подашь вамъ поняшіе о помъ, чшо я хочу вамъ сообщить: но предспавъше себѣ, любезный другъ, Божество источникомъ всякой жизни, центромъ всѣхъ силъ, наслаждающееся въ своемъ всемогуществѣ неизреченнымъ удовольствіемъ производишь другія существа къ подобному блаженству. Сіе-шо дѣйствіе Божіе есть любовь.

Дабы дашь вамъ чувспенное сего изображеніе, я прошу васъ: предспавъше себѣ солнце, котораго благошворная шеплопа, яко источникъ всякой жизни, все здѣсь производишь. При приближеніи онаго все воскресаетъ изъ нѣдръ смерти; живительные лучи его одѣвають луга правою, деревья листьями: оно производишь украшеніе, обрадованіе, веселіе. Какъ солнце, провозвѣспникъ Божества, даруетъ всему

чувственному и плъесному жизнь и силу: шакъ солнце въ духовномъ мѣрѣ, Богъ, приближеніемъ своимъ производить духовную жизнь, духовную красоту. Правда, и сіе еще мало изъясняешь: но придетъ время, любезный другъ, когда созерцаніе духа объяснитъ вамъ шакія вещи, для которыхъ чувственный языкъ словъ не имѣетъ.

Все, что ни есть въ твореніи, есть добро, яко дѣло любви: зло происходитъ шолько чрезъ удаленіе отъ любви; въ семъ удаленіи состоятъ временная и духовная смерть.

Все, что ни есть во вселенной, дѣйствуетъ, любезный другъ, чрезъ дѣйствіе и воздѣйствіе, (акцію и реакцію): сей законъ вѣченъ и непремѣненъ.— Поелику же Богъ есть чистѣйшая любовь, шо Онъ любитъ и вѣчно будетъ любить каждую Свою тварь, и всѣ дѣйствія Его къ нимъ суть любовь: слѣдовательно и воздѣйствіемъ должна быть взаимная любовь.

Поелику же Богъ любитъ всѣхъ своихъ тварей и всѣхъ назначаетъ къ блаженству: шо и законъ воздѣйствія нашего долженъ состоятъ въ любви не шолько къ Богу, но и къ ближнему; ибо иначе не

будемъ мы подобны Богу. Вошь законъ нравственности и главное основаніе Религіи!

Всѣ дѣйствія чистѣйшей любви благи, и все, чему благоспѣ даешь бытіе, естѣ истинно: почему Богъ и называешся Благоспѣ и Истина. И все, что естѣ на небеси и на земли, ушверждается на благоспѣи и истинѣ: почему какъ приближеніе къ любви дѣлаешся испочникомъ благаго и истиннаго, такъ удаленіе ошъ оной естѣ испочникъ злаго и ложнаго.

Свойство любви естѣ *дѣйствовать*. Любовь существуешъ не для одной себя. Чшобы любишь, надо бышь двумъ: шому, кшо любишь, и шому, кого любяшь, кошорыхъ бы любовь соединяла. Сіе соединеніе естѣ цѣль любви. И такъ любовь живешъ въ жизни другаго, спремленіе ея естѣ сдѣлашся другимъ *Я*; и пошому *единство* естѣ великій законъ любви, на коемъ основываешся нравственность и религія.

Люби Бога, люби ближняго: вошь въ чемъ заключающся всѣ Божественные законы — законы любви, жизни, блаженства.

Самолюбіе и любовь къ міру, или чув-

спшенность, прошивны великой цѣли чистѣйшей любви; ибо чрезъ нихъ прешаешь воздѣйствіе, и самолюбіе все къ себѣ припягиваешь, дѣлаешь себя центромъ всего, копорымъ долженъ бышь единъ Богъ, яко всеобщая любовь, безъ коей нѣтъ блаженства.

Любовь къ Богу и ближнему ешь цѣль, соединяющая шварь со Творцемъ и шварей съ шварями; самолюбіе же и любовь къ міру, или чувспвенности разрываешь сей союзъ: опшюда поврежденіе и бѣдспвіе человѣческое.

Благое и испинное ешь слѣдспвіе правильной любви; злое и ложное ешь слѣдспвіе самолюбія и любви къ міру. Не всѣ ли пороки, заражающіе человѣчество, производяшъ опъ самолюбія? И поползновенія наши къ пороку опшюда, какъ не опъ любви къ міру и чувспвенности? Не видимъ ли мы, что чѣмъ человѣкъ благороднѣе, возвышеннѣе мыслишь, шѣмъ болѣе удаленъ онъ опъ самолюбія и любви къ міру, и шѣмъ болѣе любишь онъ человѣковъ?

Всѣ общеспвенныя добродѣтели на семь великомъ законѣ основаны. Самый ашеисшь чувспвуешь великую въ немъ ну-

жду; подумаетъ основать должностни любви къ ближнему на самолюбіи человеческомъ, не разсуждая того, что самолюбіе есть причина зла.

Все въ Нашурѣ одна цѣпь; самый апетисъ признаетъ сіе: для чего же отдѣлять опъ сея цѣпи Существо, все сошворшее и все ублажающее?

Нѣтъ, ослѣпленные смершныи! кричишь *Мирабо*: другъ Нашуры не есть врагъ вашъ, полковашель ея есть рабъ неправды; разрушилель мечшны не есть разрушилель испинъ, для блага вашего необходимыхъ; ученикъ разума не есть безумецъ, оправляющій ядомъ, напоющій вреднымъ сумазбродшвомъ.

На сіе можно также сказать: нѣтъ, ослѣпленные! другъ Божешва и религии не есть врагъ вашъ; полковашель ихъ не есть рабъ неправды; разрушилель мечшны не есть разрушилель испинъ, для блага вашего необходимыхъ; ученикъ Божешва и религии не есть безумецъ, оправляющій ядомъ и напоющій вреднымъ сумазбродшвомъ.

Мирабо. — Другъ Нашуры, изшоргая молнію изъ рукъ спрашныхъ боговъ, грозящихъ вамъ, хочеть прогнашь бурю,

препятствующую вамъ обрѣсть путь къ счастью вашему, безъ обманчиваго ихъ освѣщенія молнією.

Отвѣтъ.— Другъ Божества и религіи не знаешь никакихъ грозныхъ боговъ; онъ знаетъ Божество только подъ именемъ Любви; не вооружаетъ руки его молніями, усмрашающими челоуѣковъ; но только показываешь имъ, что удаленіе отъ Источника любви есть переходъ къ смерти, что свѣтъ Божества необходимо нуженъ для освѣщенія насъ въ тьмѣ нашей; ибо удаленіе отъ свѣта покрываетъ всѣ тьмы тьмою.

Мирабо.— Другъ Нашуры, сокрушая сихъ идоловъ, коимъ страхъ приносишь жертвы, а фанатизмъ и неисповѣданіе самихъ челоуѣковъ, хочешь на мѣсто ихъ возставитъ успокоивающую истину.

Отвѣтъ.— Другъ Божества и Религіи гнушается идолами, проповѣдуемому имъ Божеству приносишь еиміамъ не изъ страха, и не фанатизмъ и неисповѣданіе жертвующихъ Богу Христіанъ; Богъ ихъ есть Богъ любви, и проповѣдники Его хотятъ научить челоуѣковъ любви Его.

Мирабо.— Другъ Нашуры, разрушая храмы и алтари, къ коимъ вы приходите

съ рабскимъ еиміагомъ, а опходише со слезами, хочешъ воздвигнушь постоянное жилище спокойствію, разуму и добродѣтели, въ убѣжище вамъ опъ неисповства вашего, опъ спраспей вашихъ и опъ силы упѣснителей вашихъ.

Отвѣтъ. — Спокойствіе, разумъ и добродѣтель находяшяся шокмо у Бога; и шокмо исполняющій священныя обязанности, соединяющія шварь со Творцемъ, наслаждается спокойствіемъ, яко наградою добродѣтели. Богъ любви пребуешъ не рабскаго еиміама; Онъ пребуешъ чловѣческаго сердца; души сущъ храмъ и жершвенники, Ему угодныя; не слезы рабскія, но слезы любви, проливаемыя сыномъ предъ опцемъ своимъ, пріяшны Божесшву. Такъ учипъ Св. Писаніе, шакъ учипъ Христосъ.

Мрабо. — Другъ Натуры, разрушающій права суевріемъ обоготворенныхъ шيرانовъ, сокрушающихъ васъ жезломъ желзнымъ, хочешъ ушвердишь права вашей натуры, изъ жалкихъ рабовъ сдѣлашь васъ свободными, дашь вамъ въ правители чловѣковъ и гражданъ, которые бы любили и защищали подобныхъ имъ чловѣковъ и гражданъ, опъ коихъ получили

свою власть. Еспьли онъ прибѣгаетъ къ обману; то только для того, чтобы возвратишь права истинѣ, похищенныя у нея заблужденіемъ. Разрушая же основаніе невѣрной, или фанатической морали, ослѣпавшей до нынѣ разумъ вашъ безъ исправленія сердца, онъ хочетъ утвердить нравственность на неколебимомъ основаніи собственной вашей напурь. И такъ внимайте гласу его, который гораздо важнѣе двусмысленныхъ оракуловъ вымышленнаго Божества, всегда себѣ прекословящаго. **Внимайте Напурь**, которая никогда себѣ не противорѣчитъ.

Отвѣтъ. Уничтожается ли чрезъ то святость религіи, что безумцы ее во зло употребляютъ? Теряется ли опъ того истина, что есть и лжецы?— О! какъ ложно и нелѣпо было бы сіе заключеніе! Ученіе Христово не есть ли ученіе любви и кротости? Что же оно не всегда исполняется: то почему достойно ли оно поруганія, истребленія? Не паче ли всякой благомыслящій долженъ спараться, чтобы оно сохранялось и исполнялось? Кто лучше утвердитъ права Напурь, какъ не Творецъ Напурь? Кто сдѣлалъ насъ рабами: всеобщій ли **Отецъ** любви, или

чувствѣнность? Не Онъ ли, по милосердію Своему, разпоргъ цѣпи, приковывавшія насъ ко грѣху и гибели? Не Онъ ли содѣлалъ насъ паки свободными, давъ чрезъ религію всѣ средства къ освобожденію нашему опъ рабства грѣху?

Кпо лучшихъ производипъ гражданъ, кпо вѣрнѣйшихъ исполнителей законовъ, еспьли не религія? Гдѣ въ Хриспіанскомъ ученіи обманъ? Какая мораль величеспвеннѣе и доспойнѣе челоѡка? Какъ можешъ челоѡкъ возврапипъ права испинѣ, еспьли оспавляешъ Того, Кпо еспъ сама Испина? Гдѣ фанатизмъ въ ученіи Хриспіанскомъ? Не заклочаетъ ли оно въ себѣ любви, кропкаго щаженія и подавленія спраспей и самолюбія?—И пакъ рѣшипешъ, челоѡки! внимапъ сему чпсному гласу, кошорый гораздо поняпнѣе пропиданій чувствѣнности, полагающей основаніе испины въ мершвомъ вещеспвѣ.—Внимапше гласу Творца Натуры, Кошорый не можешъ себѣ противорѣчипъ; Натура еспъ Его шварь; и шварь ли предпочипашъ Творцу?

Мирабо.—„О вы! спремѣщпесе еже„ минушно къ счаспію, по врожденному „ опъ меня въ васъ побужденію, говорипъ

„Нашура: не удаляйтесь отъ всемогущихъ
 „моихъ законовъ. Спарайтесь доспичь
 „счастія. Средство къ тому написано
 „мною въ сердцахъ вашихъ. Тщешно суе-
 „вѣрь ищешь удовольствія за предѣлами
 „земли сея, на которую я его поставила;
 „тщешно спрашиваетъ онаго у неумоли-
 „мыхъ привидѣній, хощащихъ силу вооб-
 „раженія его поставили на вѣчномъ мо-
 „емъ престолѣ; тщешно ожидаетъ онъ
 „сега въ селеніяхъ небесныхъ, которыхъ
 „безуміе просило ему; тщешно пре-
 „даетъ онъ себя своимъ равнымъ Богамъ,
 „коихъ восхищается благоговѣтельно-
 „сно, когда они сыплютъ несчастія,
 „ужасы, вопли и мечшы въ жизнь его.
 „Сбрось съ себя, суевѣрь, иго религіи,
 „сей гордой содѣлательницы моей, и поспѣ-
 „ши познаешь права мои. Опредѣлись отъ
 „Боговъ своихъ, присвоившихъ себѣ
 „власть мою, и возвратись подъ мои за-
 „коны. Только въ моемъ царствѣ обрѣ-
 „тается истинная свобода. Тиранизмъ и
 „рабство навсегда изъ него изгнаны. Бла-
 „говоленіе бдитъ надъ безопасностію под-
 „данныхъ моихъ, и охраняетъ имъ пра-
 „ва ихъ. Благоговѣтельно и любезно
 „соединяютъ ихъ; истина освѣщаетъ ихъ,

„и никакой обманъ не помрачаетъ ихъ
„густыми облаками.

Отвѣтъ. — Гдѣ долженъ человѣкъ иска-
пать покоя и блаженства, какъ не въ Бо-
гѣ? Не ежедневно ли испытываемъ мы,
сколь недоспапочно къ пому земля, и
сколь мало даетъ она истиннаго блажен-
ства? Можно ли по назвашъ мечпою си-
лы вообразительной, что возвѣщаетъ
намъ аналогия Намуры? Не все ли нахо-
дящееся здѣсь на земли ведетъ насъ къ по-
знанію Творца; и не каждое ли чисное дѣ-
ланіе въ довольствіи сердца нашего выра-
жаетъ намъ истину бытія его? Несчаст-
ный! какъ смѣешь ты до такой степени
унижать человѣчество и обременять оное
тягчайшими узами, нежели сама чувст-
венность? Только въ царствѣ Божіемъ,
въ царствѣ Истинѣ царствуетъ истин-
ная свобода: ширанство же и рабство
вринадлежатъ къ чувственности и міру.
Не чувствуешь ли ты ежедневно тяже-
сти оковъ ихъ; не придавляютъ ли они
тебя опчасу болѣе къ землѣ, когда духъ
швой, сошворенный къ безсмертію, хо-
четъ возпарить въ высоту? Несчастный!
куда завело тебя заблужденіе швое! Ты
не знаешь степени, на колорой стоишь,

ни своего будущаго назначенія. Ешьяли шы шолько скопъ, по слѣдуй законамъ скопа; ешьяли же нѣчто болѣ скопа, по познай законы швои, и ищи ихъ въ существѣ Бога, положившаго шебъ закономъ, *чтобы ты былъ Ему подобенъ.*

Изо всего сего вы видите, любезный другъ, въ какомъ заблужденіи находяшся воспаяющіе пропивъ религіи! Думая нападать на Религію, они опровергають шолько злоупотребленія Религіи. Всегда пребудешъ истиною, что Христіанство содержишь въ себѣ многія вещи непоспимой силы и чрезвычайной важности, которыхъ описашъ не лзя. Пока онѣ оставались, яко свяшыня, извѣсны шолько истиннымъ блюспителемъ святаго ученія, до шѣхъ поръ Христіанство было въ своемъ совершенствѣ, и было въ покоѣ: но съ шѣхъ поръ, какъ власпи земныя просперли руку во Свяпилице и захошѣли видѣшь неприготованными очами, и какъ Религія смѣшалась съ свѣшскою полишикою, произошли расколы и невѣрїе.

Въ первыхъ временахъ найдете вы у

Христіанъ превосходнѣйшее нравоученіе, которое часпо люди самага низкаго происхождения, безъ всякаго воспианія, и даже женщины, спрого наблюдали. Въ сіи времена найдете вы людей, которые, въ испинномъ смиреніи, ни во что вмѣняли славу и чеспи мірскія, и въ добровольномъ уединеніи скрывались ошъ блеска фортунуы, опрекались ошъ великихъ имущесшвъ, и, дабы удѣляшъ брашьямъ своимъ, довольспвовались самымъ нужнымъ содержаніемъ. Тогда примѣромъ учили переноситъ обиды, плашитъ врагу за ненависпть любовію, и приобрѣшашъ пакія силы духа, съ которыми человекъ скорѣ рѣшались на жесточайшія мученія, нежели соглашались пресшупить законъ Господень.

Но какъ скоро люди вознерадѣли о семъ свяшомъ ученіи: шо явились полишическіе священники, которые, удаляясь болѣе и болѣе ошъ первоначальной чистопшы, всему Христіанспву спали давашъ видъ полишическій, и все облекли полишикою. Тогда возспали Софисшы, поргующіе плевелами, покрывшіе смерпю и спьмою шо, что прежде было свѣшъ и жизнь.

Христiанство попрясено было въ самыхъ первыхъ основанiяхъ, и заблужденiе воздвигло на мѣсѣ Святилища вершепъ гордоспи и невѣжесшву. Такимъ образомъ иѣкопорые опсшупили къ Деизму, другiе къ Машерiализму, не разсуждая шого, что Святилище религiи непоколебимо, и что вкравшiяся злоупотребленiя не принадлежали къ сущесшву Религiи. Религiя, любезный другъ, ошанешся всегда священною, хошя бы ошъ перваго священника до послѣдняго никшо не слѣдовалъ ея ученiю. Физика преспанешъ ли бышъ физикою, хошя бы и никшо не мыслилъ о Нашурѣ? Ишпина всегда ошанешся въ Нашурѣ, хошя бы всѣ сдѣлались лжецами.

Изь всего выше приведеннаго вы видите, любезный другъ, Религiю въ связи съ цѣлымъ; видите, что все имѣетъ свои законы, а пошому и духъ нашъ имѣетъ свои законы вышняго рода; и вышняя будущая наша шепень имѣетъ связь съ развишiями нынѣшняго нашего сосшоянiя. На семь основывается нравоученiе, или *мораль*. Первѣйшiй законъ назначенiя человѣческаго ешъ приближенiе къ Божесшву; и какъ зло не находишся сущесшвенно въ Нашурѣ, а производишъ только

чрезъ удаленіе оупь добра, чрезъ удаленіе челоуька оупь Бога, ишчюника добра: по сіе приводитъ насъ къ заключенію, что челоуькъ, безъ сомнѣнія, находился прежде на вышшей степени, съ которой онъ низпалъ самовольно.

Сіе паденіе соспоило въ шомъ, что онъ, ошавя вышнее духовное свое назначеніе, погрязъ въ чувспенность.

Мы видимъ, что жребіемъ челоуька на землѣ супь бѣднотъ и несчасія; слезы ожидають насъ при рожденіи, шоска провождаетъ насъ во гробъ: вопшь жребій чувспенности! И шакъ сіе смершное шѣло, любезный другъ, ешъ единшвенно вмѣстилище и причина всѣхъ нашихъ шпрананій. Мы должны совлечься сего шокрова; онъ ешъ наказаніе наше.

Такъ глубоко мы погрязли, любезный другъ! Но у насъ не вовсе еще опняша надежда на возшаніе. Подобно шпраннику, шеспвующему чрезъ горы, должны мы возходить непрешанно выше, пока дошпигнемъ цѣли, шеряющейся въ облакахъ. Пошеранный свѣпъ обрѣсшь паки — вопшь предметъ великой работы челоуька, возрешанія его, возрожденія его, ишкупленія!

Но теперь довольно мы поговорили;
слѣдующая машерія весьма важна, и мы
посвящимъ ей будущую ночь.

НОЧЬ ОСЬМАЯ.

Для челоѣка, чшущаго Религію, ни-
что не можеть бышь желательнѣе, какъ
чтобы мнѣніе его было истинно. Исти-
ны Религіи, любезный другъ, имѣющъ
происхожденіе свое отъ Бога, копорый
вчера и прежде вѣкъ, нынѣ и во всѣ вѣки
быль, естъ и будеть шотъ же и единъ
Богъ, вѣчно непремѣнный: слѣдовашельно
и истины должны бышь непремѣныяжъ.
Божешвенное ученіе не попому истинно,
что за истинное принимаешся, или что
многія спольшія оному вѣрять: заблуж-
деніе никогда не будеть божешвеннымъ,
хотя бы цѣлые вѣки за шаковое оное
признавали. Естли служители Вѣры и
дѣлались иногда невѣрными своему зва-
нію; естли насиліе, или коварство, и
препятствововали иногда благошворнымъ
вліяніямъ Религіи: по внушренности оной
никогда однакожъ отъ шого не перемѣ-
нялась; солнце оспашся всегда солнцемъ,
хотя шучи и скрывающъ его отъ глазъ
нашихъ.

Человѣческій родъ, любезный другъ,

никогда не имѣлъ недоспашка въ случаяхъ къ обрѣпенію пуши къ Богу, единспвенному испочнику свѣта, испины и блаженспва. Прочшите безприспраспно Испорію Церковную; вы увидите подпвержденіе сей испины; увидите, что сверхъ полпы невѣрующихъ, многіе энгузіаспы соспавляли изъ разныхъ заблужденій нелѣпыя сиспемы, удаляющія ошъ испины. Такъ Эссеи, Терапевпы и Социніане, со многими другими, не вовсе изъясны были ошъ заблужденій, копорыя я покажу вамъ, дабы вы узрѣли достоинспво Религіи во всей ея чиспощѣ.

Намѣреніе Божіе при сопвореніи челоуѣка было, любезный другъ, шо, чтобы челоуѣкъ со всѣми попомками покорялся волѣ Его, и ожидалъ блаженспва своего ошъ руки Его: но Адамъ захопѣлъ бышь самъ шворцемъ своего блаженспва, и палъ. По паденіи его Богъ ошкрываль по временамъ нѣкопорымъ праведникамъ волю Свою, и наконецъ изъ всѣхъ народовъ ошдѣлилъ одинъ народъ, въ копоромъ Самъ учредилъ Богослуженіе приличнымъ достоинспву Его образомъ. Громъ съ горы Синайской, гуспыя облака, скрывшія гору ошъ народа, гласъ шрубный, огонь,

въ коемъ низходилъ Господь, должны были, кажешся, оставишь въ Израильянахъ глубокое впечатлѣніе возвѣщенныхъ имъ испинъ; но едва громы умолкли, гора переснала дымишься, Богъ сокрылъ ошь народа необычайные знаки Своего присушствія, едва Моисей на нѣсколько дней оплучился: по возвѣщенная Религія прешерпѣла шакую превращенность, какой едва ли можно было ожидать и тогда, когдабъ она была человѣческое шолько изобрѣшеніе. Спрасши народа пошребовали иной Религіи, и усшращенный Ааронъ сошворилъ другихъ боговъ для предводительшвованія Израильянахъ въ пуши.

Моисей сошелъ съ горы Синайской, и увидя сію перемѣну, возопилъ къ Богу. Богъ, по моливѣ посланника Своего и по милосши Своей къ роду человѣческому, возшановилъ Религію въ прежнемъ ея дошпоинствѣ: но штысячи возмущеній прошивъ сего вождя Божія и прошивъ самаго Бога были провозвѣспитками новыхъ перемѣнъ, безпрешанно разрывавшихъ союзъ сей. Хотя законы начерпаны были на каменныхъ доскахъ, въ знакъ шого, что Господь желалъ швердаго соблюденія оныхъ въ умахъ и сердцахъ человѣчес-

жихъ: но коль часто долженспововалъ Богъ посылать особенныхъ мужей къ народу Своему, дабы опвращипь его опъ идолопоклонсва и показашъ ему испины Свои паки въ Божеспвенномъ свѣпъ! Изъ самыхъ Иудеевъ Богъ опдѣлилъ еще особенное колѣно, кошорое долженспововало блюспи Религію: но самые священники и первосвященники часпо были споль невѣрны, что Господь нерѣдко имѣлъ причины къ шаковымъ жалобамъ, какія произнесены Пророкомъ Іереміею, II. 8—11. — Невѣрность Иудеевъ къ закону была причиною, что Богъ изгналъ ихъ изъ земли, кошорую далъ имъ въ обладаніе; и за оскверненіе оной олшарями боговъ чуждыхъ, сей избранный народъ долженъ былъ прешерпѣшь сполько бѣдъ и несчастій, сколько никакой другой народъ не шерпѣлъ. Земли ихъ были опусшошаемы, сами они продаваны въ неволю и изъ одной спраны переселяемы въ другую. Побѣжденные обыкновенно смѣшивались съ побѣдипшелями, въ спранѣ нѣвна своего обрѣшали они новое опечештво, и слившись наконецъ въ одно съ шѣмъ народомъ, между коимъ жили, дѣлались опяшь подъ чужимъ именемъ великими и сильными: но Иудеи, и въ про-

должишельномъ плѣну своемъ, оспавались всегда особеннымъ народомъ; почему бѣдспвія ихъ были еще несноснѣе, нежели другихъ побѣжденныхъ народовъ, ибо они не имѣли надежды раздѣлиться когда либо счастье своихъ побѣдителей. И сему не должно удивляться; ибо какъ невѣрностію закону, данному ошъ самага Бога, они особенно навлекли на себя гнѣвъ Его: шо Премудрость Его претовала и наказанія опличнаго, дабы не шолько народъ Іудейскій, но и весь родъ человѣческой изъ свойспвъ наказанія могъ усмопрѣшь, что симъ опмщается честь Религіи.

Такова была мзда Іудеямъ за невѣрность ихъ къ истинной Религіи. Когда же бѣдспвія ихъ смиряли ихъ предъ Богомъ, и они съ покорностію къ Нему обращались: шо, по предвѣщанію Пророковъ, были они паки возвращаемы въ свою землю, и Религія являлась въ новомъ блескѣ между ними. Тогда, какъ легко прежде оспавляли они истиннаго Бога и мѣняли славу Его на ничтожныхъ идоловъ, шакъ велико дѣлалось въ нихъ опшращеніе ошъ идолопоклонства. Никакое мученіе, никакое спраданіе не было шоль велико для Маккавеевъ, чтообы они не предались ему

охотно, дабы не послужить идоламъ. Но и между ними Религія не вовсе обезопасена была опъ перемѣнъ. Хотя чувствен-
ное идолопоклонство между ними прекра-
тилось: но они думали изъяснить болѣе
честно религію, обожая вымыслы своего
разума и изобрѣшенія буйной мудрости.
Прежде они не внимали внушеніямъ сво-
его разума въ дѣлахъ, касающихся до Ре-
лигіи; но попомъ спали давая ему слиш-
комъ много воли: а разумъ, когда самъ
учреждаетъ себѣ Религію, всегда смѣши-
ваетъ оную съ собственными понятіями
и соглашаетъ со спрасъями сердца. Такъ
Иудеи, ознакомь въ плѣну своемъ съ му-
дростию восточныхъ народовъ, буде мо-
жно называшъ симъ именемъ ихъ буйство,
захотѣли соединить истину съ заблуде-
ніями. Пропивившіеся сему соединенію,
подъ предлогомъ защищенія Религіи, раз-
проспраляли собственныя мнѣнія за Бо-
жескіе глаголы. Предъ пришествіемъ
Христа Спасителя Иудеи раздѣлились на
разныя секшы, на Фарисеевъ, Саддукеевъ,
Эссеевъ, Терапевтовъ, и многія другія,
которыя всѣ имѣли о Религіи особенныя
мнѣнія, и каждая секша утверждала, что
ея ученіе есть гласъ самаго Откровенія,

кoмy всѣ должны вѣрнѣ. Какое различіе Религіи сей опѣ Религіи Моисея и Пророковъ, и какого очищенія она прѣбовала!

Богъ, въ огражденіе Религіи въ Своемъ народѣ опѣ перемѣнъ и примѣненій челоуѣческихъ, опѣдѣлилъ Иудеевъ опѣ прочихъ народовъ самымъ явнымъ образомъ. Внѣшнее Богослуженіе учреждено было такъ, чѣобъ не только умъ и сердце, но и чувства были заняты. Всякая перемѣна была запрещена подѣ строгимъ наказаніемъ. Гражданское спокойствіе и благо связано было съ числѣю Религіею шѣснымъ узломъ. Но всѣ сіи и многія другія установленія не могли зацѣпить ее опѣ перемѣнъ. Разумъ челоуѣческій, получа себѣ свободу, всегда простираетъ оную за предѣлы ея. Онъ хочетъ быть болѣе, нежели свободнымъ; хочетъ быть независимымъ, хотя самое желаніе независимости естѣ вѣрнѣшій путь къ рабству.

Иисусъ Христосъ пришелъ на землю не только, дабы возвратить Религіи первоначальную ея красоту, опѣдѣлить опѣ нея всѣ чуждыя челоуѣческія примѣненія, или, по величественному изреченію одного Пророка, разбитьъ серебро и очистить; но дабы возвысить еще Божест-

данныя истины новыми, споль же Божественными дополненіями. Поелику Имъ исполнялись всѣ жершвы и прообразованія, шо Онъ возхошѣль прекратишь издичнее чувшвенное Богослуженіе и разпространишь Религію по всему лицу земному во всѣхъ народахъ. Въ ученіи, кошорое Онъ самъ проповѣдовалъ и повелѣвалъ Апостоламъ проповѣдовать, кромѣ нѣкоторыхъ немногихъ шамисшвъ, видна вездѣ величайшая ясность и благородная простиота. Самый разумъ, приближаясь къ оному искренно и безъ предразсудковъ, находишь причину бышь довольнымъ. Откровеніе открыло челошвческому разуму дальнѣйшіе виды, показало надежнѣйшій путь къ блаженству и обьяснило многое въ швореніи шакое, что прежде, безъ сего свѣта, было непонятно. Законы нравшвенности, преподанные Иисусомъ Христомъ, совершенно согласовались съ законами ешественной добродѣтели, ешлы шолько хорошо ее разумѣли. Новыя предписанныя добродѣтели были шакое свойшва, что безприсрасшный разумъ долженствоваль признашь ихъ за высочайшее украшеніе челошвческой натуры. Въ доказательство сего спомнишь шолько

изглянушь на шо, чему Опкровеніе велишь намъ вѣришь и что исполняшь.

Опкровеніе опкрыло намъ новые виды въ швореніи, особливо въ разумной часли онаго. Многоразличный порядокъ и красота Нашуры довольно доказывають, что она не могла бышь произведеніемъ слѣпаго случая. Когдажъ міръ естъ произведеніе премудраго Художника: шо опкуда въ немъ несовершенства, особливо нравспвенныя? Непреспанное спремленіе челоувѣковъ къ счасшію свидѣшельспвуесть, что они не опредѣлены къ бѣдспвіямъ. Опъ чегожъ они злополучны? и по чему, при всей обширности разума, не умѣють они найти вѣрнаго пути къ блаженспву, коего шакъ алчуть? Опкровеніе выводитъ насъ изъ сей неизвѣспности и избавляесть опъ глупаго шого мнѣнія, будпо другое непріязненное Божеспво изъ зависти обезобразило швари мудраго и благого Бога. Всѣ швари, говоритъ оно, вышли добрыми изъ рукъ Божіей. *И видѣ Богѣ вся, елика сотвори, и се добра зѣло.* Чисшые души и шѣломъ облеченные челоувѣки были безгрѣшны, и пошому совершенны. Опъ верховнаго Серафима до послѣдняго червя вездѣ царшповали поря-

докъ и согласіе; всѣ части творенія были въ совершенной связи между собою. Вышняя краса духовъ есть свобода. Но, бывъ швари конечныя, они могли и самый лучший даръ употребить во зло. Сіе и случилось. Нѣкоторые изъ вышнихъ духовъ учинились непокорными Богу, и склонили первыхъ чловѣковъ къ такойже непокорности. Послѣ сего за чѣмъ искашь причины зла въ веществѣ? Она находится въ злоупотребленной свободѣ духовъ, перваго чловѣка и его потомковъ. Безпорядокъ въ духовномъ мірѣ произвелъ безпорядки и въ плѣсномъ мірѣ. Нынѣ чловѣкъ опъ рожденія развращенъ; ибо въ беззаконіяхъ опца зачинаешся и во грѣхахъ матери раждаешся: а со грѣхомъ постигла всѣхъ чловѣковъ смерть. Сію врожденную порчу усугубляютъ еще чловѣки произвольными злыми дѣяніями. *Помыслы ихъ злы отъ юности и навсегда.* И такъ не должно удивляшся, что чловѣки злополучны и не могутъ сами себя извлечь изъ своего несчастія. Сіе бѣдствіе, опъ копораго они спонуть, есть собственное ихъ произведеніе. Оно есть натуральное слѣдствіе нравственнаго безпорядка, ими въ самихъ себѣ произведен-

наго. Не долженъ ли сей безпорядокъ оставашься навсегда въ мѣръ всеблагаго Бога? Долженъ ли челоуѣкъ навсегда бытъ злоуполучень? И кто возстановитъ прежній порядокъ и первобытную красоту? На сіи вопросы разумъ молчитъ, Ошкровеніе ошвѣщшвуешъ:

Хрисіанская Религія ошкрываетъ вамъ новыя виды шакже и въ Божешствѣ. Поврежденіе челоуѣковъ хошя не изгладило вовсе въ душахъ ихъ понашія о вышайшемъ Сущешствѣ; но они размножили Божештво, и, шакъ сказашъ, раздѣлили оно на часштки и очши по всѣмъ шварямъ. Сіе было ишпочникомъ идолослуженія; и для того Ошкровеніе научило, что Богъ единъ Творецъ и Господъ всего видимаго и невидимаго. Оно еще большему насъ научило, а именно: что сей единственный Богъ ешть Отець, Сынъ и Духъ. Отець, родившій предвѣчно Сына; Сынъ, вѣчный образъ Отца; и Духъ, ошъ самыя вѣчности изъ Божештва производящій.— Сіи шри шъ единомъ сущешствѣ сущъ единъ. Богъ. Каждое лице имѣешъ равное учашіе во всѣхъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ правахъ Божештва; но не ешть въ особености Божешкое сущештво, а шолько въ Немъ пре-

бываешь. Впрочемъ имена Отца, Сына и Духа не суть имена, приписываемыя въ нѣкопрыхъ полько опношеніяхъ одному и помуже лицу; инако не были бы справедливы сіи Спасителевы слова: что Онъ онъ Отца пришелъ, что Отець послалъ Его, что Онъ пошлетъ Святаго Духа, что Онъ и Отець суть едины. Самые опвергающіе Божественность Іисуса, по крайней мѣрѣ признающся, что Онъ былъ высокаго ума и великой мудрости чловѣкъ: но какой же разумный чловѣкъ, говоря: *Я и Отець мой суть едины, думаетъ чрезъ то сказать: я и я есмь едины?*

Сей Богъ пребываетъ сердце нашихъ и любви, или поклоненія духомъ, и не хочетъ чести сей дѣлать ни съ какою иварію. На всякое обожаніе какой либо пвафи, сколь бы она высока и благородна была, Онъ взираетъ какъ на опъемное право у Него самаго. Онъ естъ пошже Богъ, которому и Іудеи поклонялись; пошмо поклоненіе Ему въ Троиць не споль ясно было опкрыто церкви Іудейской, какъ Христіанской. Сіе ученіе превышаетъ понятіе разума, но не прошиворѣтитъ здравымъ его основаніямъ. Можешь бышь оно принадлежитъ къ дѣламъ нѣхъ

жспинѣ, которія понимають впродѣ въ состояннн мы будемъ; ибо вѣчностъ разпространилъ кругъ нашихъ понятій. И такъ Религїя учишь прїединству Божества.

Богъ опъ вѣчности предвидѣлъ паденїе рода человѣческаго, и по безконечной благости Своей опредѣлилъ поднять его. Но правосудїе, или святость Его, (ибо Богъ Христїанъ есть Богъ порядка,) требовала жершвы: безъ того какъ бы швари Его узнали ненавистъ Его къ нравственннмъ безпорядкамъ? Сїя жершва долженствовала бышь равной степени съ отвращенїемъ Его опъ грѣха. Вѣчный Сынъ Отчїй предложилъ Себя въ сїю жершву, и, по Божеству Своему, не могъ сдѣлаться оноу не соединя Божественной нашуры съ человѣческою. Задолго до сего обѣщанъ былъ человѣку Искупитель всего рода его. Сбылись пророчества; Онъ низшелъ на землю, принялъ въ шѣлѣ дѣвѣ Марїи видъ бѣднаго грѣшника и во всемъ сдѣлался подобенъ человѣку, кромѣ грѣха. Въ самомъ низкомъ состояннн проповѣдовалъ Онъ Божественння и высочайшія добродѣтели. Жизнь Его и смерть свидѣтельствуютъ о Его человѣчествѣ; а чудеса Его и Его учениковъ доказываютъ

Его Божественность. Справданіемъ и смертію Своею Онъ примирилъ челоѡковъ съ Богомъ, и Богъ готовъ учинишь ихъ блаженными, еспли они не ошвергнушь цѣну сего примиренія. Исполнивъ званіе Пророка и Первосвященника, Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, возсѣлъ одесную Отца, и нынѣ царствуетъ до вѣснраго пршесствія на судъ. Все, что Онъ совершилъ въ своемъ униженіи, дѣлалъ какъ Богочеловѣкъ; обѣ напуры имѣли въ томъ участіе. Онъ еспль примиритель, посредникъ, примѣръ и владыка челоѡковъ; въ Немъ и чрезъ вѣру въ Него должны мы учинишься блаженными. Вотъ шаинство вочеловѣченія и искупленія Хрисова!

Но челоѡки развращены, и въ еспешвенномъ своемъ соспоаніи не разумѣють шаинствъ сихъ: какъ же могли они увѣривать въ сего Искупителя и послѣдовать въ вѣрѣ примѣру Его? Свяшый Духъ принялъ на себя приведеніе въ дѣйство сего примиренія и посланъ былъ ошъ Примирителя. Онъ-шо *извѣствуетъ словесе утвержденіе*, даешъ проразумѣвать сіи великія истины; и еспли челоѡкъ, по узнаніи оныхъ, не возпрощившся дальнѣйшимъ Его дѣйствіемъ: шо Онъ и у-

пверждаешъ его въ оныхъ, удосповѣряешъ его о его бѣдноти, о нуждѣ искупленія, и умножаешъ въ немъ вѣру и швердое упо-
ваніе, чшо во Хриспѣ Іисусѣ учинишся онъ блаженнымъ. Въ сію счасливую ми-
нушу, по вѣрѣ своей, получаешъ чловѣкъ оправданіе опъ Бога и наслаждаешся пло-
дами заслугъ своего Искупишеля. Здѣсь не смопришся на дѣла; ибо прежде вѣры че-
ловѣкъ не могъ произвеспъ ничего пако-
го, чшо бы въ очахъ Божіихъ удоспоива-
ло его блаженшва. Дѣла вѣрующихъ, со-
гласныя съ заповѣдами Божіими, сушъ слѣдспвія, а не причины оправданія ихъ.
Ибо когда они чрезъ вѣру получаюшъ о-
правданіе во Іисусѣ Хриспѣ: тогда полу-
чаюшъ опъ Духа Свяшаго силы *ходитъ непорожно*, и упошребляя силы сіи со стра-
хомъ и шрепешомъ, укрѣпляютъ въ свя-
шоспи. Вошъ ученіе о Благодати!

Но какія средспва упошребляешъ Богъ къ сообщенію чловѣкамъ сей Благодати и къ ушверженію ихъ въ оной, когда они шому не прошивяшся? Сіи средспва сушъ: проповѣдованіе слова Божія и слышаніе онаго, (ибо вѣра производишъ опъ пропо-
вѣди, или опъ слуха,) молишва, крещеніе водою и наконецъ причащеніе въ возпо-

минаніе смерти Иисуса Христа. Сіи таинства не суть просые только обряды: крещеніе есть союзъ возрожденія и обновленія въ Духъ Свящъ; причащеніе есть дѣйствительное совокупленіе съ плѣномъ и кровію Христовою. И по сему сила слова Божія и молитвы, крещеніе и причащеніе суть таинства, копорымъ должны мы вѣришь, а не полковашъ и судишь объ нихъ. Се есть ученіе Откровенія о средствахъ Благодати!

Въ комъ искупленіе Христово чрезъ Благодать и причасіе Духа Его воздѣйствовало, щопъ долженъ исполняшь нѣкоторыя должності. Оныя, по ученію Иисуса Христа, во первыхъ состоятъ въ исполненіи Божественнаго, Имъ самимъ изъясненнаго и щочно опредѣленнаго закона, къ копорому человекъ и до искупленія были обязаны, и щокмо нарушеніе онаго учинило необходимымъ искупленіе. Хотя же всѣ дѣйствія, учреждаемая по сему Божественному закону, дѣлаются чрезъ що Христианскими добродѣтелями, що що производятся опъ вѣры въ Спасителя міра: но изъ искупленія Христова слѣдуютъ еще особыя должності, равномѣрно въ щѣсной связи находящіяся

*

съ должностями естественнаго нравственнаго закона. Поелику же искупленіе Его относится на всѣхъ челоуѣковъ: по и сіи особливья должности, опшуда произходящія, относятся на всѣхъ же Христіанъ. Онъ суть: пламенная любовь къ Богу, поль дорогою цѣною насъ искупившему, смиреніе предъ Нимъ, поспоянство въ вѣрѣ, шерпѣніе, духовное бдѣніе и надзираніе надъ собою; а въ отношеніи къ другимъ челоуѣкамъ брапская любовь: ибо мы должны взирать другъ на друга не полько какъ на шварей, но и какъ на искупленниковъ Божіихъ. Кромѣ званія учительскаго Христошь и ученики Его не ввели никакого новаго состоянія, или образа жизни; и пошому, дабы какое либо дѣяніе справедливо заслуживало наименованіе Христіанской добродѣтели, должно, чтообы оно или предписано было въ Божественномъ нравственномъ законѣ, или бы произшекало изъ ученія Евангелія и церкви. Вопшь каковымъ Опкровеніе представляешъ намъ ученіе Иисуса Христа.

Послѣдующіе въ вѣрѣ и любви Искупишело своему составляютъ невидимую всеобщую церковь Христову. Религія опкрываетъ намъ, что всѣхъ челоуѣковъ

Ожидаетъ воскресеніе плѣа и день всеобщаго суда: но что для вѣрующихъ назначено вѣчное, непремѣнное, и всякое чело-вѣческое понятіе превосходящее блаженство; а для непріавшихъ ученія Христова, или живущихъ не по оному, вѣчное несчастье, вѣчная мука, угопованная Сапанѣ и ангеламъ его. Вопшь ученіе Опкрывенія о будущемъ сосполніи разумныхъ шварей!

Большая часть сихъ испинѣ шаковы, что Христіане обязаны имъ вѣришь и посшавляшь ихъ правиломъ своея жизни, прежде нежели еспешшвенному чело-вѣку сдѣлающся онѣ извѣспными, коему даже и шогда, когда онѣ уже опкрышы, не могутъ во все бышь понятны. Но какъ же вѣришь безъ доказательствъ? Христіанская религія имѣетъ доказательства и припомъ неопровержимыя. Онѣ взяшы не изъ мешафизики, однакожь ясны и имѣютъ Божественную печать. Какой разумъ, буде онѣ справедливы, и какое сердце, буде ощущенія его правильны, будетъ спорить противъ извѣспныхъ ясныхъ со-бывшихся пророчествъ, противъ Божественныхъ чудесъ Иисуса Христа и Его Апо-споловъ, противъ обращенія міра и раз-

проспапаненія Религіи среди жесточайшихъ гоненій и всѣхъ усилій земли и ада прошивъ нея; будетъ спорить прошивъ совершеннаго согласія истинъ ея съ совершенствами Божескими и соспоаніемъ челоѡка, прошивъ гласа совѣспи, подтверждающаго оныя, и прошивъ дѣйсвіей Духа истины, когда мы даемъ Ему мѣсто въ насъ?

Сія Религія, по цѣли Основателя своего, долженствовала послужить къ соединенію всего рода челоѡческаго; всѣ челоѡки долженствовали чрезъ вѣру и нравственность, что есть чрезъ повиновеніе законамъ Божіимъ, прийти въ согласіе между собою. На сей-то конецъ учреждено и общественное Богослуженіе. Но сіе согласованіе не долженствовало нарушать различія соспоаній и образа жизни, ни частныхъ гражданскихъ учреждений и разныхъ свойствъ народовъ, еспли они не прошивны были правиламъ здраваго разума. Такимъ образомъ и въ наружномъ Богослуженіи пребовалась Божественная простота, которую и находимъ мы въ Богослуженіи первыхъ Христіанъ, сообразовавшихся съ примѣромъ Учителья своего и Его Апостоловъ, коихъ праздники бы-

ли шакъ легки и проспы, что ихъ можно было отправлять на всякомъ мѣстѣ, съ шюю шолько разностію, что они соединялись съ великими внушренними преимуществами. И шакъ къ народному Богослуженію не шребовалось ничего, какъ празднованіе нѣкошорыхъ дней, въ кошорые всѣ Христіане собирались вмѣстѣ для общешвеннаго поклоненія Богу, ими чшимуму, и для общешвеннаго поученія въ истины. Сіи дни опредѣлены были въ самомъ Опкровеніи Апосшоломи Іисуса Христа, имѣвшими власть предписашъ законъ учреждаемой ими Церкви. Впрочемъ Христіанамъ предосшавлено было на волю носвящашъ, или нѣшъ, по общему согласію, и еще другіе дни публичному Богослуженію. Для общешвеннаго поученія нужны были учители. Качешва ихъ описаны въ Опкровеніи. Испытаніе ихъ въ словѣ Божіемъ и избраніе ихъ въ сіе служеніе предосшавлено было всей Церкви, шо ешъ посшавленнымъ уже учителямъ и слушапелямъ. Изъ учителей, преподававшихъ публичное ученіе истины, и изъ Христіанъ, поучавшихся оному и повѣрявшихъ всегда слышанное съ словомъ Божиимъ, соешолашвидимая Церковь Христо-

ва, сія духовная нива, на коей однакожь не одна пшеница, но и плевелы возрашашь могушь. Училиши не имѣли другой власти, кромѣ шой, кошорую давала имъ испина съ доказашельствами ея, чшобы принимавшихъ Религію приниматьъ въ общество видимой Церкви, сообщашь имъ ушановленные средства Благодаши и пещиися о душахъ ихъ. Власть всей Церкви соспошла опчаспи въ шомъ, чшо она могла исключашь своихъ членовъ, кошорые ни въ вѣрѣ, ни въ жизни своей не согласовались съ нею, не разрывая однакожь съ ними гражданскаго сообщества; опчаспи въ шомъ, чшо она могла съ общаго, явнаго, или тайнаго согласія, предпринимашь новыя у себя учрежденія къ благососпояню и порядку Богослуженія, еспѣли оныя не перемѣняли существа Религіи и собшвенно ея не касались. Сія Божешвенная проспона въ общественномъ Богослуженіи первыхъ Христіанъ ни мало не уменьшала достоинства Христіанства; напротивъ шого возвышала еще оное, по шому самому, чшо споль мало имѣла сообщенія съ чувшвенностію.

Изъ сѣя системы Религіи, ушановленной самимъ Іисусомъ, очевидно, какое

было бы благо въ церкви и спокойствіе въ гражданскомъ обществѣ, естли бы оная никогда не перемѣнялась, естли бы духовное царство Хрисново основывалось всегда почно на предписаніяхъ Его. Миръ, выходя изъ рукъ Творца совершеннымъ, не пребоваъ ни чьего спаранія о украшеніи его: шакъ и Религія, вышедъ изъ устъ своего Основателя и Его Апостоловъ чистую и совершенную, не пребовада ни чьего поправленія. Евангеліе и посланія Апостоловъ были доспащочнымъ поученіемъ для всѣхъ вѣковъ, содержали въ себѣ всѣ истины вѣры и нравственности, удовлетворяли нуждамъ и разума и сердца.

Богослуженіе не имѣло нужды ни въ украшеніи, ни въ великолѣпії. Правда, наружность много дѣйствуетъ на чувствва: но часно шѣмъ нустѣе и шоще бываешъ при шомъ духъ, часно въ ней одной полагаюшъ и все существо Религіи; а о прамыхъ и истинныхъ помонникахъ Откровеніе сказываешъ, что они поклоняющя въ духѣ и истинѣ. Царство Исусово не ешъ царство земное: въ томъ первый долженъ быть послѣднимъ, и скаршій всѣмъ слуга.

Но Религія не могла сохранить своего совершенства какъ во внутреннемъ, такъ и въ наружномъ своемъ состояніи; ибо ввѣрена была человѣкамъ, которые отъ природы склонны къ переменамъ и непостоянству, подвержены предразсудкамъ, легко обманывающіяся и заблужденію пріемлютъ за истину. Сколь велика любовь наша къ собственнымъ мнѣніямъ! Сколь много хитримъ мы нашимъ разумомъ! И кто не вѣдаетъ силы примѣра? Нерѣдко самый честный человѣкъ, по однимъ только ограниченнымъ своимъ понятіямъ, впадаетъ въ заблужденіе большой толпы. Часно заблужденіе закрывается такъ искусно и такъ близко подходитъ къ истинѣ, что приносятъ ей имамъ ему, думая чинить истину. Но и яснѣйшія истины чего не должны спрашиваться отъ спраспей человѣческихъ?

Сии самыя заблужденія и буйство невѣрующихъ суть однакожь доказательствомъ внутренней изыщности и свящности Религіи. Исторія учитъ насъ, что съ самыхъ первыхъ временъ всегда восставали одинъ за другимъ враги и гонители Религіи; каждый изобрѣшалъ новую систему, каждый хотѣлъ быть мудрѣе другаго, и

каждый — я хочу употребить здѣсь самое скромное названіе — былъ такой же сумасбродъ, какъ и другой. Во всѣхъ сисшемахъ ихъ видно одно безуміе, полько въ разныхъ видахъ, подобно кокешкѣ, которая безпрестанно наряжается и мѣняетъ одно плашье на другое, не надѣясь на природныя прелести свои. Напрошивъ шого, любезный другъ, истина имѣетъ одинъ видъ: и кто не подивился согласію учениковъ Христовыхъ, очевидно въ посланіяхъ ихъ, намъ оставленныхъ?

Впрочемъ всѣ ложныя мнѣнія и заблужденія никогда не попрясутъ швердыхъ сполцовъ: Христіанства; ибо ученіе Іисусово основано на свидѣтельстввахъ духа и силы; и сей духъ и сила пребываютъ еще въ сердцахъ истинныхъ вѣрующихъ. Чшобы яснѣе предшавить вамъ, любезный другъ, свяшость Религіи и ученія Христова, сравнимъ мы оную съ религіями воспочныхъ мудрецовъ и прежнихъ временъ: но сіе разсужденіе опложимъ до слѣдующей ночи.

НОЧЬ ДЕВЯТАЯ.

Христіанская Религія явилась на земли въ то время, когда человѣческой разумъ спалъ бывъ не ешолъ уже грубъ и нѣсколько обрабопанъ, когда человѣкъ былъ уже не одно чувствво, когда силы души его спали ему извѣстнѣ, и когда разныя науки, сдѣлавшисъ гораздо общешвеннѣ, разпространили болѣе его помятія. Даже въ самой Религіи многіе спарались возвыситься надъ грубыми понятиями проспаго народа: но при всемъ этомъ человѣки не достигли истиннаго Богопознавія. Такъ вѣрво исполнились предсказанія Пророковъ, что нѣмько въ эпоху пришествія Мессіи изчезнутъ сіи ираки рода человѣческаго. Все, чему на Воспокъ и Западъ учили о Богѣ, было заблужденіе въ различныхъ видахъ. Къ несчастію, почитавшисъ мудрецами такъ любили свое заблужденіе, что почли Евангеліе за безуміе; и, бывъ не въ состояніи испребишь произведенное имъ впечатлѣніе, захопѣли соединить свѣтъ со пьмою.

Никогда человѣческой разумъ не за-

блуждался до того, чшобы въ душахъ чело-
 вѣческихъ не оспавалось нѣкоего ощу-
 щенія Божеспва. Можешъ бышь надле-
 жишь приписать сіе первому Божеспвен-
 ному впечатлѣнію онаго въ нихъ; мо-
 жешъ бышь оно и испребишься никогда не
 можешъ, будучи прирожденно душѣ чело-
 вѣческой; можешъ бышь пакже обязаны
 мы пѣмъ Божеспвенному Опкровенію,
 которе изъ вѣка въ вѣкъ передавало
 различныя испины, кои хопя и обезоб-
 раживались временемъ, но никогда, ни
 въ какомъ народѣ, вовсе не испреблялись.
 Хопя между Язычниками и были филосо-
 фы, ушверждавшіе, чшо мы, и всѣ міры
 игра шолько случая, а не произведение
 мудрой Причины: но сіе сумасбродство
 должно приписать болѣе опчаянію ихъ,
 чшо не могли познать сію мудрую При-
 чину. Они видѣли слабыя спороны без-
 численныхъ сиснемъ, но способнѣе были
 изпровергнушь, нежели изправишь оныя.—
 Ежели ешь Богъ: по гдѣ Онъ, кшо Онъ,
 и какое существо Его? Какъ могъ Онъ
 бышь вмѣстѣ причиною и шого, чему мы
 удивляемся, и—чему не дивимся? Ешьли
 Онъ все произвелъ: по для чего мы Его
 не знаемъ, и кшо покажешъ намъ пушь

къ Нему?— Они были шакъ горды, или шакъ невѣдуци, что хопѣли сами собою рѣшить сіи вопросы, на копорые Богъ шокмо и ошвѣчать можешъ. Ясное дока- запельство глубокаго паденія челошъка! Никогда философы не занимались споль- ко сими вопросами, какъ въ пришествіе Иисуса Христа.

Человѣки, спавъ невѣрными первому Ошкровенію, и оспавя лучшаго вожда — Бога — не могли и имѣть о Немъ иныхъ понятій, кромѣ чувспенныхъ. Сіе было главное заблужденіе, разплотившее всѣ не- лѣпыя сисшемы Языческихъ мудрецовъ о Божеспвѣ. Человѣки прежде спали обо- гошворять все, что удивленія ихъ, любви, спраха и надежды было доспойно, и что ласкапельство и развращеніе сердца чело- вѣческаго находило чрезвычайнымъ. Такъ начали обожать звѣзды, моря, рѣки, силь- ныхъ людей, царей, наконецъ насѣкомыхъ и самые пороки. Такъ мало по малу воз- никала вѣра проспаго народа — идолопо- клонство.

Вскорѣ за симъ нашлись люди, копо- рые захопѣли опличиться ошъ полпы обыкновенной. Чемъ болѣе разкрывался въ нихъ разумъ, шѣмъ менѣе удовлетво-

ряли ихъ сіи мнѣнія о Божествѣ; чѣмъ болѣе познавали они шварей, тѣмъ менѣе начинали имъ поклоняшьяся. Впрочемъ не возможно имъ было получить истинное понятіе о Богѣ, которае оспраешя за предѣлами чувствъ. Поелику же самыя оспроумнѣйшія ихъ понятія о Богѣ были еще швлесны, то и не могли они опдѣлить Его опъ маперіи. Всѣ языческіе философы попали на чешыре великія разпущія, думая обрѣсти Бога. Халдейскіе и Персидскіе мудрецы предспавляли себѣ Божество самою шончайшею и подвижнѣйшею маперіею, чисшвѣйшимъ огнемъ, или свѣшомъ, изъ котораго изшекли всѣ вещи. Египешскіе дѣлили Божество на три причины: дѣяшешельную, спрадашешельную и злую, и сіе-то было шайное ихъ ученіе о Озиридѣ, Изидѣ и Тифонѣ. Другіе, хотѣвшіе изьяснить жизнь и движеніе въ нашурѣ, сдѣлали Божество душею міра, шакъ швсно съ онымъ сопряженною, что они раздѣлишья другъ опъ друга никогда не могутъ. Тѣ же, кои ближе подходили къ Истинѣ, думали, что Божество должно бышъ совсѣмъ оплично опъ маперіи. Можешъ бышъ они заключали сіе изъ необходимаго чувствшования, что духъ

наравненно лучше всякаго мѣла; можешь
быть также свѣтъ Откровенія, сообщен-
ный Иудеямъ, бросилъ нѣсколько лучей и
къ нимъ. Къ симъ философамъ принад-
лежатъ Сократъ и Платонъ, хотя они
все еще оставались такъ чувственны,
что сошествіе міра изъ ничего неодно-
кратно заставляло ихъ допускать сверхъ
Божества вѣчный дусшой Хаосъ, и при-
писывать Божеству образованіе только
міра изъ Хаоса: отсюда выводили они всѣ
видимыя и вѣщественныя несовершенства
въ мірѣ. Сіе мифіе произвело потомъ еще
новыя безчисленныя заблужденія: но мы
остановимся теперь на Египетскихъ,
Халдейскихъ и Персидскихъ умствовані-
яхъ.

Большая часть Египтянъ погружена
была въ самое нещаднѣйшее идолопо-
клонство. Они богошворили все: звѣзды
и метеоры, неснокъ и царей. Мудре-
цы ихъ видѣли нелѣпость такого богопо-
читанія и прибѣгли къ философскимъ
объясненіямъ, которые казались не столько
нелѣпыми, но въ самомъ дѣлѣ наполнены
были еще большими бреднями; потому
что весь ихъ смыслъ обращенъ былъ не
на то, чтобы совѣтъ истребить глупо-

сти; а на то только, чтобы прикрыть ихъ темнотою. По ихъ сиспемѣ, Божество разлило было по всѣмъ часпямъ міра, такъ что изліянія его проникали въ звѣзды, людей, звѣрей, растенія, и во всѣхъ насѣкомыхъ, болѣе или менѣе. Такимъ образомъ все учинилось божественнымъ и все заслужило честь поклоненія; пошому что все было Божество, или Боги.

Для такого разліія Божества надлежало сыскапъ маперію, во что ему разліпсья; и они соспавили себѣ *нѣкто*, въ которое могло Божество изливашься, и сіе *нѣкто* соединено было съ Божествомъ неразрывно. Сіе *нѣкто* была маперія, или вещьство. Но какъ въ оной нашлось много несовершенствъ, и они не хотѣли приписать оныя шому, что въ ней разлило: шо принуждены были изобрѣсть новое *нѣкто*, которое находило удовольствіе поршпшь все то, что доброе *нѣкто* въ спрадашельномъ *нѣкто* производило. Доброе *нѣкто*, все наполнявшее, назвали они Озиридомъ, которое имя, можетъ бышь, принадлежало какому нибудь доброму Государю: спрадашельное же *нѣкто* называли Богинею Изидою, съ которою Озиридъ совокупился бракомъ; и по всему кажешся,

что Изида дѣйствительно была жена или сестра того Озирида. Сей бракъ былъ не безъ слѣдствій: опть него родился Орусъ, или Миръ. Злобное *нѣкто* называли они Гифономъ, который разрушалъ все, что Озириды и Изида производили добраго. Такъ сіи мнимые мудрецы, погнавшись за вымыслами, удовлетворились одними словами; вымыслили себѣ нѣчто, и опяшь нѣчто, и еще нѣчто, и не нашли. Бога. Діогенъ Лаэртій, Порфирій и Эвсеій не несправедливо обвиняли Египтянь, что они самый міръ починали за Бога; ибо всѣ сіи *нѣтты* что иное, какъ не матерія?

Ученіе философовъ Халдейскихъ было не лучше. Сиспема ихъ Зороаспра и Бельюса, или Вила, покрыва шемнопою. Съ перваго взгляда она обѣщаетъ много хорошаго. Они называли Бога Царемъ и Опцемъ всѣхъ вещей; учили, что всякой порядокъ и красота въ нашурѣ происходитъ опть Его провидѣнія: но сіе Божество и провидѣніе было ничто иное, какъ душа, наполняющая все швореніе, изъ которой изшекли великіе духи, имѣвшіе надзоръ надъ всѣми часпями вселенныя, нижніе боги, демоны и герои. Кромѣ сихъ добрыхъ духовъ былъ еще родъ злыхъ и лу-

кавыхъ духовъ, копорые находились въ непреспанной враждѣ съ оными. Сии нелѣпости произвели поклоненіе звѣздамъ, и что еще болѣе доказываетъ помраченіе ихъ ума—породили изъ себя Магію и Астрологію—науки, чрезъ копорыя, по особеннымъ сполніямъ звѣздъ, хотѣли опредѣлять участи челоуковъ, достигать до ближайшаго обхожденія съ самимъ Богомъ и прозрѣвать въ будущее. Халдейское ученіе о произхожденіи міра было не лучше. Въ началѣ все было ночь и вода. Изъ сего Хаоса образовались нѣкопорыя чудовища. Женцина, по имени Оромака, имѣла надъ ними надзоръ. Белюсъ раздѣлилъ попомъ все оное, испребилъ чудовищъ, и отсюда произошли небо и земля. Самое поверхностное сравненіе сего ученія съ повѣствованіемъ Моисеевымъ о произхожденіи міра можетъ удостовѣрить насъ, что оно ничто иное, какъ изпорченные и искаженные оспашки перваго Опкровенія.

Персы также имѣли своего Зороаспра, копорый, полагающъ, жилъ во времена Дарія Гиспаса. Извѣстно, что народъ сей отдавалъ божескую честь огню, и поклонялся солнцу за то благо, копорымъ земля и весь родъ челоуческой ему

*

обязаны. Но умнѣйшіе изъ нихъ увидѣли, что солнце не могло быть источникомъ всѣхъ вещей. Они хотѣли проникнуть далѣе и зашлись въ разныхъ бредняхъ. Зороастръ соединилъ ихъ всѣ въ одно; и сія система имѣла болѣе связи и согласія, нежели Халдейская. До него философы не находили въ нашурѣ ничего прекраснѣе *Свѣта*, и ничего плачевнѣе и хуже *тьмы*. Для изъясненія сотворенія міра и произхожденія зла, полагали они два главныхъ Божества—Свѣтъ и Тьму, назвавъ первое Мисрою, второе Ариманиемъ. Оба сіи имена, такъ какъ имена Озирида и Тифона, заимствованы, можетъ быть, отъ прошивныхъ свойствъ какихъ нибудь Государей. Система ихъ въ семь случаевъ ничѣмъ не разнилась отъ Египетской: но они воображали, что чрезъ нее могутъ непременно изъяснить все то, что въ нашурѣ казалось имъ непонятнымъ. Существо свѣтоносное было источникомъ свѣта и блаженства; мрачное было источникомъ тьмы и всего того, что злымъ они почитали. И такъ было два Божества въ непрестанной брани между собою, хотя существо Свѣта было сильнѣе Ариманія. Ученіе сіе *Манесъ* возобновилъ пос-

лѣ между Христіанами. Зороаспръ примѣ-
 шиль слабость сей системы, и захопѣль
 вывести всѣ вещи изъ одного источника.
 Почему сдѣлалъ онъ Бога *огнемъ духов-*
нымъ, что и былъ его Митра. Лучи, или
 части сего огня, до произхожденія міра,
 были спянушы вмѣстѣ: но какъ это былъ
 огонь духовный, то онъ принялъ однажды
 намѣреніе испустить лучи свои, и тогда
 явился грубѣйшій свѣтъ, который въ
 солнцѣ и прочихъ звѣздахъ сіяеть; и сіе-
 то было Зороаспрѣ Оромаздъ. Сей гру-
 бѣйшій свѣтъ равномерно не захопѣль
 держашъ лучей своихъ въ однихъ предѣ-
 лахъ и испустилъ ихъ изъ себя: отсюда
 разные изліянія свѣта. Чѣмъ же болѣе
 лучи удалялись отъ главнаго своего ис-
 точника, тѣмъ менѣе спановились они
 свѣтомъ; а чѣмъ менѣе спановились свѣ-
 томъ, тѣмъ болѣе дѣлались тѣмою, и
 тѣмъ вещественнѣе, матеріальнѣе. Та-
 кимъ образомъ произошелъ Ариманій, или
 матерія, причина всѣхъ несовершенствъ.
 Какъ скоро Ариманій явился, то вступилъ
 въ брань со Свѣтомъ: но Зороаспръ
 заранѣе приугоповилъ все такъ, чтобы
 сія гибельная брань невѣчно продолжа-
 лась. Первое существо Свѣта собереть

таки лучи свои и сосредоточился въ самомъ себѣ; и какъ Тьма, матерія и всякое зло по сей системѣ суть только неизбѣжныя слѣдствія удаленія изпеченій свѣша отъ источника Свѣша: по онѣ и должны кончиться, какъ скоро всѣ части свѣша соберутся въ свой источникъ.

Изъ сихъ ложныхъ мыслей о Божествѣ, о произхожденіи міра и зла, послѣдовало спольже ложное и нравоученіе. Примѣняя, что при всѣхъ грубыхъ порокахъ и разпущенствахъ слѣдовали въ плѣтъ человѣческомъ всегда бурныя движенія, приписали весь безпорядокъ матеріи. Никто не искалъ онаго въ волѣ и приписывали порокъ насилію плѣта. Всѣ нравственныя правила относились не на исправленіе воли, а на разрушеніе плѣта. Въ семь разумѣ понимашь должно всѣ увѣщанія ихъ къ воздержанію и умѣренности. Они предписывали множество разныхъ очищеній по сей системѣ ихъ, которая дѣлала матерію источникомъ всякаго физическаго и нравственнаго безпорядка. Нравоученіе сіе весьма согласовалось съ меланхолическимъ и ипохондрическимъ темпераментомъ воспощныхъ народовъ. Человѣческій разумъ не впалъ бы

въ шакія ученія, ешпли бы челоуѣки не позабыли, что Богъ для прославленія Своего можешъ *нигелу* повелѣшь сдѣлашься *яѣсто*, и что причину всѣхъ нравспвенныхъ, и даже физическихъ безпорядковъ должно искашь не въ матеріи, но въ сошворенной доброу и упошребленной во зло свободной волѣ духовъ.

Сія глупая мудрось въ шо время, когда слѣдовало разпроспранитьсья Хриштіанской религіи, овладѣла всѣмъ Воспокомъ, и особливо между Сирянами и Египтянами нашла многихъ почишателей; но бивъ слѣдспвіемъ возпаленнаго воображенія, необходимо долженспвовала прешердѣшь разныя перемѣны. Чѣмъ болѣе челоуѣческой разумъ предавался споль невѣрному вождю, шѣмъ болѣе впадалъ въ фанатизмъ: но всѣ перемѣны касались шолько наружности сего Зороасстрова зданія; Божеспво же всегда ошчавалось суцеспвомъ матеріальнымъ, изъ кошораго всѣ другія суцеспва произпекали. Изобрѣли шолько новыя роды изліяній, перемѣнили шолько имена, сдѣлали шолько новыя метафоры, кошорыя значили не болѣе прежнихъ. Имена Мипры, Оромазда и Ариманія испребились, не говорили уже о ис-

почникъ Свѣша, а спали говорить о *Полкотѣ*, называя ее Греческимъ словомъ *Плерома*. Не говорили уже о изліяніяхъ, а говорили о *Зонахъ*, или духовныхъ напурахъ, копорыя Божество изъ существа своего въ *Полкотѣ* породило. Сіи *Зоны* были не шакъ превосходны какъ Богъ, однакожь совершенны. Они родили изъ себя новыя существа, а сіи новыя существа еще другія напуры, и шакъ далѣе до того, что послѣдніе выродки не спали походить на первыхъ.— Въ цѣпи существъ, посея премѣнной Зороаспровой системѣ нижнія порожденія *Зонъ* были матерія; Божественное же, еще въ ней заключавшееся, было ничто иное, какъ неопредѣленная слабая сила, копорая хошя и приводила шьму, или матерію, въ нѣкоторое, но весьма безпорядочное, движеніе. Есльи бы какой новый философъ захошѣлъ поправить сію систему: по ему стоило бы самыя нижніе *Зоны* сдѣлать духами, копорыя бы могли раждать изъ себя шолько монады съ шемными понятіями. Изъ множества шакихъ монадъ произошла бы пошомъ глыба грубой и неуспроенной матеріи; а нѣкопорыя вышнія напуры, находящіяся въ *Полкотѣ*,

примѣшя сей безпорядокъ, захопѣли бы уменьшишь его и сошворить изъ сей маперіи пварей на нихъ похожихъ: но какъ шакое предпріяшіе превозходило ихъ силы, и они не могли овладѣшь всею маперією, шо хопя и образовали они изъ нея чело-вѣка; но не могли дашь ему ничего, кро-мѣ скопской души. — Говоря языкомъ Зо-роаспровымъ, они сами были шолько лучи перваго Свѣша, и пошому дѣйшвишель-но не могли ничего удѣлишь маперіи, кро-мѣ слабыхъ и маломощныхъ искръ, и сіе удѣленіе ослабило ихъ самихъ. И шакъ все, что въ челоуѣкахъ ешь порочное, должно приписашь опчасши маперіи, оп-часши безсилію ихъ шворцовъ. — Первое Божешво опъ вѣчношши покоилось въ сво-ей *Полнотѣ*; оно ешь причиною міра по-шому шолько, что оно причиною Эоновъ, порожденныхъ имъ въ *Плеромѣ*; и пош-му не оно виною, что міръ несовершенъ. Оно дѣйшвишельно предпринимало испра-вить міръ: но гордосшь Эоновъ, почи-павшихъ произведение свое совершеннымъ, возпрошивилась благимъ намѣреніямъ Бо-жешва. Однакожь удалось ему сообщить міру многіе знаки своей благосши и силы. Разумный духъ челоуѣка Его швореніе.

Оно даровало ему оный для обузданія насильства матеріи и спраспей. Творцы челоуковъ почли сіе за нападеніе на ихъ права, спшали тому прошивишься и мучишь челоуковъ, копорые шеперь спонущъ во узахъ сихъ зависпливыхъ духовъ. Сколь бы злополучны были челоуки, еспшли бы наилучшій Богъ (шворцы челоука хощя боги, но шолько похуже,) не посылалъ иногда изъ *Полноты* въ челоуческія шѣла разумныхъ духовъ первой спешени, копорые чрезъ Магическія науки, на примѣръ чрезъ фигуры, подъ извѣспными созвѣздіями сосшавляемья, могоущъ препяшспвовашь зависпливымъ духамъ и обуздывашь вредное ихъ власпипельство. По сему-шо всѣ сіи Фанашическіе философы почипали Магію, или волхвованіе, за величайшій даръ Божештва.

Вошъ, любезный другъ, почти всѣ основанія перемѣненной Зороаспровой философіи, копорая, пошому чшо господшвовала на Воспокѣ, и называеишья *Восточною*. Симъ явнымъ развитіемъ сего безумія науки обязаны *Мосгеймцу*, копорый съ великимъ шрудомъ могоъ собрашь ошпашки онаго изъ древноспи. Только въ

номъ, кажешся, Мосгеймъ опшпупаетъ ошъ плана Зороаспровой сисшемы, что онъ ушверждаетъ, будшо бы въ оной грубая, безобразная маперія почишалась равно вѣчною первому Божеспву и Эонамъ.— Правда, сіе было ученіемъ древнихъ Египешскихъ и Персидскихъ философовъ, и древніе въ извѣстіяхъ своихъ о философіи Воспчныхъ народовъ много упоминають и о сей грубой маперіи: но, не смопря на шо, вѣрояшнѣе, что сіи фанашическіе мудрецы не признавали маперіи вѣчною. Для шого-шо и приняли они Эоновъ, не жешя выводитъ произхождение зла опъ двухъ равно вѣчныхъ сущеспвъ, а шолько опъ одного. Они довольспвовались тѣмъ, что Божеспво ихъ не было шолько непосредшвенною причиною находящися въ мірѣ несовершенспвъ. Впрочемъ еспшли бы они захошѣли признашь маперію равно вѣчною Богу: шо не имѣли бы нужды въ Эонахъ. Зороаспръ искалъ произходенія ея въ далекомъ удаленіи изшеченій свѣша опъ перваго испочника.— Для новыхъ философовъ, вышедшихъ изъ его школы, было сіе сомнишельно, а для большей часши и непоняшно: почему они выводили маперію изъ безсилія низшихъ

*

Эоновъ, копорые не могли родить лучшаго. Впрочемъ не для чего много заботиться о томъ, копорыя бредни лучше; довольно того, ешвыли мы усматриваемъ, для чего послѣдователи Зороаспровой философіи изобрѣли Эоновъ, споль разныхъ родовъ и племень.

А какъ всѣ сіи положенія были только игра воображенія: то не для чего удивляться разногласію сихъ философовъ. Одинъ довольствовался немногими Эонами, другой пребывалъ ихъ тысячи, дабы опровергнуть сомнѣніе, что самъ Богъ сдѣлалъ міръ несовершеннымъ. Споль же разнились они въ мнѣніяхъ и о творцахъ міра. Одни приписывали честь творенія одному только Эону, другіе многимъ шаковымъ духамъ. Одни почитали Эоновъ весьма сильными, другіе весьма немощными и худыми напурами, смотря по тому, болѣе или менѣе внутреннее ихъ положеніе допускало ихъ находить добра въ мірѣ. Споль же мало согласны были они въ сужденіи опредѣленія, гдѣ собственно ешь мѣсто зла, какія должности нужно исполнять челоукамъ, и какой участи подвергнутся души ихъ по разрушеніи шьла. Всѣ приписывали нравственное

зло либо матеріи, коперою душа объята, либо пиранспву и зависпи Эоновъ, не хотѣвшихъ видѣшь шварей своихъ совершеннѣйшими. Изъ споль нечистаго испочника долженспвовало произпечь спольже нечиспое и нравоученіе, какъ-шо въ послѣдспвіи мы обспояшельнѣе увидимъ. Одни хотѣли измучить шѣло муками, другіе ушѣхами, и никому не приходило въ голову, что прежде всего должно спарашься исправить волю человѣческую; ибо ни одинъ изъ сихъ философовъ не искалъ поврежденія человѣческой напуры въ волѣ.

Тщепно будемъ мы искашь лучшей мудроспи между философами Греческими, Римскими и другихъ Западныхъ народовъ. Правда, они менѣ бредили: но Религія ихъ не болѣ имѣла истины и изящноспи. У *Эпикурейцовъ* не было Бога, или по крайней мѣрѣ ихъ Богъ былъ шакъ празденъ, шакъ недѣяшелень и шакое сонный, что ни въ бышпи, ни въ сохраненіи, ни въ управленіи міра не принималъ учаспія. Когдажь совѣшовали они человѣку исполняшь добродѣшель: шо совѣшовали эпошолько для удовольспвія, съ нею сопряженнаго. *Академики* сомнѣвались, не знали даже, еспь ли истинна. Хошя они не

оприцали, что Боги бышь могущь, но и утверждашь сего не хотѣли. Они не имѣли вѣрныхъ и несомнѣнныхъ признаковъ истины; иногда то, иногда другое, говорили они, кажешся истиннымъ; или прямое сказашь: неизвѣстно, по ли, или другое истинно. Богъ *Аристотелевъ* былъ ничто иное, какъ движущая сила въ Нашурѣ, копорая, приводя все въ движеніе, сама была неподвижна. Безсмертіе души, еспыли онъ и не опвергалъ онаго вовсе, казалось ему сомнительнымъ. Нравоученіе его было проспранно; но онъ весьма много прощаль тому, кто спарался охранить его славу и гражданской покой. Богъ *Стоиковъ* имѣлъ болѣе достоинства, величешва и добродѣтели, нежели Богъ прочихъ философовъ. Онъ былъ лучше, и почипапель его дѣлалъ объ немъ самыя величешвеннѣйшія понятія. Также онъ былъ не споль празденъ, пошому что былъ душою міра и слѣдовашельно имѣлъ много важныхъ упражненій: но будучи соединенъ неразрывными узами съ матеріею, долженствовалъ, какъ и прочія существа, покаряшься вѣчной непремѣняемой необходимости. Споикъ, видя, что человекъ подверженъ многимъ непріят-

нымъ впечатлѣнїямъ, думалъ, что блаженство всякаго существа состоить въ совершенной ко всему нечувствительности. По сему судить должно и о нравственности ихъ, если не хотѣшь обольщать себя высокопарнымъ ихъ ученїемъ. Платоники, казалось, имѣли еще лучшую и сноснѣйшую религію. Богъ ихъ былъ вѣчень, премудръ и силенъ. Онъ создалъ міръ наисовершеннѣйшій, и души наши сотворилъ бессмертными. Сей мудрецъ великъ еще добродѣтельнымъ надвѣялся чего-то, а порочнымъ чего-то спрашивается по смерти: но все сіе основано болѣе на догадкахъ, нежели на достоверности. Они не имѣли никакого швердага и опредѣленнаго основанія сей истинѣ. Богъ ихъ не могъ бы ничего и сотворить, еслилибъ не нашель вѣчной матерїи. Богъ ихъ не все вѣдаетъ, не все недоспапочное въ матерїи поправить можеть, и сверхъ того заключень въ нѣкоторое пространство; а попому не есть безпредѣленъ и неизмѣримъ. Ученїе ихъ о шѣлѣ, что оно есть шемницею души, привело къ шакому нравоученію, кошорое столько же удобно, какъ и Воспочная философія, могла породить Фанашиковъ. Иные законы пред-

писывали они мудрецу, иные просному народу. Опъ послѣдняго требовали они только щакихъ добродѣтелей, которыми общеспвенное благо и общеспвенная безопасность сохраняются; а опъ мудреца, чпобы онъ всегда обращался въ себя и упражнялся непрестанно въ размышленіи, отвлекаясь опъ матеріи. При всемъ помъ Платоникъ оспался бы весьма матеріалень, еспьлибъ онъ и учредилъ себѣ республику по своему воображенію; по крайней мѣрѣ сласполюбцы получили бы въ ней поже гражданское право, какъ и спрогте постники.

Религія Сѣверныхъ народовъ мало извѣсна. Большая толпа народа пребывала въ идолопоклонствѣ; и еспьли *Барды* и *Дрицды* у *Цельшовъ* и *Нѣмцовъ* и были прозорливѣ проснаго народа: по характеръ сихъ народовъ ясно доказываетъ, чпо мудрость ихъ сдѣлала людей не лучшими, а только суровѣйшими, нежели другіе народы.

Сія крашкая исторія Религіи Воспочныхъ мудрецовъ доказываетъ намъ, сколь слабъ человѣчскій разумъ безъ Божеспвеннаго просвѣщенія; доказываетъ, какую нужду имѣлъ міръ въ Божеспвенномъ

Учишелъ; копорый бы прямо показалъ и возвѣсшилъ челоуѣкамъ назначеніе ихъ. Кшо, кромѣ Бога, могъ разсѣлць всю сію шьму и освободить челоуѣковъ ошъ безчисленныхъ заблужденій? Онъ шокмо могъ возврашить ихъ на пущь испины и добродѣтели; ошъ челоуѣковъ же не лзя было сего ождать, пошому чшо мудрѣйшіе изъ нихъ далеко усшранились ошъ истиннаго пупи. Между шѣмъ ученіе въ Мисперіяхъ Древнихъ доказыаешъ, чшо они, хошя и шемно, однакожь предощуцали великія испины, въ лонѣ Религіи кроущіяся: но добродѣтель обязана всѣмъ Христіанству. Оно, говоритъ Носсельтъ, наспоитъ прямо на исправленіе сердца, возвышаешъ натуральную Религію, облагораживаешъ добродѣтели, копорыя Христіанинъ шворитъ для Бога; навчаешъ важнѣйшимъ должностямъ, копорымъ никакой мудрецъ не училъ прежде и копорыя сушь шоль сильными побужденіями къ добродѣтели, какихъ шщепшо у шѣхъ мудрецовъ искашъ мы будемъ. Одно Христіанство изпровергло идолослуженіе со всѣми его мерзосшями, ушвердило спокойствіе Государствъ, и привело въ силу должності любви, сосшраданія и благо-

пворипельности; одно Христіанство сдѣлало ученіе Религіи всеобщимъ и, чрезъ основаніе видимой церкви, прочнымъ.

И шакъ, любезный другъ, пушь, показываемый Религіею, еспь вѣрнѣйшая дорога къ Истинѣ и познанію. Невѣренъ и ненадеженъ пушь, избираемый однимъ человѣческимъ разумомъ; при руководствѣ воли, или сердца, пуши челоуѣка надежнѣе; и шогда, когда разумъ молчишь и при всѣхъ возможныхъ доказательствахъ, можешь бышь, еще не успокоился, внутренній свидѣтель въ нашемъ сердцѣ вѣщаетъ и сладкими узами чувства, ощущенія и дѣйствія, влечетъ насъ къ Богу. Наше познаніе о Богѣ состоишь въ познаніи отношенія швари ко Творцу. Чѣмъ болѣе очищается наше нравственное чувство, шѣмъ ближе дѣлаемся мы къ Божеству; и еспьли вспомнимъ шѣ минушы, кошорья душа наша, какимъ нибудь сильнымъ чувствомъ обращенная, возпаряетъ къ Богу, и предъ Нимъ чувствованія свои излагаетъ: шо признаемся, еспь ли что сладостнѣе сего ощущенія?

Нравственное чувство, приведенное шогда въ дѣятельность и обращенное все къ сему Высочайшему Существу, какія

производишь въ насъ перемѣны! Тогда мы внутренно ощущаемъ, что Богъ есть, и вмѣстѣ познаемъ возвышенность Его надъ нами. Сія созерцаемость для меня, любезный другъ, важнѣе всякихъ доказательствъ; и какъ она сближаетъ меня съ Богомъ и какъ бы вселяетъ Его дѣятельнымъ образомъ въ мое существо: по я познаю въ ней Божественнѣйшаго путешественника, возводящаго духовный мой взоръ въ горній Божественный мѣръ.

Ученіе Христово и Евангельское, любезный другъ, есть Эмблематическое путешествие къ высочайшему познанію. Земля не есть мѣсто для сего зрѣнія; здѣсь должны мы шокмо созрѣть къ тому: но что мы въ вышнихъ сферахъ назначены отчасу дѣлаться чище и Богоподобнѣе, но мы живо чувствуемъ, и Христианство можетъ въ одномъ насъ удостовѣрить. Съ симъ удостовѣреніемъ, съ сими понятіями о Богѣ и Религіи получите вы, любезный другъ, внутренній покой и блаженную радость, копорая на всѣхъ стезяхъ жизни вашей сопровождаетъ васъ будешь.

Величайшимъ доказательствомъ свящости Ошкровенія служишь то, что разумъ человѣческой не далѣе возводишь мо-

*

жеть, какъ только до познанія перваго вѣчно необходимаго Существа. Сіе же познаніе хотя и можетъ удовлетворить испышующему разуму, но недовольно сильно къ подѣйствованію на волю, источникъ дѣятельности нашей. Сія ограниченность доказываетъ, что къ внутреннѣйшему познанію сего Существа долженъ быть другой путь, и сей путь есть частію внутреннее созерцаніе, или нравственное чувство добра, внутреннее Божественное око, частію особенное ученіе, преданное человѣку отъ Бога, о бытіи Его и отношеніи къ Нему, или Опшкровеніе.

Опшкровеніе есть воспитаніе человеческого рода, говоритъ *Лессингъ*. Воспитываешься къ будущему есть наше назначеніе.

Такимъ образомъ, любезный другъ, человѣкъ получаетъ первое понятіе о Богѣ. Первое познаніе его есть вѣра въ бытіе Его; другое познаніе при сей вѣрѣ есть естественное Опшкровеніе, или, что все равно, чувственная очевидность.

Сія вѣра необходима: ибо какъ бы иначе получилъ человѣкъ понятіе о бытіи Божіемъ? Отъ сей естественной вѣры зависитъ Религія и Богопознаніе всѣхъ на-

родовъ: сіе сказываешъ намъ Испорія и преданіе. Съ начала міра вѣра сія находилась въ человѣчествѣ; она была зародышъ, развершывавшійся повсемѣстно, болѣе, или менѣе, по способностямъ человѣковъ. Сей лучъ познанія проицалъ чрезъ всѣ народы въ разныхъ степеняхъ рода человѣческаго.

За симъ началомъ нравственнаго чувства, или собственно духовнаго органа, слѣдуешъ, любезный другъ, другое ученіе о Богѣ, развершывающее болѣе оное первое. Оно соспоишъ въ познаніи Бога въ законахъ швореній Его, въ великой книгѣ Нашуры. Преданіе и Испорія опяшъ доказывающъ намъ, что познаніе нравственныхъ свойствъ Божескихъ у всѣхъ народовъ слѣдовало за вѣрою въ бышіе Его. Наконецъ человѣческая натура начинаетъ искашь ближе познашь Существо, въ бышіе котораго вѣруешъ; разумъ чувствуетъ нужду въ яснѣйшемъ познаніи, и чистая воля приводитъ добраго къ упѣшительному Откровенію. Человѣкъ послѣдуетъ мановенію Божесива и на пуши его возжигается ему звѣзда, которая освѣщаетъ благочестивому спезю въ опечество, насъ ожидающее.

Такъ человекъ, слѣдующій законамъ Опкровеніа, идееть опчасу далѣе, препоручая просвѣщеніе души своей Сущесству, промышляющему о блаженствѣ всѣхъ земныхъ пварей. Тогда онъ чистое познаніе свое соединяеть съ чистою своею волею, и дѣйствуееть по вѣчнымъ законамъ Божества. Воля его спановишся волею Вѣчнаго, и шакимъ образомъ онъ опчасу ближе подходитъ къ подобію, къ единству; избираееть Христа всегдашнимъ образцемъ своихъ дѣяній, и приближаясь болѣе къ напуру Божесвенной, наслаждаееть плодами усовершенствованія своего, или святосши своей. Какъ внутренній духъ его возвышаееться, внутренняя его напура надъ обыкновеннымъ человекомъ возносишся, и онъ ежедневно подходитъ ближе ко Свѣшу свѣшовъ: ꙗко безъ сомнѣнія долженъ онъ видѣть цѣль сущесствъ совсѣмъ съ другой спороны, нежели обыкновенные люди. На каждомъ шагу ему опкрываюеться шисыаи неизвѣстныхъ силъ; онъ читаееть священныя слова шой вѣчной книги, изъ кошпорой излилась жизнь въ сущесства; онъ познаееть связь Божесвеннаго съ умнымъ и чувспеннымъ, и Премудросшь Божія приближаееться къ не-

му: но шеперь подише, успокойшесь, любезный другъ. Въ слѣдующую ночь мы будемъ продолжашь далѣе наши разсужденія.

Н. В. Мнѣніе, поданное здѣсь Авторомъ о древнихъ философахъ и ихъ философіи, кажешся, слишкомъ спрого. Вѣроятно, онъ увлечень былъ ревностію своею къ Христіансшву, чувшвуя, сколь великое счастье бышь Христіаниномъ, и сколь великое преимущество родишся въ Христіанской религіи; и въ жару усердія своего пожершвовалъ *всеобщію* часшвостію. Такъ присшраспіе и къ самому лучшему засшавляетъ насъ часшо оказывашь несправедливостъ другимъ; ибо, бывъ предубѣждены прошивъ какого либо мнѣнія, системы, науки, секшы, въ пользу своихъ, не можемъ уже мы находишь въ оныхъ шой истинны, или шолько истинны, которая, или сколько оной, въ нихъ находишся. Напрошивъ шого неувлекаемый присшраспіемъ испышашель челошческаго вѣдѣнія, изъ напуры ли вещей, изъ самопознанія ли, изъ Опкровенія ли почерпнушаго, обрѣшашель вездѣ слѣды, изображенія, оппечатки шой же любимой имъ истинны; и безчисленностъ приемлемыхъ ею формъ радуешь сердце его, давая ему познавашь шощъ же *свѣтъ* въ разнообразныхъ видахъ. Времена, обшоятельшва, умы и ха-

ракшеры народовъ и чашныхъ людей дають сему свѣшу, шакъ сказаць, полагаць шолько разныхъ грани на полированномъ хрусталѣ, копорыя всѣ сливаюцца попомъ опяць въ одинъ чиспый свѣшъ. На примѣрь: Маги, пришедше въ Виелеемъ съ Воспока на поклоненіе новорожденному младенцу, когда никшо и изъ Священниковъ избраннаго народа Іудейскаго не двинулся еще изъ Іерусалима, менѣ ли Іудеевъ вѣдали Христа? Менѣ ли желали и ожидали Его? — Чшо и самъ нашъ Авшоръ приводитъ въ своихъ *Іероглифахъ Ч. I.*, стр. 27. — Впрочемъ должно нашимъ читашелямъ замѣпипшь: 1, чшо сіи *Ноги* изданы Авшоромъ еще въ 1791 году, а писаны можешъ бышь и гораздо прежде; и съ шого времени Авшоръ, шешвуя непреспанно мужеспвенными шагами къ совершеншву, безъ сомнѣнія приобрьль новыя знанія, какихъ не имѣль въ шо время; 2, чшо самое слово *религія* приемлешся имъ въ граммашическомъ онаго смыслѣ опъ *re-ligare, снова связывать, или воз-соединятъ*; и въ семъ разумѣ Авшоръ нашъ будешъ правъ; ибо чшо можешъ бышь благороднѣе, драгоцѣннѣе, свяшѣе *способа* нашего *возсоединенія съ Богомъ*? — *Примѣт. Переводшика.*

НОЧЬ ДЕСЯТАЯ.

Все, что я вам говорилъ до сихъ поръ, любезный другъ, не есть воображеніе, или слѣдствіе Фанатизма. Я показалъ вамъ истины; въ натурѣ вещей кроющіяся, въ копорыхъ вы сами можете удостовериться. Всѣ разумные и мудрые мужи во всѣхъ вѣкахъ, отъ Сократа до Геллерша и Ерусалема, современниковъ нашихъ, въ нихъ между собой согласны; все ученіе ихъ заключается въ томъ, что человекъ назначенъ къ вышней цѣли, и что земля есть для него, шакъ сказать, ночлегъ. Они всѣ въ томъ согласны, что человекъ чѣмъ болѣе опрѣшается отъ чувственнаго и переходитъ въ умное и духовное, тѣмъ возвышеннѣе, благороднѣе и правильнѣе мыслить. Исторія міра и преданія самыхъ древнѣйшихъ народовъ заключаютъ въ себѣ по по часнямъ, что Религія въ полномъ совершенствѣ намъ показываетъ. Тайное ученіе всѣхъ аллегорическихъ таинствъ древности научило людей, что человекъ чрезъ чувственность низпалъ со щепени созерцанія, на копо-

рой онъ споялъ, и что шокмо чрезъ возвращенное шеспвіе можешъ онъ паки пріобрѣсть свѣтъ своего совершенства. Все великое и истинное, содержащееся въ Мѣологіи у Грековъ и Римлянь, въ ученіи о происхожденіи Боговъ и міра, и въ священньихъ книгахъ древньихъ народовъ, въ *Шаслахъ* у Генпузіанцовъ, въ *Зенд-авестъ* у Персовъ, въ *Эддъ* у Исландцовъ — словомъ: все, что во всѣхъ древнѣйшихъ и священнѣйшихъ преданіяхъ на земли почерпнуто изъ чувства истины — все по Религіи наша показываешъ намъ въ несравненно превозходнѣйшемъ и числѣйшемъ свѣтѣ, и доказываешъ изъ заблужденій философовъ, какую человекскій разумъ имѣлъ нужду въ Опкровеніи. Взгляните на самага себя, любезный другъ, и размыслите безприсраспно о всѣхъ дѣйствіяхъ вашей жизни: не увидите ли вы сами, что чувствственность естъ причина всѣхъ нашихъ заблужденій и спраданій? Чрезъ чувствва же получаемъ мы всѣ наши познанія и заблужденія, и усмопрѣніе наше шого или другаго зависитъ опъ нашихъ органовъ, и съ переменною оныхъ перемѣняешся. Всякое чувстввенное удовольствіе улешаетъ на крыльяхъ времени и

оспавляетъ намъ свидѣтельство о своей невѣрности. Прекраснѣйшій цвѣпокъ въ рукахъ нашихъ увядаетъ; пріятность весны смѣняется шуманными и сумрачными днями осени; старость похищаетъ у насъ ушѣхи молодости; разлука и смерть лишаетъ насъ друзей и любезныхъ намъ— все плѣнно: однѣ внушрннн радости и спокойствіе совѣсти оспающа невредимы въ сердцѣ нашемъ.

Что доспавляетъ намъ чувспенность, любезный другъ? Спрадание и печали. Она обманщица, показывающая посредствомъ волшебнаго фонаря своего ослѣпленнымъ очамъ нашимъ разныя фигуры, копорыя съ огаркомъ свѣчи исчезають— показывающая шѣни безъ существа, копорыя покажуща и шопчасъ исчезають. Она возбуждаетъ въ насъ скопскія похоти, дѣлаетъ ихъ ненасытными, и награждаетъ насъ, — измѣнница! раскаяніемъ и слезами.

Все царство чувспенности, любезный другъ, ограничивается любовью къ себѣ и къ міру; а въ нихъ-шо и состоить наше поврежденіе: она прошивна великой цѣли нашей— любви къ Богу и ближнему. Сія любовь имѣетъ основаніемъ истину и

*

добро; а та одну ложь и зло, которое и произошло опть шого, что человекъ удался опть первой своей цѣли, любви къ Богу и ближнему, и заключилъ себя въ одной любви къ себѣ и къ міру, соспавляющей чувспенность, унизившую его до скопа.

Человекъ имѣлъ вышшее назначеніе; для него сошворены блага духовныя, а не чувспенныя: но онъ не захотѣлъ наслаждашья ими, и, яко духъ, могъ ими не наслаждашья, злоупотребя свое вѣдѣніе. Онъ вѣдалъ связи умнаго съ чувспеннымъ, и сіе вѣдѣніе свое успремилъ на доспавленіе себѣ чувспеннаго наслажденія. Тогда покрылся онъ звѣриною кожей, почувшвовалъ нагошю свою, и не могъ уже возпарить, пошому что чувспенность наложила на него цѣпи. Болѣзни и смерть сдѣлались жребіемъ его; праведное наказаніе за преступленіе необходимымъ слѣдшвіемъ его заблужденія.

Безъ Опкровенія, любезный другъ, человекъ никогда бы не доспигъ шѣхъ великихъ испинъ, чрезъ которыя можетъ онъ паки вознеспсь и возвращапсь себѣ пошерянное доспоинспво. Одинъ Хришпось научилъ его сему и показалъ ему

его уничтоженіе, испытаніе, примиреніе и возстановленіе.

Безъ Ошкровенія, любезный другъ, человекъ не можешь успѣшь въ вышнихъ знаніяхъ. Какъ можешь онъ судить о силахъ духа человѣческаго и силахъ напурь, когда ему неизвѣстно первое состояніе чистаго человека и неповрежденной напурь? Ограниченность его есть главнѣйшая причина безчисленныхъ заблужденій, и мѣръ и человекъ вѣчно оспануши для него загадкою, пошому что онъ хочешь измѣряшь духовныя силы плѣсною мѣрою.

Одна Религія, любезный другъ, вѣдешь къ вышней премудрости; ибо она вѣдешь къ созерцанію и къ Богу. Языкъ сей покажешь спраннымъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ; ибо большая часть человекъ не знаютъ уже Религіи, и многіе изъ нашихъ ученыхъ опшвергаютъ Ошкровеніе, какъ басни, вымышленныя только для просшаго народа. Но, любезный другъ, не давай увлекашь себя заблужденію. Оно находишь шокмо въ чувшвенномъ; у Бога же, гдѣ самая созерцаемость, едина истина.

Немного я посулю вамъ, когда скажу, что ежели вы чистосердечно слѣдовашь

будете святымъ законамъ Религіи и ученію Хриспову, и постараетесь чрезъ заслугу Искупишеля пріобрѣсть паки пошерянное достоинство чловѣка: то вы достигнете высочайшей степени чловѣческаго познанія. Сіе находите въ самой нашуръ вещи, ибо какъ бытъ близъ свѣща и не освѣщаются имъ? Какъ глядя на солнце и не ощущаете теплоты его? Какъ же величественно сіяютъ капли росы утренняя, когда возходящее солнце ихъ освѣщаетъ! Сполъ же величественно, любезный другъ, сіяетъ душа швоа, когда, сдѣлавшись чистюю, подобно каплямъ росы утренней, будетъ освѣщаться вѣчнымъ солнцемъ.

Религія, любезный другъ, содержитъ въ себѣ великія доказательства своей свяшости. Она имѣетъ, говоритъ Оригенъ, доказательства духа и силы: одни состоятъ въ чудесахъ, другія въ предсказаніяхъ. Кто же можетъ ошказатъ въ исторической вѣрошности симъ доказательствамъ? Не тысячи ли людей были очевидцами чудесъ?

Не Божій ли Духъ дѣйствовалъ въ Апостолахъ? Не шонъ ли же Духъ дѣйствовалъ и во свяшыхъ? Воскрешеніе

мерзпныхъ, изцѣленіе больныхъ, что иное были, какъ не слѣдствіе силъ освященія?

Философы наши, правда, не имѣють о семъ понятія, и могутъ ли и имѣть оное о вышнихъ вещахъ, когда они вещи и дѣйствія духовныя хопяшь объясняшь плѣсными причинами? Гордостъ, любезный другъ, не ведешь къ симъ знаніямъ; они сушь дары вѣры и исправленной воли. Духъ религіи не имѣеть ничего общаго съ земнымъ. Удивительно, что чловѣкъ, слабая и немоцная шварь, кошорой грубые органы едва освѣщаются малѣйшимъ лучемъ свѣта, дерзаетъ проникать во Свяпилище Божества и власпительски изпровергать тайны вѣчныя, попомо только, что низкія его понятія не могутъ досязатъ высоты неизвѣстныхъ ему истинъ. Не должно ли сказатъ такому: возвратись паки въ твое ничто, прахъ надменный! Или ты думаешь, что пылинка, измѣряющая свою великосшь, можетъ измѣрить также и вѣносшь?

Давно, любезный другъ, Мисперіи занимали невѣрующихъ; и они ихъ опшвергли, не подумавъ о томъ, что вся Натура на каждомъ шагу предлагаешь имъ новыя таинштва. Сіи миліоны міровъ, плаваю-

щихъ въ неизмѣримости творенія — сіи несчетныя солнцы въ млечномъ пупи — планеты и блуждающія звѣзды — что для насъ иное, какъ не таинства? Какъ мало знаемъ мы о цѣли бышя ихъ и назначенія! И въ самомъ нашемъ мѣрѣ какихъ таинствъ нѣтъ въ Напурѣ? Кто изъяснилъ влагу, протекающую наши нервы? Кто объяснилъ происхожденіе оцупимости въ живошныхъ? Кто изслѣдовалъ рашипельность и жизнь нравъ и цвѣповъ? Все сіе не еспѣ ли для насъ таинство? Когда же и сей шѣлесный мѣрѣ, въ грубой своей оболочкѣ, скрываетъ опѣ насъ вещи, коихъ мы посшигнушь не можемъ: что Религія, имѣющая предмешомъ единого Бога, не болѣе ли еще должна заключать въ себѣ таинствъ для ограниченныхъ понятій нашихъ? Удивительно, любезный другъ, какъ невѣрующій не терпимъ таинствъ Религіи, когда терпимъ таинства безбожія! Не приемлешъ бышя вѣчнаго Бога, а допускаешъ вѣчную машерію! Ошрицаешъ бышіе духовъ, а не сомнѣваешся допусшмъ скошу способность мыслить! Какъ справедливы сіи слова Бакновы, что шолько худой философъ сдѣлаешся безбожникомъ, а кто глубже про-

никнесть въ Свяшилице философіи, шотъ изъ безбожника сдѣлаешя вѣрующимъ! Но чпо говоришь о сихъ сиспемахъ нечесція и безбожія, распроспранившихъ ложное просвѣщеніе во времена наши? Онѣ не новыя; онѣ ведушь корень свой изъ самой древности, и послѣдователи ихъ подновляють шолько спарыя кощунства, надъ копорыми Религія давно возшоржеспвова-ла. Жефилософія, любезный другъ, неправо-вильно приемлетъ названіе сиспемы; она не идешь, а во шмѣ бродишь; Религія про-свѣщаешъ, невѣріе омрачаешъ и произво-дишь паденіе и разрушеніе.

Невѣрующій не проникаешъ во вну-реннее; онѣ оспанавливаешя на внѣшнемъ, и пошому никогда онѣ не могъ пошряспи внутренняго Религіи.

Всѣ невѣрующіе спараюшя раздѣлишь челошкоть и возбудишь пагубный эгоизмъ, причиняющій всѣ несчастія челошкоть: Религія же напрошивъ шого спараешя со-единишь челошкоть, и учишь познавашь шотъ чистѣйшій испочникъ, ошкуда из-шекаешъ блаженство челошческое; она еспъ цѣпь любви, соединяющая челошкоть съ челошками и съ Богомъ.

Дабы познашь досшоинство Религіи во

всемъ ея величїи, споишь полько пропи-
 воположивъ ученїе ея ученїю невѣрующихъ.
 Одинъ изъ нихъ ушверждаетъ, что дока-
 зательствва о бытїи Божїемъ суть глупо-
 сти, и что симъ опнимающся у человѣ-
 ковъ способы къ ихъ счастїю; другой го-
 ворить, что слова *духъ*, *душа*, выдуманы
 самолюбіемъ, и что прежде должно ду-
 мать о пѣлѣ, нежели заниматьсѣ душою;
 іпретїи, что всѣ дѣйствїя наши произ-
 ходятъ изъ самолюбія, и попому мы не
 обязаны благодарностию и любовїю ни
 друзьямъ, ни благодѣшелямъ, ниже роди-
 шелямъ. Таковы правила враговъ Опкрово-
 венїа!

Чье же сердце, естли оно сколько
 нибудь способно къ чувствву добра, не
 предпочшетъ правилъ Религїи положенїямъ
 невѣрїя? Не свидѣшельствуетъ ли о свя-
 шости Опкровенїа и самое то, что гнус-
 носшь ученїа враговъ его обнаруживаешся
 съ перваго взгляда?

Но всеобщее развращенїе человѣчеспва
 доказываешъ намъ, любезный другъ, спра-
 ведливосшь Евангельскихъ словъ: что из-
 бранныхъ мало. Много ли найдешся шако-
 выхъ, копорые бы были вѣрны святому

ученію Религіи? Ужасная, но ежедневно подтверждаемая истина!

Конечно всегда были люди, занимавшиеся истиннымъ познаніемъ Бога и истиннымъ служеніемъ Богу: но сіе малое число, кажешся, всегда разсыяно было по шару земному, и неизвѣстно самымъ шѣмъ, копорые по наружности почитали сіе святое ученіе. Во множествѣ невѣрующихъ естѣ безъ сомнѣнія и нынѣ, будущъ и всегда, люди добродѣтельные и чисные.

Добродѣтель, любезный другъ, находится въ шѣсной связи съ истиною; истина естѣ существо вещей, а добродѣтель связь дѣйствій нашихъ съ существомъ и натурою вещей.

Въ царствѣ Божіемъ все порядокъ; человекъ имѣетъ способность познавать отношенія сего порядка, и способность поспушать сходственно симъ отношеніямъ естѣ основаніе его нравственности, копорая, какъ уже я вамъ сказалъ, соспоишь въ великомъ законѣ любви.

Мудрый знаетъ, что любовь къ Богу и любовь къ себѣ суть противоположныя побужденія. Первая расширяетъ сердце человеческое и дѣлаетъ его любовнымъ ко всѣмъ шварямъ: вторая сжимаетъ оное

*

въ самомъ себѣ, и опшвращаетъ опъ всѣхъ мирныхъ связей.

Любовь къ Богу совокупляетъ крѣпчайшими узами домашнее общежительство съ гражданскимъ: а любовь къ себѣ питается только враждебными склонностями и разрываетъ дружбу и связи.

Опшкровеніе научаетъ насъ яснѣе познавать великія опношенія любви; оно показываетъ намъ путь къ высочайшимъ добродѣтелямъ и объясняетъ наше назначеніе, будущее наше блаженство.

Самый умъ, любезный другъ, долженъ побудить насъ покорить разумъ въ послушаніе вѣры, еспли мы размыслимъ, что все ученіе ея есть благо и служитъ ко благу чловѣчества. Кто знаетъ Бога и разумѣетъ языкъ Его въ Натурѣ, возвѣщающей повсюду о любви Его, тотъ разумѣетъ и языкъ Религіи. Искренняя вѣра не только не спѣсняетъ ума, но еще способствуетъ ему къ покойному наслажденію внутреннимъ блаженствомъ. Невѣріе насмѣхается надъ шайнствами вѣры: но, насмѣхаясь надъ вещами, коихъ оно не вѣдаетъ и вѣдать не можетъ, обнаруживаетъ пѣтъ свое безуміе.

Враги Опшкровенія нападаютъ всегда

шолько на внѣшнее, и въ доказательство своихъ умствованій приводятъ шолько соблазны, предспавляемые намъ испорією Церковною. Но не предсказаль ли самъ Хри- спось о соблазнахъ въ Церкви, копорые еще возвышають внушренное достоинство Религіи, попому что сіе внушренное никогда не измѣнялось?

Къ чему служаць положенія невѣру- ющихъ? Кому полезны кощунства ихъ надъ Религією, Провидѣніемъ и безсмерті- емъ? Развѣ шолько порочному; ибо одинъ онъ старашся будещь ослабишь истину, укрѣпляющую благо цѣлаго.

Подумай, любезный другъ, сколько не- вѣрующій прудишся, чпобы унизишь до- стоинство Священнаго Писанія! Какія не писаны ругательства на книгу Моисееву! Для изроверженія истины прибѣгали къ Физикъ, къ памяшникамъ Древности, къ Испоріи: но все было тщешно. Произхо- жденіе древнѣйшихъ народовъ, ихъ преда- нія и самыя басни спихопворцевъ гово- ряць за истину сей книги шому, кшо безприсрасшнымъ окомъ смопришь на вещи. Доказано, чпо древности Кишай- цевъ и Индѣйцевъ проспираюшся не далѣе времяъ Соломоновыхъ. Тысячи тысячъ

лѣтъ, копорыя имъ приписывали и копорыя разными древноспями ушвердимъ спарались, опровержены шакими же древноспями, найденными въ развадинахъ Геркулана. Тоже случилось и съ другими возраженіями. Аспрономы опкрыли безчисленное множеспво звѣздъ; Физики дошли до шого, что спали почишпъ свѣшъ шѣломъ, существенно различающимся опъ солнца; шакимъ образомъ въ самомъ разпросираненіи познаній о Нашурѣ опкрывались всегда большія и большія шайнспва.

Но для чего, скажутъ нѣкопорые, истинна сіяешъ не въ полномъ свѣшѣ? Для чего не каждый духъ возбуждаешъ она къ удивленію? На сіи вопросы отвѣчаешъ одно Опкровеніе. Мы находимся въ соспоянніи, удаленномъ опъ свѣша; жизнь наша еспъ смѣшеніе свѣша со шьюю. Мы живемъ здѣсь въ сумракѣ, копорый шолько возвѣщаешъ намъ о будущемъ днѣ. Испина предешовъ, насъ окружающихъ, ни при какомъ другомъ свѣшѣ посшигнуша бышъ не можешъ, какъ шолько при свѣшѣ вѣры.

Испины, долженспвующія привеспъ человѣка къ блаженспву, показывающпся

ему Религією съ такою спороны, что онъ можешъ приближашься къ нимъ и удаляшься отъ нихъ по законамъ свободы, которую человекъ необходимо имѣть долженъ. Куда онъ ни взглянешъ, вездѣ увидишь отпечатки своего назначенія — указанія Божества, зовущаго его въ горняя.

Куда вы ни посмотрите, любезный другъ, вездѣ найдете предрасудки и заблужденія: только не въ вѣрѣ; ибо она исключаетъ всѣ предрасудки и заблужденія, самолюбіе, тщеславіе и высокомеріе, и все то, что мръ и чувствительность имѣютъ обманчиваго.

Религія, любезный другъ, предлагаетъ намъ чертежъ, исполненный связи, истины и величія: Первородный грѣхъ человека, законъ Моисеевъ, Божественность Иисуса Христа, воскресеніе Его, основаніе Церкви Его, таинства вѣры — все имѣетъ связь и есть цѣль, соединяющаяся съ нравственностью и составляющая съ нею едино. Не лзя отнять ни одного звена, не разорвавъ всей цѣпи. Въ Христианствѣ, какъ и во всей Naturѣ, видно единство и согласіе, возвѣщающія Творца цѣлаго. Иосифъ, Исторіографъ Иудейской, самъ долженъ былъ признашь святость Христа.

Светоній, Тацитъ, Плиній, Луціанъ говоряшь о Христіанствѣ поже, чпо и преданія. *Юстинъ, Лактанцій, Оригенъ, Тертуллианъ*, и всѣ первые святыя опцы свидѣтельствуются самими язычниками въ разсужденіи доказательствъ духа и силы Христіанства, и въ разсужденіи пророчесствъ и чудесъ, и сочиненій ихъ никпо не опровергъ и никпо не оспорилъ.

Халцидій и Макробій говоряшь о звѣздѣ, явившейся мудрецамъ на Воспокъ; *Флегонъ и Фаллъ* упоминають о пшмѣ, покрывшей землю при смерти Христовой, и подшверждаютъ свидѣтельство Евангелія; *Юліанъ* сказываесть о спрашныхъ явленіяхъ, случившихся при возобновленіи храма Іудейскаго, говоря, чпо основаніе онаго поглощено было разверзшеюся землею; и письма Раввиновъ сказывають поже. *Цельсъ и Порфирій* описываютъ чудеса Христовы, и ищущій испины найдеть во всѣхъ книгахъ древности совершенное согласіе.

Но, любезный другъ, Религіи должно также учишься: а сего ученія не любяшь, попому чпо не знають Религіи и не хощяшь знашь ее; ибо она прошивна чуждственности и самолюбію,

Посмотрите на гармоническое шествіе вѣры изъ вѣка въ вѣкъ. Шаги истины вездѣ равно измѣнены; препяшствія на пуши ея всѣ были слабы, и она швердыми шагами преходитъ черезъ нихъ и доспигаесть своего приспанища.

Цѣлые народы соединяются на разрушеніе закона Божія, закона опеческаго; дають другъ другу въ помъ кляшву, и уступають. Самъ народъ оспавляесть законы, оспавляесть истину, спремился къ своей гибели, и носить на челѣ своемъ проклятіе своего преступленія. Тщешно зломышленники соединяются прошивъ ученія Хриспова; облака, покрывающія Святилище, при возходѣ солнца исчезають.

Міръ естъ явленіе превозходящее; вешій законъ былъ явленіе, копорое уже прошло; самое царство Мессіи въ царствѣ времени еще несовершенно; ибо царство Его не естъ опъ земли, но опъ вѣчноспи. По законамъ порядка все, что проходитъ черезъ чувспвенное и преходящее, покрываесться покровомъ мрака; шокмо великій день вѣчноспи освѣшитъ всѣ вещи; шамъ исчезнесть всякая покрышка, и око души получитъ созерцательность. Человѣкъ несправедливо жалуесться на сію ша-

инспвенную мрачность, покрывающую его на земли; сія мрачность есть справедливое наказаніе его: безъ труда, безъ прилѣжной работы, никогда не получишь онъ пошерянаго свѣша.

Завѣса, скрывающая Божество опъ глазъ нашихъ, есть наше испытаніе. Когда время сего испытанія пройдетъ: тогда вскроется завѣса, и красота и величество Божіе являшя во всемъ ихъ великолѣпіи.

На земли Богъ видимъ токмо шому, кто Его ищеть. Здѣсь являешя Онъ въ простомъ видѣ добродѣтельнаго, бѣднаго и ушѣсеннаго мужа; суешный человекъ не знаеть Его, а узнаеть шолько благочестивый; для шакого Богъ вездѣ видимъ въ напурѣ и въ вѣрѣ, но все еще подъ покровомъ, чрезъ который проникаеть шолько око смиренныхъ поклонниковъ.

Законы Божества, любезный другъ, сообразны великошти совершенства Его, и добродѣтель есть согласіе дѣйствій нашихъ съ мыслями Его. И такъ нравоченіе Евангельское есть чистый умъ писанный, котораго, кромѣ сей Божественной книги, нигдѣ не найдеть.

Богъ есть солнце души. Когда набѣ-

гають въ насъ облака похотѣній: по они заграждають благодѣшельный свѣтъ Божества, и мы бываемъ въ шемногѣ. Душа бываетъ въ ясномъ свѣтѣ только тогда, когда облака похотѣній, дѣла чувственности, разсѣвакся.

И шакъ вѣра, любезный другъ, ведеть насъ къ величайшимъ истинамъ. Она научаеть насъ, какъ я уже сказалъ вамъ, познавать произхожденіе, уничиженіе, испытаніе и примиреніе челоуѣка.

Первый челоуѣкъ наслаждался всѣми преимущесвами чистаго духа; онъ покрытъ былъ нерушимою оболочкою, и никогда не узрѣлъ бы смерти, ештли бы непослушаніемъ не потерялъ сихъ священныхъ преимущесвъ.

Мѣспомъ пребыванія его былъ счастливый Эдемъ, рай сладости, гдѣ онъ пишался плодами блаженства. Яко царь міра, былъ онъ посшавленъ въ срединѣ міра надъ всѣмъ земнымъ, и обозрѣвалъ всю окружность окружавшаго его круга чувшвеннаго.

Въ семь сосшояніи первоначальной духовности наслаждался бы онъ вѣчно чиспѣйшимъ блаженствомъ, ештли бы онъ не подвергся чувшвенности, и, прель-

*

спившись ею, не сдѣлался бы невѣрнымъ Богу. Тогда онъ пошерялъ изъ виду окружность своего владѣнія, спустился въ чувстввенность, успремилъ око свое на ложное существо и погрязь во шьмѣ и заблужденіи.

За паденіемъ необходимо слѣдовало заблужденіе, или все шо, чего человекъ долженъ былъ спыдишься и прошивъ чего долженъ былъ сражашься; и въ семь соспоянніи онъ оспанешся дошолѣ, доколѣ не возвраишися шуда, опкуда низпаль.

Разорванная цѣль человекъ съ Богомъ ошпалась бы навсегда шаковою, еспьли бы любовь Божія не послала Искупителя человекъ.

Сынъ Божій вступилъ въ посредничество, ходатайспивоваль у Отца міровъ за изгнаннаго человекъ, съ сосшраданіемъ разпросшерь къ нему руки, связаль паки цѣль, грѣхомъ разорванную.

Нынѣшнее соспоянніе наше, любезный другъ, еще хуже соспоянніа перваго падшаго человекъ; ибо съ меньшими силами и съ множайшими опасностями должны мы выдержашь шопъ же бой съ прелеспями чувстввенности. Въ семь соспоишпъ природное и наслѣдованное поврежденіе наше.

Природное поврежденіе каждаго со-
споимъ въ собственной склонности ко
злу; а наслѣдованное въ удовольствореніи
сей склонности.

И пакъ долгъ нашъ сражашься за ис-
шину и свѣшь, одуховляшьяся, опрѣшашья-
ся опъ чувшвеннаго, удаляясь болѣе опъ
самолюбія и любви къ міру.

Человѣкъ не нашель бы оружія къ се-
му сраженію, и не имѣль бы ни мужесп-
ва, ни силы, еспьли бы Опкровеніе не
ознакомило его съ оружіемъ, которе въ
сраженіи сообщаетъ и мужеспво и силу,
показавъ воину Христову ~~средство~~ бла-
годаши, и явивъ ему во Христѣ образъ
чиспѣйшей добродѣтели.

Мы знаемъ изъ ~~опыта~~ любезный
другъ, сколь шѣло наше призовано къ чув-
швенному. Тысячи прелестей непрестан-
но обольщаютъ насъ и опчасу глубже по-
гружаютъ въ нечиспощу спихійную.

Мы погибли бы на вѣки, еспьли бы
не пришелъ къ намъ Ходашай нашъ, Гос-
подь Іисусъ. Онъ показалъ путь къ до-
спиженію паки того мѣспа, опъ кошо-
раго человекъ удалился.

И пакъ человекъ, желающій вознес-
шись паки на шу висошу, съ которой

онъ низпалъ, долженъ возродиться во Христѣ: вошъ великое его назначеніе, его обязанность, и сему научаетъ его вѣра и религія!

Возродиться значитъ совлечься вешаго челоуѣка, какъ говоришь Павелъ, опречься опъ себя и міра, и жишь полько для Бога: вошъ пушь къ истинѣ и свѣпу; вошъ предметъ великаго дѣла искупленія и прославленія!

Но, любезный другъ, все спараніе наше о помъ не въ соспоаніи удовлешворишь спрогимъ пребованіамъ Божескаго правосудія, и мы опчаялись бы въ избавленіи нашемъ, естъли бы Опкровеніе не преподало намъ сильныхъ и дѣяшельныхъ средствъ къ облегченію сей работы нашего примиренія и не содѣлало бы подвигъ нашъ возможнымъ.

Богъ, по безконечной любви своей, предложилъ намъ все, что можетъ возвратишь насъ изъ нашего изгнанія къ наслажденію жизни, чадспвомъ и свободою.

Средства сіи находятся въ лонѣ вѣры, гдѣ положилъ ихъ Искупитель челоуѣковъ; они сушь сокровища видимой Церкви Его на земли. Черезъ послѣдованіе за Искупителемъ силы наши паки оживляются и

возвышаюпся, и мы приходимъ въ соспол-
 ніе подняпсья изъ глубины мрака и воз-
 лешъшь шуда, гдѣ шокмо покой обрѣ-
 шаепся.

Нынѣшняя жизнь наша еспъ мѣспо
 сраженія, мѣспо очищенія: и пошому мы
 должны упошребляпшь нужныя средспва
 къ нашему спасенію.

Великое блаженспво, любезный другъ,
 ожидаепшь шого, кпо возродипсья во Хри-
 спѣ, кпо, совлекпсья вешхаго человѣка,
 облечепся въ новаго, чрезъ кошпораго шок-
 мо можепшь онъ сдѣлапсья способнымъ къ
 просвѣшленію.

Кпо не ведепшь жизнь духовную, шо
 еспъ, кпо не родипся вновь опъ Госпо-
 да, шопъ не можепшь доспигнупшь сего бла-
 женспва. Испинно, испинно говорю я
 вамъ, любезный другъ: кпо не родипся
 снова, шопъ не можепшь видѣпшь царспвія
 Божія; шакъ сказано у Іоанна.

Теперь спрашиваепсья: что значипшь
 возродипсья? Возродипсья значипшь пере-
 спашъ жипшь по чувспвенности мірской,
 и начашъ жипшь по законамъ порядка ду-
 ха, по образу Искушителя; мыслипшь,
 какъ Онъ мыслилъ; дѣйспвовапшь, какъ
 Онъ дѣйспвоваль, словомъ: быпшь во всемъ

Ему подобнымъ. Вопрь новый челоуькъ, копорый по исправленіи духа своего живеть новою жизнью, соединяеться съ вышними мірами, и возходитъ къ царскому достоинству, къ копорому первый челоуькъ сошворень былъ.

Достойнство сіе состоитъ въ господствованіи надъ чувственностью, спрасьями и міромъ, и явленіи превозходства духа надъ плънностью. Но вождельніе болъшей часпи челоуьковъ устремлено на чувственное. Кто ищетъ въ мірѣ только удовольствій, сладостей и почестей, шопъ не естъ опъ царства вѣчнаго. Царство духовное не имѣеть никакой связи съ царствомъ чувственности. Не забывай никогда, любезный другъ, что челоуькъ назначень къ вѣчности. Мы существа двоякія: скопское плъло наше принадлежитъ къ сему міру, а душа наша назначена къ царству безсмертія.

Сія душа, споль существенно опличающаяся опъ плъла, имѣеть совсѣмъ другіе законы къ блаженству, нежели плъло; и сіи законы суть гармоническіе законы міра духовнаго, составляющаго небо.

И шакъ законъ и нашего духа естъ шопъ, чтообы мыслишь и дѣйствовашь

по сей гармоніи, по естѣ: чѣобы мы во времени мыслили и разсуждали шакъ, какъ мысляшъ и разсуждаюшъ въ вѣчности; презирали бы по, чѣо шамъ презираюшъ; почипали бы и уважали по, чѣо шамъ почипаюшъ и уважаюшъ; любили бы по, чѣо шамъ любяшъ; радовались бы пому, чѣму шамъ радуясь. Сей образъ мыслей называешся умомъ небеснымъ, умомъ шо-го, кѣо возрожденъ во Христѣ.

При всшупленіи въ сей міръ, мы получаемъ, любезный другъ, жизнь еспешенную, жизнь чувспенную, въ кошорой чловѣкъ себя и міръ любяшъ паче Бога и ближняго. Сію жизнь ведушъ большая часъ чловѣковъ; но она не естъ жизнь духовная, кошорой училъ Христосъ, и въ кошорую чловѣкъ чрезъ Религію возродишся долженъ.

Духовная жизнь состоитъ въ любви Бога паче всего, и ближняго, какъ самаго себя, по заповѣдямъ вѣры.

Каждый чловѣкъ, любезный другъ, раждаешся опъ родителей во злѣ, любви къ самому себѣ и къ міру. Все злое, принятое имъ въ себя чрезъ привычки, обращаетъ въ его нашуру, и разпроспраняетъ на потомство, и пошому-по разпло-

женіе зла въ мірѣ чрезвычайно велико; ибо все происходящее изъ собсвенной жизни чловѣка клонится на самолюбіе, или любовь къ міру.

Сіе еспешвенное поврежденіе сдѣлало необходимымъ Опкровеніе; ибо шолько чрезъ вѣру и любовь къ Господу еспешвенная жизнь можешь перемѣнишь въ духовную.

Никшо, любезный другъ, не можешь возродишь самъ собою, хопя бы онъ зналъ все касающееся до новой жизни. Къ сей новой жизни принадлежишь истинное, чему вѣришь, и доброе, что исполняшь надлежишь.

Сихъ вещей самъ собою никшо знаешь не можешь; ибо чловѣкъ понимаетъ шолько то, что подпадаетъ подъ его чувсшва. Изъ нихъ почерпаетъ онъ свѣшь, называемый *свѣтомъ естественнымъ*, чрезъ который видишь онъ шолько то, что міру и ему свойсшвенно, а не *небесное* и *Божественное*: сему долженъ онъ научишь изъ Опкровенія.

И шакъ Опкровеніе даетъ законы для чловѣка внушренняго, и сей внушренный чловѣкъ долженъ возобладать надъ внѣшнимъ; ибо порядокъ жизни у чловѣка съ

самаго его рожденія превращень, а именно: что должно господствовать, по служить; а что должно служить, по господствовать. И такъ порядокъ сей надлежитъ снова переправить: внутренній человекъ долженъ господствовать, а внѣшній служить. Когда сіе исполнишь: по внутренній человекъ возродится, и тогда подтвердится сказанное у Іоанна: кто не возродится водою и духомъ, тотъ не можетъ войти въ царствіе Божіе. Вода, въ духовномъ смыслѣ, есть истина вѣры, а духъ есть жизнь вѣры.

Сколь ни важны открываемыя мною вамъ истины, любезный другъ; однако вы должны остеречься, чтобы при размышленіяхъ вашихъ о нихъ не впасъ вамъ въ заблужденіе. Изъ примѣровъ исторіи церковной должны вы научиться различать истины отъ заблужденій, введенныхъ еще въ первыя времена суевѣрами противъ святаго ученія Евангелія, и измышленныхъ ими отъ Языческихъ философовъ.

Платоники, Перипатетики, Скептики спарались разными образами смѣшавъ заблужденія свои съ чистыми источниками Религіи; и есть люди и нынѣ, копо-

*

рые, по недоспапкѣ правильного вѣденія испоріи, соединяють Платоническія, Пифагорейскія и Зороаспровы положенія съ чиспымъ ученіемъ Хрисповымъ, и вводятъ ищущихъ истины въ заблужденіе.

Слава имени Иисусъ-Хриспова и чудеса Его подтверждена споль многими свидѣтельспвами, что дерзоспъ нападающихъ на нашего Искупителя почти непроспительна. Новые Платоники признали Его за великаго философа, копорый между Іудеями зналъ истинный путь соединенія съ Богомъ; они не сомнѣвались и въ чудесахъ Его, и утверждали, что Онъ не имѣлъ намѣренія оприцать Боговъ и опвращать міръ отъ служенія имъ: но чрезъ самое сіе утверженіе они оспориваютъ Божеспвенность и спаси Его. *Аммоній*, одинъ изъ знаменитѣйшихъ изъ нихъ, употребилъ всѣ метафизическіе способы къ обработанію изъ сего системы; призвалъ на помощь всю Воспчную мудроспъ, и сдѣлалъ систему, состоящую опчаспи изъ ученія Хриспова, опчаспи изъ положеній Зороаспровыхъ, Платоновыхъ и Аристотелевыхъ; и попому былъ тѣмъ опаснѣе, что положеніе истины Откровенія Хриспова о единспвѣ и проичности

Божіей, о возобновленіи, просвѣщеніи и возрожденіи, о Архангелахъ и Ангелахъ и Посредникѣ между Богомъ и человѣкомъ, заимствоваль онъ для того, чтобы опровергнуть главное основаніе истинной Религии, что Хриспось, для искупленія рода человѣческаго, принялъ на себя человѣчество. Хотя *Аммоній* самъ ничего не писалъ, но система его оспалась въ сочиненіяхъ *Плотина*, *Ямблиха* и *Порфирія*.

По системѣ Аммоніевой Богъ единый, неизслѣдимый и опъ самыя вѣчноспи покоящійся, родиль изъ себя *Умъ*, а *Умъ* родиль изъ себя Божеспвенную душу. Богъ былъ свѣшъ, окруженный кругомъ свѣша, изъ котораго произошелъ новый кругъ свѣша. За симъ послѣднимъ кругомъ былъ еще кругъ темнѣе и имѣлъ нужду во свѣшѣ. Въ умѣ Божіемъ находилъ ся міръ со всѣми его часпями, яко *Цѣлое*, шакъ какъ ручьи находятъся въ источникѣ до истока ихъ. Но міръ, произпекшій изъ *ума* Божія опъ самыя вѣчноспи, былъ оживленъ и образованъ *душею* Божеспвенною, источникомъ всѣхъ духовъ и душъ, чрезъ *душу міра*. И шакъ по сей системѣ можно сказашъ, что міръ вѣченъ, и можно сказашъ шакже, что онъ имѣлъ начало;

ибо причина прежде дѣйствія. Такимъ образомъ примирялись Зороаспръ, Платонъ и Аристотель для того, чтобы оспорить Христіанскую религію.

Изъ ума и души Божіей, по системѣ Аммоніевой, произошелъ необозримый рядъ духовъ, кошорые по порядку, и слѣдовательно по внутренней ихъ добростѣ, оплчались другъ опъ друга: но всѣ были добры и въ своемъ родѣ совершенны. Души, спояціе на вышней степени, заслуживающъ названіе Боговъ. Они сущесшвующъ наилучшимъ образомъ, могутъ дѣлать все въ одно мгновеніе. Души, слѣдующіе за Богами, сущъ Архангелы, Ангелы, демоны и души Героевъ. Всѣ они находящя между Богами и человѣками, и пошому дѣлающя посредниками между ими и Божесшвомъ. И пакъ все исполнено Боговъ, и ештли человѣки желаютъ вознесшсь къ Божесшву: шо должны почиташъ всѣхъ шѣхъ, кои между ими и Божесшвомъ находящя; поелику шолько чрезъ нихъ могутъ доходить молишвы ихъ до перваго Божесшва. Такъ думалъ Аммоній оправдашъ поклоненіе безчисленнымъ идоламъ, и защитилъ служеніе имъ опъ нападковъ Христіанъ.

Аммоній училъ, что чрезъ Теургическія науки можно призывають духовъ, а чрезъ угрозы, заклинанія и пализмань прогоняють демоновъ, по тѣсной и крѣпкой связи между собою всѣхъ изъ Божества произшедшихъ существъ. Ангелы и Демоны суть не совсѣмъ еще чистые души, но только одарены спончайшимъ тѣломъ, нежели тѣло человеческое. Правленіе міра раздѣлено между чистѣйшими духами; каждое государство имѣеть своихъ особенныхъ Боговъ; каждый человекъ своего Демона и Ангела. Тотъ по причинѣ чрезвычайной склонности человека къ маперіи, приковывается его къ оной, и заключаетъ духъ его въ тѣлѣ; а сей побуждаетъ и поощряетъ его освободиться отъ маперіи. Демоны суть истинная причина человеческой склонности къ земному; отъ нихъ производяють болѣзни и безпорядки въ нашурѣ. Богамъ пріятны только тѣ жертвы, гдѣ не бываетъ кровопролитія; ибо они, по причинѣ спонкаго ихъ тѣла, чувственнѣе и похотливѣе чистыхъ духовъ, не имѣющихъ такой оболочки.

Произхожденія душъ человеческихъ, по системѣ Аммоніевой, должно искапать не въ могущественной волѣ Божіей, а въ

собственномъ существѣ ихъ. Онѣ произошли отъ него почти такъ, какъ производящъ искры отъ огня, кошорый ни мало отъ того не уменьшается и не уничтожается. Онѣ существовали уже, и не бывъ еще заключены въ плѣла. Склонность ихъ къ тому, что ниже ихъ, и вождельніе распложашься, были причиною ихъ паденія. Вождельніе раждашъ естъ зло; отъ него произошли бѣдствія жизни человеческой. Пока душа прикована къ матеріи и заключена въ плѣмъ, до плѣхъ поръ она не можетъ наслаждашья испиннымъ блаженствомъ. Ибо чрезъ прилѣпленіе къ матеріи прилѣпляешья она къ тому, что не существуетъ, забываетъ существо свое, не чувствуетъ, такъ сказать, нужды въ самой себѣ, и не познаетъ себя. По справедливости можно назватъ плѣло шемницею души, и пошому порочная жизнь естъ испинное рабство. Естли же духъ хочетъ освободишья отъ сего рабства: то онъ долженъ все то отвергнушъ, что не естъ его; особливо долженъ старашья освободишъ душу свою отъ рабства плѣлу. И такъ цѣлю философіи естъ освобожденіе души изъ плѣна плѣла; она должна паки обратишья къ испиннѣ;

должна чрезъ разсматриваніе истины вознестись къ чистѣйшимъ духамъ, и чрезъ нихъ соединишься съ Богомъ. Но такое соединеніе съ Божествомъ, въ продолженіе жизни сей, не совершенно удается; соединенныя души наслаждаются симъ счастьемъ уже въ нѣдрахъ Божества. Только нѣкопорымъ великимъ духамъ удается и на земли иногда приводить себя въ такое состояніе, въ которомъ дѣлаются они вовсе *душею*, и могутъ созерцать самое Божество. Но шоль великое дѣло, каково есть очищеніе души, совершается не вдругъ, а постепенно. Почему есть добродѣтели *естественныя*, кои украшаютъ плѣло и чрезъ то ослабляютъ оковы души; есть добродѣтели *нравственныя*, или *гражданскія*, кои сохраняютъ порядокъ и спокойствіе общее; и есть добродѣтели *созерцательныя*, кои отвлекаютъ человека отъ плѣла, обращаютъ его въ самага себя и занимаютъ его разсматриваніемъ самага себя; — *огустительныя* добродѣтели, состоящія въ воздержаніи отъ плѣсныхъ и чувственныхъ дѣйствій, и освобождающія человека не шолько отъ склонности его къ матеріи, но и отъ оковъ самага плѣла, *гудодѣй-*

стенныя, (теургическія) добродѣтели, дающія мудрому способность къ связи и обращенію съ Богами и приводящія его въ состояніе успрашать духовъ и повѣлывать демонами; наконецъ *Божественныя* добродѣтели, копорыми душа обладаетъ тогда шокмо, когда она, совлекши съ себя всякую оболочку и маперію, сдѣлается совершенно Ангеломъ; или еще болѣе, когда она соединится съ первымъ своимъ испочникомъ и сдѣлается Богомъ.— Еслили человекъ во всю жизнь свою не шолько не предпринималъ подобнаго очищенія души своей, но еще чрезъ пороки далѣе удалился ошъ перваго своего Испочника и еще болѣе погрязъ въ маперію: шо онъ подвергается опасности бышь во смерти заключеннымъ еще въ худшую шемницу, нежели человекское шѣло, или переходить изъ одного шѣла въ другое до шѣхъ поръ, пока совершенно освободится ошъ маперіи. Еслили же человекъ и началъ сіе великое дѣло, но недовольно въ шомъ успѣлъ во время жизни: шо въ наказаніе за шо при смерти нескоро достигается жилища блаженныхъ, и долженъ совершить очищеніе свое въ среднемъ мѣсшѣ, дабы достигнуть высочай-

шаго блаженства и пошеряшься въ Богѣ.

Вы видите, любезный другъ, что въ сей системѣ заключаюся весьма многія истины. *Аммоній* занялъ ихъ опъ древнихъ мудрецовъ и даже изъ ученія Христіанъ: но его ученіе скоро спали употреблять во зло; спали опровергать онымъ ученіе Христово, ослаблять вѣру къ божественности Его и спаси, и попрясаъ главнѣйшіе догматы вѣры. Есть еще и нынѣ шакіе, которыя обвиняють Церковь, будпо бы она ученіе объ Ангелахъ хранителей и почитаніи ихъ, изгоняніи нечистыхъ духовъ, чистищѣ, или мытарствахъ, заимствовала опъ Аммонія: но неосновательность сего мнѣнія доказываешся исторіею Религии и Апостоловъ; ибо истины, находящіяся въ системѣ Аммоніевой, заимствованы имъ опъ Христіанъ, а не Христіанами опъ него.

Все сіе, говорю я вамъ, любезный другъ, для того, чтобы опсередъ васъ опъ разпушій, и показатъ, что единъ есть Богъ, одна истина, одинъ Искупитель, одна Религія. Но какъ, скажутъ, можетъ человекъ изъ шакого множества религій узнать истинную? Сей самый во-

*

прось, любезный другъ, и незнаніе столь важнаго предмета доказывающъ уже немощь челоувѣческую и необходимость въ вышнемъ веденіи. Челоувѣкъ долженъ приипи къ самому чувстввенному удостовѣренію о семъ предметѣ, и сіе возможно: шогда Высочайшее невидимое Существо содѣлаешя понятнымъ уму его и подасъ ему наисильнѣйшія средсва къ огражденію себя ошъ обмановъ и ошибокъ. Какъ скоро челоувѣкъ начинаешъ искашъ сего свѣпа и съ чистымъ сердцемъ вѣрно слѣдовашъ за симъ Существомъ: то онъ дошпгаешъ сего увѣренія, и получаешъ неложныя доказательсва своей. вѣрѣ.

Но на сей разъ довольно; подумайше хорошенъко о предложенныхъ мною вамъ великихъ испинахъ; въ слѣдующую ночь побесѣдуемъ о семъ еще. Небо да благословишъ васъ силою къ шеспвованію пушемъ правды!

НОЧЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

Взглянувъ на человѣческой родъ въ еспешвенномъ его, лишенномъ вышнія помощи, соспоянїи, не лзя не увидѣшь его паденїя и распройсшва: Священное Писанїе, разумъ, испорїя и опышь свидѣпельствують о семъ.

Опкровенїе научаешъ насъ, что шолько чрезъ оное можемъ мы вышпи изъ сего бѣдшвеннаго соспоянїя. Евангельское же ученїе обходилсѧ съ нами, какъ съ больными; опкрываешъ намъ причины нашихъ болѣзней, показываешъ необходимость познанїя сего бѣдшвеннаго нашего соспоянїя и даешъ намъ въ руки средство къ нашему изцѣленїю.

Нравшвенно злое соспоянїе имѣешъ въ Св. Писанїи разныя имена; главнѣйшія изъ нихъ сущь: грѣхъ, неправда, беззаконїе, *Евр. VIII. 12. Іоан. III. 4. 6. 8. 9. VIII. 34. Римл. VI. 12. 14. 17.* шьма, невѣдѣнїе, *Еф. V. 8.* дѣла шьмы, *Римл. XIII. 12. Еф. V. 11.* площь, жизнь по плоши, дѣла плоши, *Римл. VIII. 12. 13. Гал. V. 17, 19.* сѣяшь въ площь. *VI. 8.* мершвыя

дѣла, *Евр.* VI. 1. дѣла діавола 1. *Іоан.* III. 8. дѣлашь беззаконіе, *Матѣ.* VII. 23. XIII. 41. вешій челоуѣкъ, въ прошивоположеносшь новому, *Еф.* IV. 22. 24. *Кол.* III. 9. 10.

Сіе нравспвенно злое соспояніе есшь совокупленіе порочныхъ, прошивныхъ ученію и примѣру Хриспову свойспвь, копорья получаешъ челоуѣкъ или при рожденіи еше, или по собспвенной свободной рѣшимосши. Первое есшь еспеспвенное, или природное наше поврежденіе; вшорое приобрѣшенное, или, какъ Св. Писаніе называешъ, наслѣдспвенный и произвольный грѣхъ. Средсво прошивъ сего злаго соспоянія челоуѣка соспоипть въ шомъ, чшобы испребляшь склонносшь ко злу въ самомъ ея зачатіи, и съ младенчесшва не прешанно возбуждашь, подкрѣпляшь и приводишь въ дѣйсшво склонносшь; спремленіе и способносшь къ добру. Челоуѣка съ юныхъ лѣтъ не словами шолько, но и примѣрами научашъ должно осперегашься всего злаго и спарашься обо всемъ добромъ.

Такимъ образомъ склонносшь ко злу, не находя себѣ опивѣ пици, начнешъ ослабѣвашь; а склонносшь къ добру, не прешашспвуемая прошивною склонносшю,

укоренился и возрастетъ; и такимъ образомъ человекъ чрезъ непрестанное упражненіе въ добръ съ Божескою помощію можетъ еще и здѣсь доспичь высокой степени нравственнаго совершенства: но сіи правила обыкновенно міромъ опровергаются, и къ природному поврежденію прибавляется еще приобрѣщаемое чрезъ

1.) Худое воспитаніе, когда видимъ и перенимаемъ зло, или по крайней мѣрѣ недовольно осерегаемся отъ онаго и не довольно прильпляемся къ добру. Если бы мы съ первыхъ дней нашихъ окружены были одними добрыми людьми, и ничего кромѣ добра не слышали: то безъ сомнѣнія были бы несравненно лучше.

2.) Великіе недоспадки какъ въ часномъ, такъ и въ общественномъ ученіи, въ юношескихъ уже лѣтахъ, много способствуютъ къ умноженію природнаго нашего поврежденія; ибо въ обоихъ сихъ способахъ ученія многое по большой части бываетъ не объяснено, не согласовано съ цѣлю, безъ практическаго исполненія, безъ возбужденія ревности къ тому. Ужаснувшись должно, что самая метода ученія есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ невѣжества и порочности всѣхъ соспояній.

3.) Недоспашокъ въ собраніяхъ, кои бы имѣли цѣлю Богослуженіе и исполненіе Христіанскихъ добродѣтелей.

4.) Множество злыхъ людей и примѣровъ, копорые особливо побуждаютъ къ подражанію, усиливаютъ склонность ко злу, дѣлаютъ порокъ или маловажнымъ, или даже почтеннымъ, и заранѣе знакомятъ насъ со многимъ зломъ. Тысячи сколько нибудь добрыхъ и честныхъ людей многому злу не научились бы, еспьлибъ не видали и не слышали онаго опъ другихъ.

5.) Гражданскія связи съ порочными.

6.) Худыя общесства, копорыми почитаю я не только шѣ, въ коихъ говорятся и дѣлаются худое; но и шѣ, въ коихъ не говорятся и не дѣлаются ничего добраго.

7.) Книги, не только шѣ, копорыя оскорбляютъ религію, добродѣтель и добрыя нравы; но и шѣ, кои не содержатъ въ себѣ ничего нравственнаго и не поощряютъ къ добру; ибо онѣ для разума и сердца равно вредны.

8.) Ложныя правила.

9.) Предразсудки въ важнѣйшихъ и свяшѣйшихъ догматахъ вѣры и дѣланіяхъ.

10.) Случайныя обстоятельство чело-
вѣка.

11.) Тѣлесное его состояніе.

Изъ сихъ источниковъ произшекаетъ нравствен-
но злое состояніе челоѣка, есѣли не вдругъ, по мало по малу, и при-
помъ скорѣе, нежели нравствен-но доброе
состояніе, и также скорѣе у одного, чѣмъ
у другаго, по внутреннимъ и внѣшнимъ
обстоятельствамъ. Въ началѣ челоѣкъ
дѣлается виновнымъ въ нѣкоторыхъ по-
ступкахъ, противныхъ ученію Религіи.
Дѣяніе же (сужденіе, склонность, поже-
ланіе, ощущеніе, дѣйствіе) разумной и
свободной швари вопреки законамъ разу-
ма и Откровенія, особливо вопреки уче-
нію и примѣру Христову, называется
грѣхомъ.

Нѣкоторыя изъ такихъ дѣяній, въ
нынѣшнемъ состояніи челоѣческаго рода,
свойственны всѣмъ людямъ, добрымъ и
злымъ, исправившимся и не исправившим-
ся. У первыхъ называются они *грѣхи сла-
бости*, у вторыхъ *грѣхи злобы*.

Грѣхи слабости суть порочныя и съ
ученіемъ и примѣромъ Христовымъ несо-
гласныя дѣйствія исправляющагося чело-
ѣка, происходящія отъ естественной

слабости, безъ собшвеннаго его желанія и согласія, и сопровождаемыя опвращеніемъ и исправленіемъ: а грѣхи злобы суть дѣйствія неисправляющагося чловѣка, съ намѣреніемъ и по соизволенію его, производящія изъ гошовности ко злу, и не сопровождаемыя опвращеніемъ и исправленіемъ. И пакъ сіи два рода грѣховъ различны между собою и въ причинѣ и въ слѣдствіяхъ.

Грѣхи слабости болѣе или менѣе примѣнны и въ благочеспивыхъ людяхъ, смотря по тому, болѣе или менѣе они исправились. Они пакже суть дѣйствительныя и наказанія доспойныя, нерѣдко опасныя, и для времени и для вѣчности вредныя грѣхи: почему наирачпшельнѣйше должно избѣгать оныхъ, и день опъ дня уменьшать число ихъ.

Изъ повпоренія какого либо злаго дѣянія раждающся злыя свойсва, или привычки и гошовность ко злу. Сперва поселяющся въ чловѣкѣ худыя мысли, склонности, желанія и чувсва, попомъ раждающся худыя слова и дѣла.

Порокъ еспъ гошовность къ дѣйствію, прошивному ученію и примѣру Хриштову: почему грѣхи и пороки различающся другъ

опть друга. Каждая господспвующая склонность къ какому либо грѣху естъ порокъ и дѣлаешъ челоувѣка порочнымъ; и челоувѣкъ, впрочемъ исправившійся, можешъ еще имѣшь такой порокъ, или такіе пороки.

Изъ послѣдованія многимъ порокамъ производить порочное, или грѣховное состояніе, копорое заключаешъ въ себѣ нравспвенно злыя свойспва, способности и качества, въ коихъ зло господспвуетъ и одолѣваешъ добро. Въ семъ состояніи нѣтъ вовсе собспвенно нравспвеннаго добра, познанія, хощѣнія и силы къ оному.

Чрезъ такое поврежденіе всѣ силы, духовныя и шѣлесныя, еспли не вовсе разрушаются, по крайней мѣрѣ расприваются, а именно:

1.) *Умъ*, въ копоромъ являешся неспособность къ познаванію важнѣйшихъ и нужнѣйшихъ вещей, невѣжество, предразсудки, наклонность къ опроверженію спасительнѣйшихъ испинъ, или сомнѣніе и заблужденія въ важнѣйшихъ испинахъ.

2.) *Разумъ*; ибо не онъ, а насильспвенныя спраспи начинаютъ править челоувѣкомъ.

3.) *Воля*; ибо въ желаніяхъ ея не бу-

*

дешъ ни надлежащаго направленія, ни согласія, ни порядка, ни умѣренности.

4.) *Свобода*, которую хощя человекъ еще имѣешь, но не шу, какую имѣлъ до грѣха, и которую Христіанинъ паки приобрѣсть можешь и долженъ — свобода въ выборѣ между добра и зла, гдѣ опереживаешь первое, а не послѣднее.

5.) *Чувствительность*; ибо невинныя чувствованія развращающся, и злыя усиливающся, и спановляющся пріятнѣе добрыхъ.

6.) *Понятіе*; ибо человекъ оспанавливаешся шолько на видимомъ, и судишь о достоинствѣ, или недостоинствѣ вещей шолько по глазу, уху и осязанію: почему неразумная чувстввенность естъ одинъ изъ главныхъ источниковъ безчисленныхъ грѣховъ.

7.) *Воображеніе*, которое начинаешъ господствовать надъ разумомъ и волею.

8.) *Память*, которая начинаешъ гораздо легче принимаешь и удерживаешь въ себѣ злое, нежели доброе.

9.) *Самыя силы тѣлесныя*; ибо погда шѣло не шолько ослабѣваешъ, но исполнено еще безпорядочныхъ склонностей, которыми душа не шолько претяшствуешся

въ своихъ упражненіяхъ, но и различными способами побуждаешся ко злу и погружаешся въ шину безразсудной чувственности.

Съ каждымъ повпореніемъ злаго дѣйствія возрасшаешъ готовность къ оному, и чѣмъ оное продолжашся будешъ долѣе, тѣмъ она будешъ болѣе; исправленіе же спановишся будешъ пруднѣе, и наконецъ собшвенно челоуѣку сдѣлаешся вовсе невозможнымъ. Въ шакомъ состояніи, по самому направленію духа, челоуѣкъ неспособенъ уже къ счастливой и блаженной жизни.

Нравспвенная порча во всѣ времена была и нынѣ естъ весьма велика и всеобща; и не Богъ шому виною, не Искупишель, не преподанныя Имъ силы и средства къ нашему исправленію, (которыи естли бы міръ захопѣлъ воспользовашся: шо до какого бы духовнаго совершенства могъ онъ доспигнуть!) а собшвенная неизвинишельная воля самага челоуѣка. По ученію Исусову около четвершой шолько часши Христіанъ совершенно издѣляшся чрезъ Него отъ сей порчи, и въ преимущеспвенной степени исправляшся, и при шомъ одни болѣе, нежели другіе,

какъ-шо видно изъ погоже ученія Хриштова, кошорое хопя говорить собспвенно о шогдашнемъ времени, но конечно опносятся и на всѣ времена.

Нѣкошорые совершенно погрязли въ пороки, и Религію либо вовсе опвергаютъ, либо безбоязненно и злонамѣренно прешупають ея предписанія. Тѣ называються *хулителями вѣры*, а сіи *безстрашными грѣшниками*. Таковымъ Религія не приноситъ уже никакой пользы. Невѣжество, легкомысліе, предразсудки, вѣшренность, долговременное упражненіе во злѣ суть главнѣйшія причины сего порочнаго безспрашія.

Другимъ Религія приноситъ нѣкошорую пользу, но непрочную. Здѣсь разумѣются шѣ, кошорые не совсѣмъ рѣшились на добродѣшель и истину, но не совсѣмъ рѣшились и на порокъ и заблужденіе; а еще носящся между порокомъ и добродѣшелою; шо добры, шо злы; шо по Христіански, шо противъ Христіанства мыслятъ и живутъ; шо раскаеваются въ грѣхахъ, шо опять за грѣхи принимаються; шо заглушають въ себѣ гласъ совѣсти, шо опять послѣдуютъ оному, но на кошорое лишъ время и шолько изъ спраха;

севодни, пріобщася на примѣръ свяшыхъ шаинь, оспавляють шо и шо, а завпра опяшь дѣлають; или севодни исполняютъ шо и шо, а завпра опяшь бросають. Ежели шаковые долго оспанулся въ семь положеніи, шо можно и ихъ почиташь почи пропадшими для Христіанской добродѣтели и истиннаго блаженства; у нихъ нѣтъ никакого постоянства въ характерѣ, никакой сообразности въ правилахъ. Число сихъ болѣе, нежели шѣхъ.

Еще другіе хопя не совсѣмъ злы, но не совсѣмъ добры, шо ешь: не столь богаты премудростію, Христіанскою непорочностію и добродѣтелью, спокойствіемъ и блаженствомъ, сколько бы по способностямъ ихъ и силамъ, и по преимуществамъ Христіанъ надъ многими народами и людьми бышь могли и долженствовали. Они освободились уже ошь многихъ, но не ошь всѣхъ пороковъ; ошь наружныхъ и гражданскими законами наказываемыхъ пороковъ, а не ошь низкихъ и земныхъ чувствованій, не ошь безпорядочныхъ и злыхъ спрасшей. Они исполняютъ, можеть бышь, и многія добродѣтели; но не всѣ шѣ, къ исполненію копорыхъ имѣють и силы и случай: либо

исполняютъ ихъ не съ прямою Христіанскою чистотою. Почему они оспаются всегда въ равномъ отдаленіи отъ цѣли совершенства, или приближаются къ оной медленными шагами. И сіи также порочны, и число ихъ наибольшее. Таковымъ Религія хотя приноситъ еще пользу, но весьма малую. Разсѣянность, заботы, упражнения и похоти жишейскія, предразсудки, вѣтренность и лѣность оспанавливаютъ ходъ ихъ и задушуютъ въ душахъ ихъ силу Религіи.

Еще есть родъ порочныхъ, коихъ Иисусъ называетъ *лицемѣрами*. Они прикрываютъ порочность свою видомъ добродѣтели, съ намѣреніемъ, либо безъ намѣренія.

Умышленные лицемѣры тѣ, которые, зная о себѣ, что они злы, стараются казаться добрыми. Они оплечаются особливо тѣмъ, что много говорятъ о должностяхъ и Религіи; но ничего не исполняютъ: все, что ни дѣлаютъ, дѣлаютъ только изъ честолюбія, для славы и съ нѣкоторымъ чванствомъ; показываютъ себя приверженными къ Религіи и добродѣтели, и подъ видомъ оныхъ скрываютъ величайшія злодѣянія, въ мѣлочахъ и въ раз-

сужденіи обрядовъ спроги и рачительны, а въ важнѣйшихъ и нужнѣйшихъ вещахъ безсовѣстны. По наружности они люди опрятные, святые, а внутренно преисполнены подлыхъ намѣреній и постыдныхъ чувствъ; обо всемъ судящъ спрого и безъ пощады, а къ себѣ весьма снисходительны и благосклонны.

Сии люди изъ всѣхъ злѣйшіе, и для человѣческаго рода, для религіи и добродѣтели опаснѣйшіе; а пошому и достойнѣйшіе всякаго наказанія.

Неумышленные лицемеры шъ, копорые почищаютъ себя благочестивыми, не бывъ подлинно таковыми; благочестіе ихъ состоитъ только въ успиномъ почипаніи Религіи и въ наблюденіи ея обрядовъ, и не дѣйствуетъ на ихъ сердце, или дѣйствуетъ непоспоянно. При всемъ шомъ они чрезвычайно довольны своимъ благочестіемъ.

Сии не столь вредны, какъ первые: но число ихъ гораздо больше, и состояніе ихъ опаснѣе; пошому что никого шакъ не шрудно исправить, какъ ихъ.

Нѣтъ большей нужды опасаться и осперегаться, чтобы другіе не обманули насъ своимъ лицемѣремъ; а должны мы

строга наблюдать за собою, чпобъ самимъ не сдѣлашься лицемѣрами, и пошому нужно безпрестанно разсмашривать себя по признакамъ истиннаго благочеспія, изслѣдывая себя: довольно ли швердо наше благочеспіе, число ли и правильно ли? Есть ли въ насъ при помъ смиреніе, а особливо одушевляешъ ли насъ сердечная любовь къ челоѡкамъ?

Доброта шаковыхъ порочныхъ еспъ только *линяя добродѣтель*; пошому чшо она похожа лишь на добродѣшель и за нее почищаешся, а въ самомъ дѣлѣ нѣтъ въ ней ни швердосши, ни чеспности, ни благосди; она исполняешся ими либо изъ нелисныхъ и виновныхъ побужденій, либо изъ минушныхъ только намѣреній, либо и вовсе безъ намѣренія.

Хотя пороки безчисленны, и по случайнымъ причинамъ и злоупотребленію свободы челоѡческой могутъ еще размножиться, но всѣ они имѣютъ корень свой въ неисправленномъ умѣ и сердцѣ; и хотя всѣ они суть прегрѣшенія прошивъ Бога и Христа, но одни ближе ошносяшся къ Богу, другіе къ намъ самимъ, или къ ближнему.

Здѣсь вкращѣ описаль я вамъ, любез-

ный другъ, все нравственнее поврежденіе человеческое, изъ котораго вы можете увидѣшь степень его уничиженія.

Человѣку, желающему возникнуть къ премудрости и свѣту, не опасайся другаго средства, какъ работать въ великомъ дѣлѣ своего возрожденія, для коего дѣйствительнѣйшія средства найдешь онъ въ Откровеніи; ибо оно открываетъ ему дѣйствительнѣйшія силы, которыя въ бѣдственномъ его состояніи ему непременно нужны; опчаспи, дабы предохранить себя отъ злыхъ вліяній, его окружающихъ, и не погрязнуть глубже въ пину грѣховную; опчаспи, дабы съ помощію ихъ припши въ состояніе исполнять волю Всевышняго.

Когда человекъ, возражаясь духомъ, начинаетъ новую жизнь, и внутреннее души его перемѣняется: тогда онъ приближается къ помазанію святости, зреть духовными очами, и ощущаетъ присутствіе Божіе. Тогда опверзающся ему книги Премудрости, о которыхъ написано: *И бысть егда совершишася гетырдесять дней, глагола Вышній, рекій: первая, яже писалъ еси, въ лѣвъ постави, и да гтутъб достойни и недостойни: послѣдняя же*

*

седемьдесятѣ сохрани, да предаши ихъ мудрымъ отъ людей твоихъ. Въ тѣхъ бо есть корень разума, и премудрости истогникъ, и вѣдѣнїя рѣка. 3. Ездр. XIV. 46, 48.

Чрезъ премудрость, копорая ему сообщися, узнаешъ онъ связь умнаго съ плѣснымъ, опкроешся ему знаніе всей Нашуры, и онъ увидишь вещи, коихъ мудрость человѣческая постигнушь не можешъ.

Я наспавиль тебя, любезный другъ, въ главныхъ началахъ ученїя Премудрости; шеперь, какъ чадо добродѣтели и дружбы, приклони со вниманіемъ ко мнѣ ухо швое, и душа швоя да опшверзешся къ приняшю мужескихъ велѣнїй Испины. Я покажу тебѣ пушь, ведушій къ счастливой жизни; шы научишься угождашь Творцу всяческихъ, и съ бодростию и успѣхомъ упошребляшь всѣ способы, Провидѣнїемъ доброму человѣку вѣренныя, къ счастію его и другихъ.

Сердце швое, любезный другъ, да будешъ первою жершвою Богу. Благоговѣй ежедневно съ глубочайшимъ смиренїемъ предъ величешвомъ Сущешва сего, все сошворившаго и все сохраниющаго, кошорое наполняешъ Собою все сердце наше,

и копорого однакожь разумъ нашъ ни поспигнушь, ни опредѣлишь, не можешь. Скорби о бѣдшвенномъ безуміи смыкающихъ глаза свои предъ свѣтомъ Премудрости, дабы онъ никогда не проникъ въ ихъ душу. Сожалѣй о шѣхъ, кои не вѣдають цѣны добродѣтели, Опшкровенія и Религіи. Сердце швое да умягчипся и да будетъ признапельно къ опеческимъ благодѣяніямъ Бога швоего, да познаешь униженіе духа человѣческаго чрезъ грѣхи, и предашься вожденію Вѣчнаго. Вѣрь, любезный другъ, что шы только тогда содѣлаешься счастливымъ, когда приближишься къ первому источнику свѣта — Богу. Возвышайся часто душою швоею надъ сущесшвами матеріальными, шебя окружающими, и обращай взоръ къ небесамъ; они швое наслѣдіе, досшояніе, швое опечесшво.

Принеси Богу любви въ жершву волю швою и желанія швои; сдѣлай себя досшойнымъ живопворныхъ Его вліаній; исполняй, какъ человѣкъ, законы, Имъ на шебя возложенные. Угождашь Богу швоему — се швое блаженсшво! Бышь съ Нимъ соединену — се наше назначеніе, правило всѣхъ нашихъ дѣяній!

Но какъ бы смѣли мы, любезный другъ,

возвѣсти очи наши къ Существу всѣхъ существъ — пвари слабыя, рабы чувственности, повсеминутно преспуающіе святыя Его заповѣди, еспли бы благоспъ Его и Ошеческое попеченіе не даровали намъ Искушителя? Преданный правосудію Божию, гдѣ бы ты нашель убѣжище, еспли бы не было для тебя опверспыхъ объятій Того, Кто пожертвоваль самага себя за всѣхъ челоѡковъ? Повергнись во прахъ предъ Словомъ воплощеннымъ, и благословляй Провидѣніе, даровавшее тебѣ счастье родиться между Христіанами! Евангеліе да будеть основаніемъ всѣхъ поступковъ твоихъ; жизнь твоя да будеть дѣлательна и крошка, безъ лицемѣрія и лжесвятости. Христіанство не заключаешся въ одномъ разсмаприваніи великихъ испинъ; оно приводитъ ихъ въ исполненіе. — Симъ-то образомъ ты будеть счастливъ; современники твои благословятъ тебя, и ты явишься нѣкогда безъ претпна предъ пресполомъ Вѣчнаго.

Образцемъ жизни твоей да будеть образъ Искушителя нашего; жизнь Его еспъ примѣръ любви и святости и основаніе св япой Религіи. Жалѣй о заблужденіи, безъ ненависти къ заблуждающему; предоспавь

Богу судъ о немъ: ты же учися любить и шерить. Вспомни, что, яко человекъ, ты изъ всѣхъ шварей избранъ бышь Царемъ шворенія, и не забывай никогда высокаго швоего достоинства. Все, здѣсь окружающее тебя и движущееся вокругъ тебя, смершно и подвержено плѣнію: единая безсмертная душа швоя, чадо Божества, проживаетъ плѣніе, и не исчезнетъ. Повергнись во прахъ, и поклонись съ благоговѣніемъ Вѣчному; каждая молишва есть приближеніе, есть дѣйствіе, производящее воздѣйствіе. Спарайся опчасу болѣе ошрѣшашься опъ оковъ чувспенности, и приближашься къ умному. Люби, по образу Искупителя, всѣхъ человекъ, и послушай по заповѣдямъ Его; будь другъ, гражданинъ, подданный; чши законы и Государей, и помни, что они образъ Божества на земли. Тебѣ не предоспавлено судить ихъ, или шребовашь опъ нихъ опчеша въ дѣлахъ ихъ; а долгъ швой повиновашься. Если ты когда нарушишь сію священную должностъ: то ты долженъ будешь шрепешашь при имени опечества, при имени Государя; и каждый честный человекъ опшвергнетъ тебя опъ сердца своего, яко врага общеспвеннаго порядка; ибо

Хриспось училь соединяшь любовь къ ошечспву съ любовью къ челоувчеспву.

Будь храбрѣйшимъ воиномъ, правосуднѣйшимъ судією, кропчайшимъ господиномъ, вѣрнѣйшимъ слугою, нѣжнѣйшимъ опцемъ, поспояннѣйшимъ мужемъ, послушнѣйшимъ сыномъ, покорнѣйшимъ подданнымъ, и во всѣхъ обшюяпельспвахъ жизни имѣй правиломъ дѣяній швоихъ ученіе Хриспа Спасишеля.

Обработываніе духа швоего да будешъ ежедневнымъ швоимъ упражненіемъ; возпаряшь всегда къ вышнему совершенспву, цѣлю швоею: и шы достигнешъ шого высокаго дошпоинешва, которое было блаженспвомъ перваго челоуѣка — дошпоинешва, къ коему призываетъ насъ Опкровеніе и Религія. Ты сдѣлаешся любимцемъ Неба и Божеспва; благословенія Его проліющся на главу швою; шы удоспоишься имени мудраго, будешъ свободень, счаспливъ и блажень.

Теперь не оспаешся мнѣ ничего болѣе сказашь шебѣ, любезный другъ; начни пракпически работу швою надъ исправленіемъ, возвышеніемъ души швоей; и Богъ, который ешь премудрость и благоспъ, поведешъ шебя далѣе. Для меня до-

волью того, ешлы я указаль шебѣ путь къ Испинѣ; ешлы даль шебѣ ключь къ величайшимъ шаинспвамъ! Дверь же, кошорая для шебя еще заперта, долженъ шы опворишь самъ. Не унывай при руководствѣ Религіи; пребывая вѣрнымъ правиламъ ученія Христова, шы достигнешь мѣшы швоей надежды. Простота, довѣренность и покорность суть свойства, коихъ премудрость пребуешь; посшупай всегда по правиламъ Христіанства, и не испышывай слишкомъ любопышно вещей, кошорыхъ сначала поняшь шы не можешь. Великій Фенелонъ да будешь образцемъ шебѣ, кошорый шоржешвенно подвергъ мнѣнію свои суду вышнему — славное свидѣтельство благороднаго его сердца, кошорое чисшосердечно и со смиреніемъ, а не съ гордостію, искало премудрости. Не забывай никогда того, что я сказалъ еще въ началѣ: что человекъ безъ вѣры не можешь достигнуть и вѣдѣнія. Теперь прощай! Богъ да благословишь шебя въ пушяхъ швоихъ! —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго дома. 1816 года.

ПОГРЪШНОСТИ.

Напечатано:

Читай:

Стран. строк.

2.	28.	что бысказашъ	чтобы сказашъ
10.	25.	объ одной одной	объ одной
12.	7.	ходожница	художница
19.	3.	<i>сѣра</i> , любезный другъ	<i>сѣра</i> , любезный другъ,
54.	17-18.	рзз-мышляшъ	раз-мышляшъ
65.	11.	въ какомъ	въ какомъ
79.	3.	писашеля	писатели
82.	27-28.	перебегашъ	перебѣгашъ
84.	14.	<i>безсмертнвй</i>	<i>безсмертнвй</i>
87.	27.	доказавашъ	доказывашъ
99.	1.	на сердцѣ	на сердце
119.	20.	кружипся	кружисься
136.	1.	нодумашъ	но думашъ
—	11.	есть рабъ	не есть рабъ
149.	15.	при сошвореніи	при сошвореніи
170.	10.	хипримъ мы	хипримъ мы
180.	15.	можешъ бышъ	можешъ бышъ
184.	13.	посей	по сей
191.	26.	кошорое	копорое
200.	26.	<i>Переводѣика.</i>	<i>Переводѣика.</i>
201.	11-12.	челевѣкъ	человѣкъ
202.	5.	Римлямъ	Римлянъ
212.	17.	чѣловѣчесшва	человѣчесшва
228.	17.	упверженіе	упверженіе
254.	16.	крошка	крошка

